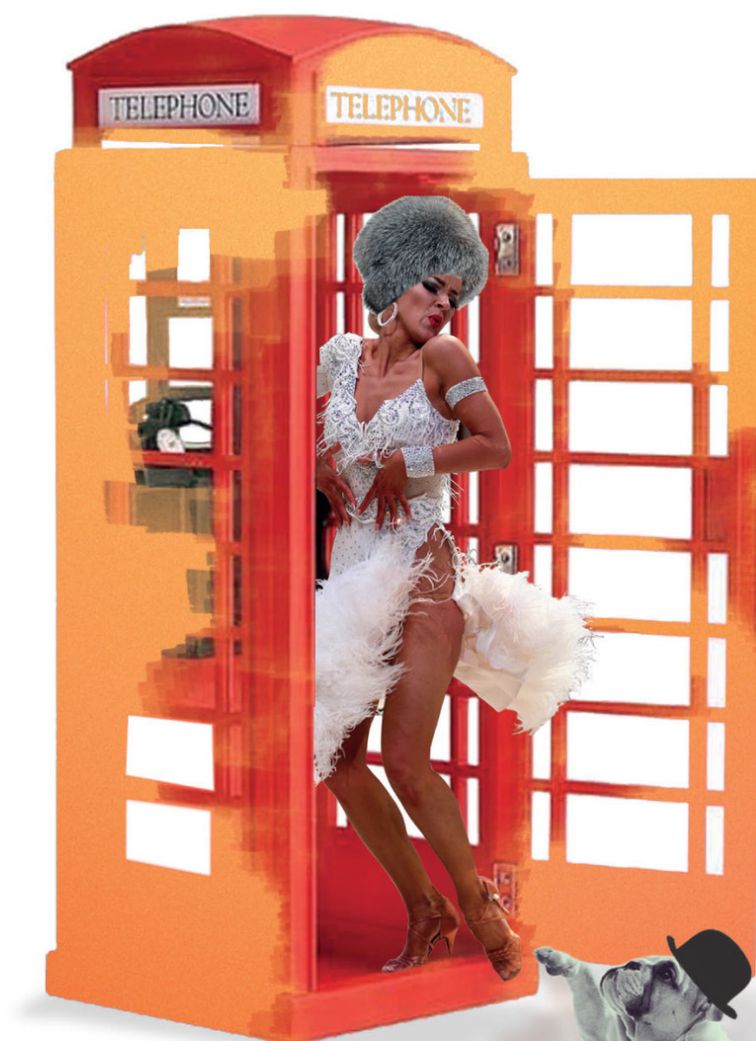

Анна Гранатова

♥ Foxtrot
второе
не танцуют

Приключения
русских артистов в Англии

Анна Гранатова

**Foxtrot втроем не танцуют.
Приключения русских
артистов в Англии**

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гранатова А. А.

Foxtrot втроем не танцуют. Приключения русских артистов в
Англии / А. А. Гранатова — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00095-986-2

Курортный город на берегу Ирландского моря, словно в капле воды, отразил «эпоху перемен», взорвавшую консерватизм островного государства. Огнедышащий китайский дракон вступил в агрессивную борьбу с британским львом, сметая золотым хвостом незыблемые традиции Соединенного Королевства, – даже букингемские чайные сервизы теперь изготавливаются в Пекине. Британские снобы, впрочем, убеждены, что «быть англичанином – значит входить в элитный клуб мира». А как себя в Англии чувствуют русские артисты? Почти столетие курортный городок на побережье Ирландского моря весной превращается в мекку для артистов спортивного бального танца. Участники легендарного «Blackpool dance festival» владеют «секретами успеха» не только на паркете, но и в жизни. На зависть коренным британцам, уроженцы «страны бурых медведей» демонстрируют успешный гостиничный и прочий бизнес на земле Туманного Альбиона. Танцевальные дуэты нередко становятся семейными союзами. Вместе с чемпионами Блэкпула мы анализируем концепт Семьи Будущего. Рушится ли патриархальная модель? Грядет ли эра феминизма? Как выбирать жену или мужа? Какую роль играют дети? Что способно всерьез связать людей, а что – сделать их счастливыми? Артистический мир – это не только азарт спортивной борьбы, но и любовь, надежда, ревность, обиды, месть, хитрость, предательство. Огромные финансовые риски и жестокие правила бизнеса. Вселенная танцующих Звезд – это больше, чем искусство, спорт, коммерция и даже любовь. Это – ярчайшая и поучительная драма жизни Жрецов Терпсихоры, отдавших жизнь Паркету, скользкому, как Лед.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-986-2

© Гранатова А. А., 2020

© У Никитских ворот, 2020

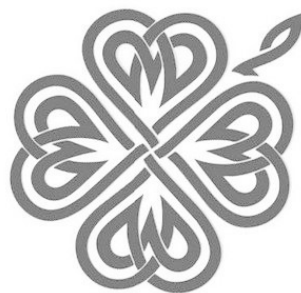
Содержание

Предисловие	9
Авторский комментарий	13
Действующие лица	23
Глава 1	28
Глава 2	40
Глава 3	52
Глава 4	61
Глава 5	72
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Гранатова
Фокстрот вдвоем не танцуют.
Приключения русских артистов в Англии

© Гранатова А.А., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитский ворот», 2020

– Человеку нужно чередовать периоды покоя с энергичным движением. Танцы и ритмы музыки имеют очень серьезную физиологическую основу, – продолжал Иван Гирин. – Это потребность, а не прихоть! Танцы – явление почти социальное...

Иван Ефремов «Лезвие бритвы»

Предисловие

Писатель под парусом путешествия

Жюль Верн утверждал, что «путешествует за рабочим столом», а его друзья подшучивали, что великий знаток океанов и дальних стран « всю жизнь плавал только по своей чернильнице». И это удивительно, ведь знаменитый писатель известен как основоположник приключенческих романов, основанных как раз на путешествиях. Лишь силой собственного воображения и творческой мысли Жюль Верн многократно огибал земной шар вместе со своими отважными героями, парадоксальным образом оставаясь домоседом и начав ходить по морю на яхте лишь в зрелые годы.

Это – парадокс. Гораздо чаще мы видим обратную картину: понятия «писательское творчество» и «путешествия» срачиваются в единое целое.

Эрнест Хемингуэй всю свою жизнь переезжал из одной страны в другую, подолгу находясь то во Франции, то в Испании, а то и вовсе в Африке, «зеленые холмы» которой прекрасно изучил собственными ногами. Около трех десятилетий он прожил на кубинской вилле Финка Вихия, выходя на рыбалку на яхте «Пилар» далеко в Карибское море и почти никогда не возвращаясь в Дубовый парк, деревушку Оак-Парк под Чикаго, вообще не жалуя любовью и вниманием свою свобододолюбивую и демократичную Родину.

Автор «Очарованного странника» Николай Лесков последние годы своей жизни сам был «очарованным странником», кочевавшим по съемным квартирам: уроженец села Горохово Орловской губернии, он никогда не имел в Петербурге собственного жилья.

Не было своей квартиры и у Николая Гоголя. После затяжных поездок в Германию, Францию и особенно в Италию, где он встречался с ярчайшими представителями культуры и работал над «Мертвыми душами», свои последние дни Гоголь провел в доме графа Алексея Толстого, где в третий раз сжег второй том «Мертвых душ», и умер, имея при себе лишь кожаный портфель, поношенное платье да золотые часы, подаренные Пушкиным.

Разумеется, уезжали за рубеж не только ради знакомства с европейскими странами, в которых жили выдающиеся просветители и гуманисты мира, где шедевры архитектуры и искусства служили прекрасными образцами художественного творчества и образ жизни разительно отличался от привычного русского патриархального. Знакомство с Европой подчас резко меняло сознание будущего писателя, что нашло отражение, скажем, в «Философских письмах» Петра Чаадаева и в «Записках русского путешественника» Николая Карамзина. Однако «Путешествие в Европу» и даже за ее пределы могло стать и вынужденной мерой. Так, Александру Герцену и Николаю Огареву пришлось перебраться из Петербурга в Лондон, чтобы издавать газету «Колокол» и альманах «Полярная звезда».

А что уж говорить о XX веке, когда писатель пересел из кибитки, запряженной лошадью, на свершивший транспортную революцию поезд! Вот уж когда наступило «Время странствий». Именно так и называет свою книгу Константин Паустовский – один из томов шеститомной «Повести о жизни».

Бесконечен список писательских имен, представляющих «русское зарубежье», особенно волну первой эмиграции, захлестнувшую литературный процесс после 1917 года.

Именно в эмиграции Иван Бунин создает свои главные книги о России – «Жизнь Арсеньева», «Деревню» и сборник «Темные аллеи». Антон Чехов, начинавший свою писательскую жизнь как журналист, автор знаменитых социальных очерков «Остров Сахалин», неоднократно выезжавший за пределы России, будучи в Германии, сравнивал себя с эмигрантом Буниным: «Мы похожи примерно так же друг на друга, как борзая на гончую». Жизнь за пределами Родины, «на чужих берегах» сама по себе ценна как фактура для литературного произ-

ведения, и неслучайно Иван Бунин подсказывает Владимиру Набокову замысел книги «Другие берега».

Работали в эмиграции и писатели, не ощущавшие идеологического разрыва с Советской Россией, покидая на время страну по каким-то личным соображениям и обстоятельствам, как, например, Максим Горький, именно в Италии создавший фундаментальный роман «Жизнь Клима Самгина».

Известный писатель, публицист, переводчик с французского и испанского, военный корреспондент Илья Эренбург в 1917 году возвращается после восьмилетней парижской эмиграции в Россию и спустя несколько лет пишет роман о строительстве индустриального гиганта «День второй». Проходит несколько лет, и он вновь едет в Париж и пишет, уже как журналист, серию колоритных очерков об этом городе.

Цели путешествий у классиков XX века могли быть самыми разными.

Павел Бажов собирает на Урале сказы для будущей «Малахитовой шкатулки».

В годы первых пятилеток Валентин Катаев много ездит по стране, изучая ее во всех новых и драматичных красках, от северного морского пути до Златоустовской границы между Европой и Азией.

Много путешествует по России певец природы Михаил Пришвин. После успеха карельской книги «В краю непуганых птиц» он настолько проникается страстью к странствиям, что превращается в «странствующего охотника», в своих дневниках пишет о том, что «изобрел очень дешевый способ путешествовать, ведя аскетичный образ жизни с рюкзаком за спиной и простым провиантом». В Манчжурии Пришвин пишет свое, возможно, лучшее произведение крупной формы – поэтическую повесть «Жень-шень».

Путешествует не только по России, но и за ее пределы писатель Иван Ефремов, именно научные экспедиции в Монголию позволяют ему создать серию книг в разных жанрах, от очерковой «Книги ветров» до серии фантастических рассказов. На стыке документалистики и художественного слова создан Иваном Антоновичем рассказ «Озеро горных духов» – о художнике с Алтая и озере в районе месторождения ртути.

Для подлинного писателя не существует географических границ, как их не существует для литературного творчества.

Впрочем, если для писателя-фантаста, как правило, просто невозможно побывать в местах действия своих произведений (достаточно вспомнить уже ставшие классикой «космические» романы Рэя Брэдбери, Станислава Лема, Айзека Азимова, братьев Стругацких и Ивана Ефремова), то для реалистов знакомство с будущими прототипами и окружающей их средой вполне достижимо. Да, жанры массовой литературы – детектив, уже упомянутая фантастика, фэнтези, не претендующие на точность деталей приключения – способны обходиться одним лишь воображением автора. Но серьезные классики всегда работают «с натуры», художественно преобразовывая социальные типы, нравственную специфику и историческую проблематику. И промыслительно, что тот же Лев Толстой во времена писательской молодости столько времени уделил поездкам и странствиям военной жизни; без них не было бы ни повести «Казачество», ни «Метели», ни «Севастополя в августе», «Двух гусаров», «Юности».

Многие известные мастера прозы начинали свою жизнь как очеркисты, целая плеяда советских писателей начала XX века работала журналистами, и практически все издания охотно печатали их. Очерк был «королем газетных жанров» – и путевым, и социальным, и «деревенским». Великолепны «Литературные портреты» Максима Горького, вышедшие в серии ЖЗЛ (которую он и основал) отдельной книгой. Безусловным мастером «городского» очерка был Владимир Гиляровский, способный видеть необычное в заурядном, что он и продемонстрировал с успехом в своей книге «Москва и москвичи». Особое место занимали производственный и публицистический очерки, которые не только наглядно и образно рисовали какую-то картину, но и воздействовали на читателя, склоняли его к определенному мне-

нию, точке зрения, социальной и идеологической установке. Нередко именно с очерка начинался замысел крупного произведения, зачастую он перерастал в документальную, а порой и в художественную повесть или даже роман. Достаточно вспомнить Валентина Овечкина с его легендарными «Районными буднями» или знаменитого очеркиста и фотографа «Комсомолки» Василия Пескова, написавшего повесть о семье старообрядцев Лыковых «Таежный тупик» и многие другие книги по итогам своих путешествий. Или роман-эссе Владимира Чивилихина «Память». Вошли в историю журналистики сборники очерков о людях науки Ярослава Голованова, производственные очерки Анатолия Аграновского...

Путешествия для писателя, ориентированного на школу реализма, – обязательная часть его повседневной работы. «Охота к перемене мест», безусловно, отражает и личность писателя, и, видимо, такую базовую для него потребность, как свобода. Немаловажную роль, конечно, играет и неутолимая жажда новизны в сочетании с любознательностью и пытливостью духа. Перемещения в другие места и страны важны еще и тем, что в них удастся вырваться из привычных рамок и стереотипов мышления, как бы взглянуть на свою жизнь со стороны. Это позволяет нередко переосмыслить ее, а что-то даже начать с чистого листа.

Путешествия – это пути не только к определенным географическим точкам, к городам или природным местам силы. Это еще и пути к самому себе, переосмысление своей жизни, постановка новых задач и целей, ибо какое же путешествие без цели?..

Итак, автор книги, которую вы держите в руках, Анна Гаганова (известна читателю и как Анна Гранатова) приобщилась к «королю газетных жанров» студенткой Литинститута им. А.М. Горького, став ученицей известного советского журналиста, специального корреспондента «Правды» Юрия Апенченко, который вел в институте семинар «Очерк и публицистика» и помог Анне профессионально «поставить перо». В ее успешно защищенную дипломную работу вошла серия очерков о Кубе.

Последующие публикации тоже были связаны по большей части с путешествиями и увидели свет в популярных журналах 90-х годов. Но возможность профессиональной самореализации в жанре наступила лишь в начале 2000-х, когда Анна, экс-чиновник Администрации Московской области, уже объехавшая по долгу службы все города и веси Подмосковья, предложила редакции газеты «Независимое обозрение» серию очерков об «Одноэтажной Москве». Эти публикации, вышедшие затем отдельной книгой «Летописцы со Старой площади», получили высокую оценку ее учителя Юрия Апенченко.

Страсть к путешествиям Анны Гагановой не иссякала и не иссякает, число стран и регионов, куда ей удалось попасть, прежде всего как журналисту, ведущему тему экологии, с годами заметно расширяется: Камчатка, Сибирь, Дальний Восток, Алтай, Кавказ, республики Средней Азии, Прибалтика, Америка, Германия, Франция, Китай, Англия... Вместе с числом точек на карте растут и мастерство, острота писательского глаза, «глубина зачерпа» материала.

Очерк «Белая ночь черного озера», посвященный городу Блэкпул, находящемуся на побережье Ирландского моря Великобритании, был опубликован в «Общеписательской литературной газете» летом 2018 года. Эта публикация, как рассказала Анна Анатольевна, родила творческий замысел – создание книги, в которой бы материал путевого очерка был расширен человеческими судьбами и характерами.

Радует, что замысел Анны Гагановой нашел воплощение в этой книге.

Владимир Федоров, главный редактор «Общеписательской литературной газеты», писатель, драматург, путешественник

Авторский комментарий Фокстрот втроем не танцуют

Случайность и закономерность

Жизнь – закономерная цепочка случайностей.

В студенческие годы я увлеклась романами Артура Хейли, приоткрывающего потайную дверь в закрытые профессиональные группы. Эти книги давали в руки ключи от замочной скважины, сквозь которую манящий и загадочный мир открывается таким, какой он есть на самом деле, со всей его кухонной грязью и скелетами в шкафу. Знакомство с «Аэропортом», «Отелем», «Менялами», возможно, оставило бы след в моей памяти не больше, чем любое другое «массовое» направление литературы, но тут вмешался Его Величество Случай.

Как следствие юношеского перфекционизма и кредо «если быть – то лучшим» возникло любопытство к журналу «Профессионал». Познакомившись с редколлекцией, я получила задание написать материал о психологии профессионала. За комментариями я пошла в Институт психологии РАН, имея уже и диплом психологического факультета МПГУ, и опыт работы по выпуску журнала «Психология» в московском ВИНТИ РАН. Любезно согласившийся дать интервью журналу доктор наук, замдиректора института Владимир Николаевич Дружинин поделился своим пониманием феномена «цены успеха»; под таким заголовком интервью было опубликовано.

Продолжением темы, заданной художественными образами Артура Хейли и железной логикой Владимира Дружинина, стал собственный опыт «погружения в среду» калиброванных профессионалов. Эти люди не принадлежали себе. Они принадлежали Системе. Но в те годы, вдохновленная романом Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен сообщить» и установками «настоящих разведчиков», я не слишком тяготилась «ролью шестеренки»: ведь понятие «профессиональной миссии» в романах Семенова носило социальную окраску и представлялось общим делом, полной самоотдачей во имя единого, глобально важного результата. Как и рассказчик «Военного летчика» Антуана Экзюпери, я верила в априорный альтруизм человеческой личности. И очень удивилась, когда в среде «избранных» столкнулась с эгоизмом, корыстью и кровожадностью.

Вы, возможно, помните строки «Военного летчика». «Подлинная Любовь к ближнему, будучи служением Человеку, а не отдельной личности, повелевала нам бороться с личностью, чтобы возвеличить в ней Человека. Умирают за собор – не за камни. Умирают за народ – не за толпу. Умирают из любви к Человеку, если он краеугольный камень Общности. Умирают только за то, ради чего стоит жить. Слово „Коллектив“ лишено смысла до тех пор, пока Коллектив не связывается чем-то. Сумма не есть Сущность».

Жизненные реалии внесли коррективы в литературно-художественные установки. Благодаря совместной работе моего вузовского Учителя – очеркиста Юрия Апенченко – с тележурналистом Александром Тихомировым на Байконуре нежданно-негаданно я оказалась вместе со всем нашим курсом семинара об очерке и публицистике в пресс-службе «Большого и солидного политического Мира». Адаптироваться к сумасшедшим темпам и разнообразию профессиональных задач удалось далеко не всем, а уж, выражаясь точнее, сито профессионального отбора из всего литинститутского выпуска выдержала только я. (Но ни диплом Литинститута, ни диплом психфака МПГУ в этом не помогали: требовалось умение «держаться темп».)

Борзописцев, отобранных в «команду особого назначения», к моему приходу уже трудилось с дюжину, и вместе с ними я стала эдакой «белой кости» цехового сообщества, осваи-

вая «искусство невозможного», как выражался мой шеф Сергей Подгорбунский. В характерах моих сослуживцев, их привычках и манерах общения, в их жизненных задачах было много противоречий, и в то же время обнаруживалось нечто, объединяющее всех в пул, команду, работающую в едином ритме.

Видимо, тогда я впервые задумалась, что не только мы выбираем профессию, но и она выбирает нас, как журналу «Профессионал» рассказал профессор Владимир Дружинин. Однако личный опыт существенно дополнял теорию парадоксами практики. Люди, отобранные профессиональной средой, прошедшие жесткий отбор функционального «сита», не оставались теми, что были раньше. Профессия не только отбирала подходящих по квалификационным и психологическим характеристикам людей, но и переделывала их: ломала под свои цели, оправдывающие средства, превращала в шестеренки слаженно работающей машины...

Хотелось одного – остаться собой. Профессиональная деформация личности, увиденная на близком расстоянии, впечатлила: словно бы открылась незнакомая человеческая Вселенная. Так, вероятно, студент-микробиолог изумляется увиденной под микроскопом картине «чужого мира».

Перемены в личности, пришедшей в профессию, были столь колоритны, что заслуживали писательского пера. Но Артур Хейли, придумавший универсальную для киноиндустрии композицию «драмы катастроф», свои романы – «Аэропорт», «Колеса», «Отель», «Менялы», «Вечерние новости», «Окончательный диагноз» и прочие – писал о людях статичных! Его герои отбирались средой в «профессиональную касту» как итог «искусственного отбора».

Замечу, киносценический сюжет акцентирован на конфликте между героем и антигероем. По такой конструкции устроено большинство «массовой художественной прозы» – беллетристики, бестселлеров, удерживающих внимание читателя увлекательностью. По тем же жанровым канонам существует и киносценарий.

Реальные же люди, представляющие определенную профессиональную группу, не укладывались в стандартную композицию голливудского киносценария или же книжного бестселлера. Более того – они поражали подчас профессиональной деформацией личности. Киносценаристы молчат об этом, зато в народе о цинизме врачей, меркантилизме юристов, формализме чиновников, прагматизме журналистов известно как о притче во языцах. Психологические перемены, происходящие с человеком, очутившемся внутри «молота и наковальни» профессиональной среды, казались великолепным писательским материалом. Однако воплотить на бумаге эти наблюдения было совершенно некогда. Работа требовала полной самоотдачи. О литературном творчестве оставалось лишь мечтать. Я принадлежала не себе, а Цеховому сообществу, видела мир изнутри, а не снаружи, и не могла достигнуть писательской роскоши «парения над схваткой». Я была одной из «функциональных единиц», вписанных в Машину Профессии, и все мое время, мой мозг, а следовательно – и жизнь, принадлежали Профессии.

Конечно, у Артура Хейли в России (точнее, Союзе) нашлись свои последователи. Вспомним Илью Штемлера – «советского ученика» Хейли. У Штемлера любопытен угол зрения на фактический материал. Это не «профессиональная пирамида как единая трудовая машина» (подход Хейли), а скорее – повествование об «одном дне из жизни людей профессионального сообщества». Таковы, например, его Таксисты («Такси») и Машинисты («Поезд»). Портреты героев из черно-белых красок. И потому нет рельефа, объема и психологизма, то есть всего, что необходимо для использования понятия «социальный тип». (Вспомним классические социальные типы – Обломов, Онегин, все герои «Мертвых душ».) Персонажи произведений Штемлера лишены типического обобщения. Перед нами – конкретные люди, которым автор заменил реальные фамилии на псевдонимы. Именно так работают очеркисты, стремящиеся к максимуму документальности.

Лихо закрученный сюжет, основанный на конфликте между Характерами, для Документалиста, само собой разумеется, в этом случае отпадает. Вспомните «Алмазный мой венец» В.

Катаева, а еще лучше «Повесть о жизни» К. Паустовского, где вы найдете литературные портреты одних и тех же писателей, поэтов, журналистов, художников. Дополните это эпистолярной прозой «Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга, и вы убедитесь в несовместимости документальной точности изложения материала и увлекательно построенного на классической «лесенке» драматической перипетии сюжета. Но можно избрать кардинально иной подход, создав, как Т. Драйзер, «Стоика» и «Финансиста» – романы с интригующей композиционной логикой и вымышленным сюжетом, ради которого прототип реальности подвергается авторскому художественному вымыслу.

Писатель – как мастер Слова – оказывается перед дилеммой: либо захватывающий сюжет, но тогда необходим вымысел, либо, напротив, сделать упор на документальность, но тогда не до увлекательного сюжетного действия. В этом одна из проблем художественной документалистики!

Книга, к которой я пишу этот комментарий, настолько документальна, насколько я смогла это сделать. В ней присутствует не вымысел, то есть нечто, вообще не связанное с фактами реальности, а скорее – домысел, основанный на мнениях и эмоциональном опыте. Описание того, чего я не видела своими глазами. Эпизоды юношеских лет, яркие истории прошлого, рассказанные моими собеседниками, в их интерпретации и моей художественной обработке.

Тема «Человек и Профессия» вернулась ко мне, когда, окончив аспирантуру Литературного института им А.М. Горького, я взялась за написание диссертации по русской (советской) литературе XX века. В том, как тему квалификационной работы мы сформулировали с профессором Борисом Леоновым, проявилась Закономерность.

Книжные магазины Москвы в тот момент громко рекламировали «Вавилон» британской писательницы и журналистки Имоджен Эдвардс-Джонс, причем и в оригинале, и в переводе. Тайны профессионального сообщества изнутри! Замечу, что эта тема ярко заявила о себе в эру новейшей литературы, а в русской классике, добрая часть которой написана в аграрно-крестьянской стране, писатели рассматривали общество совершенно под иным углом. Британка Эдвардс-Джонс, очевидно, вдохновлялась успехом Артура Хейли (ее первые книги – «Отель Вавилон» и «Аэропорт Вавилон»). Однако беллетристка значительно упростила писательскую задачу, не пожелав изображать всю пирамиду «цехового сообщества», эдакую машину в действии. Писательница заняла типичную журналистскую позицию «развенчания мифов». Британская беллетристка стремилась «вывернуть наизнанку» социальные мифы о легкой и роскошной жизни социальных лидеров своего времени (дизайнеров, рестораторов, ювелиров, модельеров): торопливый, перенасыщенный диалогами рассказ о «пятнах на Солнце». Серия «Вавилона», разумеется, не прошла мимо меня.

А тут еще и на экраны стали выходить фильмы, в центре которых действовали люди, объединенные профессиональными задачами. Сериалы «Скорая помощь», «Тайны следствия» – у нас, в России. «Дьявол носит Prada» – в США.

Литературный портрет Профessionала представлялся мне, как исследователю литературного процесса, самым интересным. Одна беда: не годится эта идея под шифр специальности, – русская литература, В.А. Ковская специальность 10.01.01. Стали искать компромиссы. В советской литературе нет «профессионального романа», но зато есть «производственный роман», кстати, бестолково исследованный, поскольку советское литературоведение вместо того, чтобы как минимум дать жанровое определение данному филологическому явлению и определиться с его хронологическими границами, увязло по уши в политических лозунгах да цитатах из стенограмм заседаний Политбюро. Конечно, отсутствие адекватного литературоведения не отменяет литературного феномена! И припомнилось интервью в «Эксперте» русских журналистов с Эдвардс-Джонс, начинавшееся словами: «Производственный роман был, есть и будет!» Корреспонденты, как обычно, промахнулись с точностью формулировки: следовало бы

говорить не производственный, а профессиональный. Но каково! Сам факт оговорки, опубликованной в русском деловом журнале, выглядел Символично.

Работа над диссертацией привела к глобальному выводу. Проникая в писательскую кухню, я пыталась разобраться, почему более чем в восьмидесяти «производственных романах» так мало художественных жемчужин и так много мертворожденных детищ. Ведь сама-то тема труда была далеко не мертворожденной, на нее писатели рубежа XIX–XX веков обратили внимание гораздо раньше, нежели Максим Горький с трибуны первого писательского съезда предложил сделать «основным героем наших книг человека труда». Страна стремительно меняла свое лицо, переходя от мира плуга и лучины к Вселенной пара, железа и нефти. Богатейшая фактура! Тема была, а художников слова не было! Над этой загадкой я билась несколько лет. И вот что удалось обнаружить.

Для создания русского Романа – важен поиск и создание Характеров. А не конструирование захватывающего сюжета. Начинать следует с людей, а не с событийного ряда! Но именно эту ошибку и совершали многие советские «писатели-производственники». Здесь, кстати, и водораздел между массовой литературой (фэнтези, детектив, любовная проза), основанной на лихом, богатом приключениями сюжете, и классикой. Русский классический роман (в отличие от тяготеющих к западным образцам – романам-пьесам и романам-киносценариям) опирается на социальный типаж. Другими словами, для русского романа важен психологический мир личности, превращенной в литературный портрет палитрой красок.

Однако главное открытие состояло в том, что внутри профессионального сообщества человек резко меняется! Он может войти в профессию с одним менталитетом, а в процессе деятельности стать человеком с противоположными установками и новым отношением к людям и делу. Изменение психологии человека происходит под грузом обстоятельств: кого-то, как графит, жизненный пресс растирает в порошок, но кого-то, напротив, как алмаз, превращает в драгоценный кристалл.

Миссия романа, как жанра, как раз и призвана образно продемонстрировать динамику человеческой личности (развитие, деградация, смена ценностей, выбор новых приоритетов). История советского производственного романа подтверждает это наблюдение. Художественные вершины в этом направлении (Малышкин, Леонов, Катаев, Эренбург, Николаева, Бек) повествуют о человеке или о людях, находящихся в определенной среде, в том числе и производственной. Неудачные романы живописуют механику производства, да еще и увязают в политических лозунгах. Впрочем, об этом лучше читать в моей монографии 2015 года «Производственный роман. Кристаллизация жанра».

Жизнь не стоит на месте. Судьба вновь предоставила мне шанс окунуться в неординарную среду людей, объединенных профессиональными интересами. Снова в жизнь вмешался его величество Случай. Но в этом случае проявилась Закономерность: мое увлечение спортивными бальными танцами.

Удалось наконец-таки реализовать давнишнюю мечту: создание художественного произведения о профессиональной касте. Можно много теоретизировать на предмет того, как танцевальный спорт меняет людей, но все-таки лучше отталкиваться от материала реальности. В этой книге показан мир танца – таким, как он есть. Взгляд изнутри.

Я не стояла под дверью у замочной скважины, дабы развенчать бытовые мифы и стереотипы обывателя. Фактура сама шла мне в руки, быть может, потому что несколько лет своей жизни я посвятила Паркету. Но мне хотелось не описать этот мир в деталях, а изучить психологию артиста танца, найти в ней особенные и универсальные характеристики. Отыскать ответы на вопросы. Как человек достигает профессионального успеха? Какие люди становятся профессиональной элитой? Как среда влияет на человеческую личность, как работа деформирует или же «перековывает» человека? В конце концов хотелось разобраться в сложном феномене Выбора.

*Мы выбираем – нас выбирают.
Как это часто не совпадает.
Часто простое кажется вздорным.
Черное – белым. Белое – черным.*

Блэкпул – пул артистов танца

О ком эта книга? О представителях «сверкающего паркета»; для одних – хобби, для других – профессии, где артистического и спортивного поровну. О «наших людях за границей»? Не вполне так. Дворец Терпсихоры шире, чем кажется. В книге есть несколько персонажей, которые хоть и не выходят на конкурсный паркет, но постоянно оказываются где-то подле него, словно косяк рыбешек, следующий за стадом китов или дельфинов. Странное дело! Именно с этих периферийных героев – фотографов, стилистов, модельеров – и начиналась работа над книгой. И вдруг они заговорили собственными голосами, и я даже не на шутку перепугалась: уж не заглушил бы их гогот, сплетни, вопли и хихиканье голос Звезд.

Изумительно повезло с фактурой. В книге нет вымысла, а есть лишь художественная обработка материала, так что правомерно говорить не о «художественном вымысле», а о домысле. Лишь изредка я прибегала к сгущению красок, иронии и гротеску, дабы сделать характер более рельефным. Вымышленных героев в произведении нет. Все судьбы – подлинные. Я заменила людям имена, но я не меняла их биографий, то есть событий, пережитых ими.

Очевидно, что абсолютной объективности в художественной прозе нет и быть не может. Если человеческое сознание – это вторая реальность, то художественная проза (да и все искусство) – это уже третья реальность, еще более далекий от оригинала слепок, напичканный фантазиями «реконструкторов». Единственный способ приближения к объективности там, где нет фактов, а есть лишь мнения, – предоставить площадку для разнообразных точек зрения. Именно поэтому в моей книге семейная жизнь Звезды первой величины – Мирослава Нагорного – комментируется несколькими персонажами с разным культурным, интеллектуальным и деловым опытом. История Мирослава глазами Галки Чесноковой, глазами Артура Кара-Мурзы и глазами Камена Сакаджиева кажется биографией совершенно разных людей. Через интерпретацию поступков одного персонажа глазами разных героев я стремилась раскрыть, конечно, и характер самого интерпретатора. «Каждый из нас судит о людях в меру своих несовершенств!»

Оценка мира, людей, дружбы, корпоративной конкуренции вытекает из эмпирики, то есть из личного жизненного опыта человека, из того, что ему пришлось пережить «на своей шкуре». Камен Сакаджиев не родился циником и эгоистом, разочарованным в семейных узах, а Даша Сибирякова – хищной кошкой, охотящейся на мужские кошельки. Такими их сделал жизненный опыт, выживание в агрессивной среде. Кара-Мурза кажется непоследовательным, отправляя жену в Вену и при этом покупая луковицы для палисадника в Крыму, если только игнорировать его юность. Активность и амбициозность Виктории Донской невозможно понять, не изучив биографию ее матери Агаты Самоваровой. Опыт каждого персонажа связан и с историей страны, ведь росли они не в «безвоздушном пространстве» или в некоем «коконе», защищавшем их от шквалов и штормов. Значит, и литературные герои должны иметь бэкграунд. Странное дело. В бестселлерах о человеке и его профессии я не нашла произведений, где присутствует отсылка на жизненный опыт, детство героя. (Приятное исключение – роман «Битва в пути» Г. Николаевой.)

Вот почему важнейшей особенностью своего произведения я считаю историческую ретроспективу, она имеется у каждого персонажа. У каждого – своя История. Все герои родом

из прошлого, из переходных сложных, голодных 90-х годов XX века. У каждого есть воспоминания об этом времени, а кое у кого найдется и «скелет в шкафу» (словами Моэма). Прошлое, запечатленное в эмоциональную память, определяет линию поведения героев в настоящем, их выбор.

Пару слов о топонимике книги. Мне невероятно повезло с фактурой, ибо не пришлось ничего выдумывать, собирая под одной крышей отеля «Белая ночь» людей, рожденных в разных географических регионах. Богатство топонимики проявило себя в полной мере. Владелец фотостудии Камен (Петр) Сакаджиев – болгарин, родившийся в маленьком селе Солник. Чемпион-загадка, легендарный Учитель и Тренер – Артур Кара-Мурза – детство свое провел в Крыму. Виктория Донская – владелица отеля в Блэмпле, казачка по крови, родом из Краснодарского края. Вторая жена Нагорного, Даша Сибирякова, как следует из ее фамилии, прибыла покорять Москву из таежной глуши.

Именно с детством, ранней юностью, прошедшими вдали от Москвы, и связаны трагичные драмы личной жизни персонажей. Груз прошлого упрямо стучится в настоящее и даже достигает берегов Туманного Альбиона. Невеста Сакаджиева – болгарка Живка Балтаджи – со своей дочкой Зариной напоминают о себе «одинокому волку» Камену Сакаджиеву, развернувшему в Англии прибыльный фотобизнес. Неотступные мысли о смертельно больной жене Миле Репьевой, с которой Артур давным-давно познакомился у Чатыр-Дага, не оставляют в Блэмпле Звезду паркета, ломают его планы, а еще его беспокоит инертный, хоть и не лишенный художественных способностей сын Валечка, которого Мила воспитала болезненным и нерешительным, как девчонку. Своими тревогами Кара-Мурза делится с ближайшим другом и соратником – Нагорным. У Мирослава Нагорного подрастает куда как более решительная, нежели сын его друга, дочь Стелла – амбициозная скрипачка, вот только видеться с ней Мирослав не может. Первая жена, партнерша в европейской программе, Лада Становая аккуратно после празднования с Мирославом серебряной свадьбы увезла дочку в Америку, развелась с мужем и стала «американкой». И это – подлинные судьбы.

Прошлое стучится в настоящее, иногда с угрожающей громкостью, рискуя перевернуть вверх дном весь привычный образ жизни, разрушить в нем то, что кажется неприкосновенным и незыблемым. Так, деревенские и малограмотные родственники Болотские из северной Сортавалы врываются в жизнь Руслана и Риты Карельских в самый неподходящий момент, грозя не только выбросить Руслана с конкурсного паркета, но и разбить многолетний союз его с Ритой. Предлагая взамен этого (не без «помощи» со стороны соседа Виктора и свекрови Риты) «подлинные» ценности, которые характерны для деревенской среды. К слову сказать, именно эпизод с поездкой Руслана в Сортавалу к Трофиму и Прасковье Болотским мне представляется одним из самых художественно достоверных: увиденное и услышанное своими глазами и ушами я воспроизвела почти дословно.

А вот прошлое «постфеминистки» русской иммигрантки Виктории Донской, ее детство, проведенное в Ростове, и биографию ее мамы, доктора филологических наук Агаты Самоваровой, бывшей замужем за казаком из Вешенской, пришлось создавать со слов прототипа Виктории; читателю судить, насколько удался этот биографический эпизод реконструкции. Ретроспектива – отличительная особенность моего произведения о «сообществе профи».

Герои второго плана тоже любопытны с точки зрения топонимики. Упомянутые в последних главах книги фавориты турнира Злата (Златояра) Белокурова и Дон Дарт – пара, в которой причудливо объединились славянские корни Златы и американский характер Дона. Но мало того что эта пара выигрывает Блэмпул как нечто само собой разумеющееся, так еще и на парке «Винтер Гардена» Дон торжественно делает официальное предложение Злате! Я полагаю, что любители танцевального спорта без труда опознают в героях книги реальные прототипы.

Таким образом, маленькое пространство паркета «Винтер Гардена», на котором встречаются все герои книги, дополненное пространство отеля «Белая ночь» неожиданно расширяются до почти планетарных размеров.

Я стремилась показать мир профессионального танца на разных уровнях: организаторы, исполнители, судьи, тренеры. Крупнейшая звезда спортивного паркета, организатор международных турниров, импресарио, «новый Дягилев», продвигающий русское танцевальное искусство за рубеж, а когда-то и сам чемпион международного класса, – Мирослав Нагорный. Рядом с ним блесит звезда чуть менее яркая, но тоже входящая в созвездие первых звезд, – Артур Кара-Мурза, рано и загадочно сошедший со спортивной дистанции чемпион мира, реализующий себя теперь на тренерско-преподавательском поприще.

А вот и звезды, мерцающие индивидуальным тонким оттенком. Они помельче масштабом Нагорного и Кара-Мурзы, а потому ближе и понятнее нам, простым людям. Семейная пара Руслана и Маргариты Карельских, действующих чемпионов России, более десятилетия безуспешно пытающихся на самом престижном турнире мира – британском Блэ KPUле – войти в финал.

Мир танцевального спорта – это порой потеря пространства, где казалось бы сосредоточен смысл твоей жизни. Мария Камышлинская, дочь трагически погибшего адвоката, наивная и романтическая красавица, юная звезда Блэ KPUла, ставшая простой парикмахершей, наемной работницей в студии вечерних причесок хитровой Галки Чесноковой: это тоже типаж, срисованный с реальности.

А вот и вовсе уникальная иммигрантка, сумевшая утереть нос даже английским леди. Чемпионка России Виктория Донская, владелица отеля «Белая ночь» на побережье Ирландского моря, жена инженера Марка Болда. Гостиничный бизнес не обрушился на Вику как случайный подарок судьбы. На пути к покорению Англии Викторию и ее мужа, Марка Болда, ждали такие испытания, которые многие просто не выдержали бы. Читайте об этом в книге! Все правда! Однако Виктория и Марк – ключевые персонажи не только потому, что именно в их отель «Белая ночь» слетаются русские (и русскоговорящие) участники турнира, но еще и потому, что сама судьба Вики и Марка заслуживает отдельной книги. Почти невероятная история любви. Ценность ее в том, что это не выдумка писателя. Ни капли вымысла в этой фабуле нет, даже в мелочах. Это реальные взаимоотношения людей!

Но есть в моем произведении и другие истории любви. Вот им изумляться читатель не станет. Например, рушащаяся семья Мирослава и Дарьи: разница в возрасте супругов достигает четверти века. Например, разрыв с невестой Камена Сакаджиева. В статистическом плане таковых сложных, неровных, изломанных непреодолимыми обстоятельствами судеб – 90 процентов. Строго говоря, счастливых семейных дуэтов в повествовании всего два – это Рита и Руслан Карельские, Вика Донская и Марк Болд. Третьим счастливым семейным дуэтом можно условно назвать семью фотографа Вовки Малинина и его жены Пелагеи, но о счастье Малинина мы знаем лишь с его слов, в то время как союзы Карельских и Донской с Марком проявляют себя в действии. У прочих персонажей более или менее богатое любовными похождениями и семейным опытом прошлое. Принципиально значимые эпизоды личной жизни включены в сюжетную ткань книги.

Один из ведущих лейтмотивов книги – история любви. У каждого из персонажей она своя. И все герои ищут универсальные ключи человеческого счастья, пытаются отыскать универсальные законы, по которым должны выстраиваться взаимоотношения между мужчиной и женщиной. С первых страниц книги может показаться, что произведение целиком посвящено любви. Это небольшая обманка, ибо довольно быстро читателю должно стать ясно, что книга не о любви, а об определенном профессиональном сообществе, хотя, конечно же, в спортивном парном танце без понятия «любовь» обойтись нельзя. И в этом потрясающие возможности материала для писателя. Мир чувств и благородного альтруизма с трудом соотносится с

циничным миром побед и успеха. У золотой медали две стороны, и на ее реверсе проступают кровавые драмы, изломанные судьбы, разрушенные семьи.

Непростой выбор между танцевальной карьерой с Женей Журавлевой и семьей с болезненным врачом-педиатром Милой Репьевой приходится делать чемпиону Артуру Кара-Мурзе. Выбор «с кем быть дальше» – с танцором Максимом Коноплянниковым или же с инженером Марком Болдом – делает и Вика Донская. Если не знать тонкостей жизни Карельских, то, пожалуй, этому союзу хочется завидовать.

А вот ярчайшей звезде небосклона, которой, казалось бы, должны все завидовать (в руках импресарио Нагорного – нити от марионеток спортивного и шоу-бизнеса), на самом деле завидовать не приходится. Этот Босс лишен выбора в личной жизни: его жена Лада Становая выбор сделала за него, иммигрировав в США и разбив тем самым собственную семью. А красотка Даша Сибирякова, вторая жена Нагорного? Счастлив ли он с ней?

У артистов танцевального спорта в личной жизни кипят страсти, и каждому приходится совершать выбор: с кем идти дальше по жизни, где искать спутника жизни, как строить с ним отношения? И самое главное – что вместе делать?!

Наши персонажи имеют разнообразные представления об идеальном спутнике жизни, обогащенные, естественно, личной трепетной эмпирикой. Любитель флирта, но женоненавистник в глубине души, остроумный эрудит Сакаджиев не может оправиться от юношеской трагедии, связанной с завоеванием Москвы, потребовавшей от него разрыва с любящей его невестой. За все в жизни приходится платить. Не так ли?

Одинокая бизнес-леди Галка Чеснокова, поглядывающая на Сакаджиева и не способная вникнуть в нутро его психологии, воспринимает мужчин лишь как потенциальных помощников, способных быть на подхвате, вот почему она связывается с неудачником Жоржем Калошиным, вот почему Сакаджиев не воспринимает «коллегу по бизнесу» как женщину.

Профессиональная жена Рита Корсак-Карельская, отказавшаяся от собственной деловой карьеры во имя карьеры своего мужа Руслана, поражает воображение экс-звезды Маши Камышлинской, которая завидует чужому счастью Карельских, не понимая его слагаемых.

Марк Болд, британец, расходится с женой ради русской танцовщицы; дело невероятное, но именно Вика Донская делает Марка счастливым мужем, отказываясь, правда, от собственной танцевальной карьеры. Разорвав отношения с верным как пес, инфантильным Максимом Коноплянниковым.

Для кого-то семья – на первом месте в жизни, а работа сгодится любая, лишь бы детей прокормила. Таков фотограф Вовка Малинин. Но при этом представление мужчины об «идеальной жене» может резко отличаться. Культурный Малинин восторгается красотой своей Пелагеи. А вот деревенский охотник Витька из Сортавалы вульгарно и похабно «учит» Руслана Карельского, как следует обращаться с этим вторым сортом людей – бабами. Даже для своей экс-жены у Витьки не находится имени, она просто «баба»! Деревенские жители Трофим и Прасковья Болотские, а также казаки Донские воспринимают семью как хозяйственно-бытовой союз, да еще инструмент для продолжения биологического рода, что подтверждается историей с цыганкой Павлиной. Иного им не дано. Но не найдет себе нового мужа и доктор филологических наук Агата Самоварова: реальность идет вразрез с «поэзией серебряного века».

Найдутся среди персонажей книги и герои, искренне не понимающие, зачем человеку вообще нужна семья, разве не проще оставаться свободным и независимым, дабы путешествовать по всему миру да радоваться тому, что твоя душа пожелает. Эти герои, которым не безразлична любовь, но при этом семья кажется «потерей сил и времени», – спортивный фоторепортер Степан Зайцев и журналист журнала «Паркет» Полина Бересклет.

И все-таки преподнесение жизнерадостной, неутомимой и надежной партнерше золотого обручального кольца с бриллиантом – это определенный символ, который я как автор этой книги не случайно поставила в финал книги.

Мы живем в эпоху, когда даже фундаментальный труд «Брак и семья» Бертрانا Рассела не способен дать ответы на все вопросы о вариантах семейных союзов. По каким же законам сегодня, в наш век строить счастливую семью? Что недопустимо? Что особо важно? «Мужчины и женщины в XXI веке научились жить отдельно друг от друга. А вот жить вместе – еще не научились». Вот это – проблематика книги.

Можно ли отыскать в эпоху «постфеминизма» универсальный рецепт семейного счастья? Предлагаю читателю ответить на этот вопрос самостоятельно.

Не только семейная жизнь, но и спортивная карьера сопряжены с проблемой выбора. С кем остаться на паркете – с верным другом или же с тем, кто имеет полезные связи, кто обеспечит тебе высокие позиции на конкурсе? История ухода Карельских от тренера Петра Павловича Пирожкова к артисту балета Никите Борисоглебскому – это история предательства или успеха?

Там, где звучит слово «успех», там водятся и большие деньги, и неудивительно, что вокруг мира конкурсного паркета крутятся шакалы, мечтающие урвать кусок сладкого пирога. Впрочем, среди тех, кто мечтает добраться до больших денег, неожиданно оказываются и тонко чувствующие мир романтические «люди искусства». Ну кто бы мог подумать, что именно артист балета Никита Борисоглебский приедет на Блэкпул с единственной целью – пообщаться в неформальной обстановке с Мирославом Нагорным, этим «русским Дягилевым», импресарио, через руки которого текут огромные финансовые потоки. Можно и не сомневаться в этом, ведь Борисоглебский умудрился позабыть о любимой паре – русских фаворитах в сеньорской возрастной категории – Карельских.

Так или иначе, но Ирландское побережье – небольшой курортный городок Блэкпул – собирает пул профессионалов. Лучших из лучших, ярчайших артистов танца со всего земного шара. Они слетаются в «Винтер Гарден» – легендарный дворец викторианской эпохи.

О том, что в книге читатель найдет массу деталей и тонкостей относительно устройства мира Сверкающего Паркета, говорить нет никакой необходимости. Скажу лишь одной фразой следующее: десять прекрасных лет моей жизни были отданы спортивным бальным танцам.

Англия в эпоху перемен

Этот роман и об Англии, и о России одновременно.

С одной стороны, он повествует о «приключениях русских артистов за границей». Единственный британец в романе – Марк Болд (ну если не считать эпизодически промелькнувших служителей порядка да еще главного судью соревнований).

С другой стороны, моя книга все-таки про Англию, а еще точнее, про Англию в эпоху перемен. С первых же страниц книги мы видим, что побережье Ирландского моря не только окутано типичным для этого островного государства туманом, но еще и какими-то странными для консервативной страны переменами. Ярко прослеживается влияние Китая. На фоне агрессивной китайской экспансии отсылка к колониальному английскому прошлому, проявляющаяся, например, в том, что в Блэкпуле можно отыскать недорогой отель «Слон и Лотос», который содержит семейная пара из Индии, – кажется архаизмом. Схватка китайского дракона с британским львом приобретает угрожающий размах. Это проявляется, например в том, что даже святая святых – замок викторианской эпохи «Винтер Гаден» – ремонтирует китайская строительная фирма. «И теперь у „Винтер Гардена“ наконец-то не протекает крыша, зато чемпионский кубок в европейской программе получила желтолицая круглолицая пара из страны красного дракона!» – иронизирует один из персонажей книги. Линия Англия – Китай одна из значимых для историко-географического пространства книги.

Другой конфликт, выходящий за сюжетный центр книги, но тем не менее носящий эффект «постоянного присутствия», – это курьезный «шпионский скандал», в основу которого

легли достоверные исторические факты. Как раз в то время, когда я пребывала в Блэкпуле, набирал обороты дипломатический конфликт между Россией и Великобританией, связанный с отравлением в британском пабе агента Сергея Скрипаля и его дочери Юлии химическим веществом «Новичок». Потом российскому олигарху Абрамовичу отказали во въездной визе. Высшие учебные заведения России и Великобритании объявили о прекращении обмена студентами. Ужесточились правила выдачи британской визы.

С другой стороны, нелепая история в аэропорту Хитроу, когда приемную дочь владельца фотоателье (в книге это история Зарины Балтаджи и Камена Сакаджиева) британские служители аэропорта (таможня плюс паспортный контроль) вдруг не пропустили на землю Соединенного Королевства, вопреки защите со стороны консула девушку усадили на ближайший вечерний рейс и отправили в тот же город, откуда она и прилетела, – чистая правда. Эта история, получившая странное продолжения в виде налоговой проверки отеля «Белая ночь», оказалась столь колоритна, что обойти ее вниманием никак было нельзя. Недоговоренность и недосказанность со стороны офицеров королевы будоражила воображение, вплоть до подозрений о том, что «за нами следит разведка Ми-6». Как же обойти вниманием такой материал! Я не ставила задачи написания ироничного шпионского романа, а лишь стремилась поддержать интерес читателя новой темой, вплетенной в сюжет книги. Впрочем, «шпионские страсти» выливаются в особую развязку, проявляя себя в финальной главе книги, в сцене вылета Сакаджиева и Кара-Мурзы из Лондона.

Поскольку книга все-таки создана на британском материале, трудно было игнорировать британские традиции. Я старалась в них отыскать что-то особо близкое к фабуле книги, которая исторически совпала с подготовкой к празднованию дня рождения королевы. А тут еще и случилась свадьба принца Гарри и принцессы Меган. Очень кстати оказались легендарный йоркширский пудинг и королевская геральдика. Чтобы не скатиться до стиля путеводителя, я выносила некоторые интересные, но стилистически информативные британские нравы в дневник репортера Полины Бересклет.

И все-таки эта книга прежде всего о людях «особой касты», достигших и социальных высот, и профессионального успеха. Это и размышления о природе красоты как «природосообразности». Не случайно цитата Ивана Ефремова вынесена в эпиграф к книге. Это и раздумья о том, какую роль танец играет в жизни современного человека, о необходимости «хомо компьютерис» вырываться из ловушки гиподинамии. Это книга об искусстве и о радости движения под музыку. И потому эта книга об искусстве радости.

Танцуйте. И будьте счастливы!

Диалоги персонажей я старалась насытить иронией и юмором везде, где возможно. Что за Великобритания без юмора? Но для меня важны не просто шутки ради шуток, а юмор как вдохновение, я ценю шутки ради движения вперед, ради действия. «Мир давно бы сошел с ума, если бы не умел смеяться», – говорил Марк Твен. Вот почему в трудном, тяжелом, страшном следует искать комичное. Наше сознание – вторая реальность, и отношение к жизненным трудностям мы формируем собственным мозгом. И если учиться идти по жизни с улыбкой, то неоправданные надежды уже не будут вам казаться чем-то ужасным, а лишь курьезным, забавным. А те камни, что бросит вам под ноги жизнь, вы энергично расшвыряете в спортивном азарте. Превратить свою жизнь в авантурный роман – почему бы и нет?! Жить в позитиве! Смотреть на проблемы как на задачи, на неожиданные перемены – как на приключение! В этом-то и есть искусство невозможного.

Вообще, если эта книга сумеет читателя вдохновить на позитивные перемены в жизни – я буду считать свою миссию выполненной.

Действующие лица

Судьбы подлинные Фамилии изменены

Мирослав Александрович Нагорный – председатель Лиги спортивного бального танца Международного комитета по неолимпийским видам спорта. Президент российской корпорации «Вальс». Абсолютный чемпион мира в европейской программе. Продюсер и импресарио международного проекта «Русский вальс».

Лада Становая – первая жена Нагорного, абсолютная чемпионка мира в европейской программе. Эмигрировала в США. Воспитывает дочь (от брака с Мирославом) по имени Стелла, которая мечтает стать знаменитой скрипачкой.

Дарья Сибирякова – вторая жена Нагорного. Секретарь Лиги спортивного бального танца Международного комитета по неолимпийским видам спорта, впоследствии – PR-директор корпорации «Вальс». Исполнитель фламенко.

Артур Кара-Мурза – многократный чемпион мира в европейской программе, легендарный учитель и наставник многих звёзд – артистов танца. Друг и ученик Мирослава Нагорного. Самый успешный и высокооплачиваемый преподаватель бальных танцев. Руководитель школы танцев «Омега». Родился в Крыму, считает себя крымским греком.

Радмила (Мила) Репьева (Кара-Мурза) – жена Артура Кара-Мурзы, его Муза. Крымчанка. По образованию – врач-педиатр. Домохозяйка. Воспитывает сына Валентина, мечтающего стать искусствоведам. В последние годы тяжело болеет, врачи Вены обещают спасти ей жизнь.

Карельские Руслан и Маргарита – перспективная пара из России. Многократные победители престижных турниров в номинации «Европейская программа, сеньоры». Мечтают о том, чтобы стать финалистами Блэкпула.

Руслан Карельский – топ-менеджер международной страховой компании.

Маргарита (Рита) Корсак (Карельская) – модельер и дизайнер одежды.

Родители дуэта Карельских:

Лев Корсак – крупный чиновник, вхожий в Кремль; отец Маргариты.

Дмитрий Карельский – дирижёр военного оркестра; отец Руслана.

Катерина Васильевна Карельская – контролёр системы качества на московской парфюмерной фабрике; мать Руслана.

Тренеры Карельских:

Пирожков Пётр Павлович – преподаватель хореографии в Доме пионеров, первый тренер и друг семьи.

Никита Борисоглебский – артист балета, действующий тренер Карельских.

Родственники и знакомые Руслана из Сортавалы:

Трофим Иванович Болотский

Прасковья Фёдоровна Болотская

Виктор Петрушкин – сосед Болотских, охотник, охотовед.

Отель «Белая ночь» в Блэмпле

Виктория Семёновна Донская – иммигрантка из России, чемпионка мира в номинации «Десять танцев» (победы завоеваны с Максимом Коноплянниковым), владелица отеля «Белая ночь», жена Марка Болда.

Марк Болд (Mark Bold) – британец, инженер-конструктор, специалист по программированию систем управления для сельскохозяйственной техники. Любитель танцев и мотоспорта. Муж Виктории, совладелец отеля.

Максим Коноплянников – партнёр Виктории Донской в Москве, совместно они стали абсолютными чемпионами России в номинации «Европейская программа» и многократными чемпионами в номинации «Десять танцев».

Родители Виктории:

Семён Захарович Донской – отец, казак из Вешенской, окончил техникум по специальности «Технология возделывания и переработки подсолнечника». После развода с Агатой Самоваровой женился на крестьянке Зине Огородниковой из Вешенской.

Агата (Агафья) Самоварова – мать, филолог, доктор наук, преподаватель Ростовского университета. Первая жена Семёна Донского.

Зоя Самоварова – бабушка Виктории, мать Агаты, преподаватель английского языка в школе.

Захар Задонский – отец Семёна Донского. В браке с Катериной Капитановой – сын Илья Задонский, во втором браке с Павлиной (цыганкой из Молдавии) – сыновья Семён и Пахом Донские.

Пахом – брат Семёна, специалист по виноделию.

Илья – сводный брат Семёна, фермер, специализирующийся на производстве мясных и колбасных изделий.

Фотостудия Камена (Петра) Сакаджиева «Баланс белого» в британском Блэмпле

Камен (Пётр) Сакаджиев – директор фотостудии, любитель танцев, ученик Артура Кара-Мурзы. Холост. Гражданин Болгарии. Родом из болгарского села Солник под Варной.

Линда (Розалинда) Бондарь – дочь московских чиновников, студентка экономического факультета Университета дружбы народов, совладелица фотостудии Камена Сакаджиева в Москве «Белая роза».

Зарина – дочь Живки Балтаджи.

Живка Балтаджи – гражданская экс-жена Камена Сакаджиева из города Балчик, что на берегу Чёрного моря, Болгария.

Инесса – партнёрша в танцах Камена Сакаджиева в «Омеге» Кара-Мурзы.

Борис Волосков – руководитель школы хореографии и бальных танцев «Планета танца» в подмосковном городе Королёве.

Лена и Лёша – друзья Камена по школе танца «Планета танца» под руководством Бориса Волоскова (г. Королёв, Подмосковье).

«Поехали» – газета г. Королёва, где работал фотографом Сакаджиев.

Кабанов – сосед-алкоголик по коммунальной квартире Сакаджиева в г. Королёве, военный в отставке.

Фотостудия «Баланс белого», Блэкпул

Фотографы «Баланса белого», подчинённые Сакаджиева в Блэкпуле:

Владимир (Вован) Малинин – фотохудожник, сотрудник студии Сакаджиева «Баланс белого». Счастливо женат на русской женщине по имени Пелагея, семьянин, отец двух дочек – Саши и Наташи.

Степан Зайцев – спортивный фоторепортёр, сотрудник студии «Баланс белого». Любитель активного отдыха (велоспорт, сёрфинг, горный туризм). Холост.

Студия причёсок «Высокий стиль»

Галина (Галка) Чеснокова – бизнес-леди, директор студии причёсок «Высокий стиль». Знакомая Сакаджиева с 90-х годов XX века. До приобщения к миру искусства работала на металлургическом заводе в отделе делопроизводства.

Маша Камышлинская – стилист по причёскам, работающая в команде модисток у Чесноковой. Экс-звезда спортивного танца в номинации «Европейская программа. Юниоры».

Лиля Камышлинская и Рудольф Гуревич – родители Маши Камышлинской, высокообеспеченные юристы, представляющие дирекцию частной адвокатской конторы «Честное партнёрство».

Миша Водопьянов – русский партнёр Маши в европейской программе.

Дэвид Остин – британский партнёр Марии Камышлинской.

Полина Бересклет – рассказчик, репортёр глянцевого журнала «Паркет».

Герои второго плана

Стелла – дочь Мирослава и Лады, скрипачка, живёт в США.

Альфред Хилл – главный судья фестиваля в Блэкпуле, Великобритания.

Женя Журавлева – партнёрша Артура Кара-Мурзы, с которой он достиг чемпионского титула.

Георг (Жорж) Калошин – создатель и педагог школы аргентинского танца «Розовый георгин». Знакомый Галки Чесноковой.

Илона – хореограф из Петербурга, подруга Галки Чесноковой.

Злата (Златояра) Белокурова – абсолютная чемпионка мира в номинации «Латиноамериканская программа», русская, родом с Алтая.

Дон Дарт – партнёр Златояры, американец, абсолютный чемпион мира в латиноамериканской программе.

Офицеры британских контролирующих органов, представители спецслужб.

Роберт Спенсер, его помощник Том.

Двойной агент Скрипка – аллюзия на шпионский скандал 2018 года, связанный с отравлением шпиона Сергея Скрипаля и его дочери Юлии, и дипломатический конфликт между Великобританией и Россией.

Ханна и Рауль, индусы, владельцы отеля «Слон и Лотос».

Инесса – партнёрша Камена Сакаджиева в «Омеге».

Наталья Петрова – русская иммигрантка, учительница английского языка, замужем за пожилым британцем «учёным-библиотекарем».

Джеймс Олпорт и Роберт Спенсеор – представители британских органов правопорядка.

Барбара – первая жена Марка Болда.

Ася Болотская – дочь Трофима и Прасковьи Болотских, замужем за финном.

Васька Лысый, Шакал – топ-менеджеры.

Место действия – Великобритания, Англия, город Блэкпул (Blackpool) на побережье Ирландского моря. Престижные соревнования, в том числе традиционный майский Фестиваль танца, проходят в здании, которое является памятником истории, входящим в список культурного наследия мира, – Winter Garden («Винтер Гарден», т. е. «Зимний сад»).

Глава 1

Ни капли вымысла

Если вы не отправитесь, то и не прибудете! – в глазах загорелого худощавого мужчины с пышной шевелюрой цвета «пепел с солью» искрилась веселая ирония. С высоты своего посредственного роста взглядом конокрада он оценивал молодую девицу в красно-белом клетчатом пиджаке и угольного цвета джинсах. – Однако... Женщины не умеют ждать!

Шел дождь. Затяжной, мелкий, противный. Такие дожди обрушиваются на землю лишь в Северном полушарии и лишь в то время, когда на календаре вот-вот должно наступить лето, но природа осмелилась сопротивляться космическому закону и устроила ретроградский бунт за право Вечной весны.

Ах нет! Весна не может стать вечной, как ничто не вечно в этом стремительно меняющемся подлунном мире! Затянувшаяся весна – да ведь это просто ранняя осень!

Дождь. Отвратительный холодный занудливый дождь!

Британский флаг, обязанный гордо развеиваться и блистать красно-синим двойным крестом над бурой кирпичной готической башенкой, украшенной часами, в которых круглый белый римский циферблат оказался вписан в золотистую квадратную рамку, – этот воодушевляющий символ Соединенного Королевства под натиском дождя беспомощно повис, словно тряпка.

– Неправда! – светловолосая девушка в клетчатом пиджаке сжала губы, и возле ее рта появились ямочки.

– Уже и обиделись?! О! Как бы плохо ни думал мужчина о женщинах, любая женщина думает о мужчинах еще хуже. Поэтому я не верю в мифы, которыми окутан Учитель.

– Или сплетни?!

– Сплетни? Пожалуй! Гадкие, скользкие сплетни! Так вы ведь за этим сюда и прилетели?!

– С чего вы решили?

– Ваша репортерская древнейшая профессия располагает к этому. Строчить хлесткие заметушки, которые бьют по ушам! Ха-ха! Статьи на злобу дня умирают вместе со злободневностью!

– Вздор. Статьи на злобу дня пишут циничные журналюги. При чем здесь «Паркет»? Глянцевый цветной журнал – кстати, с вашими фотографиями... Гламур для аристократов...

– Вообще-то это не мои фотографии, а моего фотоагентства. Отнюдь не одно и то же! Ни разу не видел своего портрета на ваших страницах. Что до аристократов, то... наше «аристократичное» общество обожает перетряхивать нижнее белье. Оно превзошло в этом увлекательном деле даже деревенских бабушек, разбитых радикулитом и скучающе лужгающих на завалинке семечки.

– Бабули убивают время, спасаясь от болячек, бытовой рутины, надоедливых внуков, а главное – однообразия и безвкусыя дней, перемывая кости родне или артистам. У тех, чья жизнь пролетела как один пасмурный день, возникает потребность питать свою душу и воображение чужими красками. Мыльные оперы и сериалы про любовь – как свадебное платье из комиссионки: чужое, красивое, напрокат! Но у артистов танца и у героев «Паркета», я уверена, у каждого, столь яркая и насыщенная событиями жизнь, что можно роман писать. Да-да! И потому в отношении сплетен, Камен, вы преувеличиваете!

– Отнюдь, Поля! Сплетни рождает зависть, а это инстинкт столь же мощный, как потребность в пище. И это наша самооценка. Мы постоянно сравниваем себя с другими и, видя, что уступаем кому-то в чем-то, впадаем в уныние. Чтобы преодолеть комплекс неполноценности,

мы создаем сплетни, склоки – короче, опускаем до своего уровня того, кто сильнее, умнее, красивее, здоровее и богаче нас.

– Злые языки страшнее пистолета, как подметил Грибоедов. Сплетники, вооружившись словом, уничтожают другого, дабы не чувствовать самих себя ущербными. Но при чем здесь артисты танца? Участники Блэкпула – самого престижного в мире турнира?!

– Калиброванная тусовка потенциальных чемпионов. Каждый хочет обойти в звериной конкуренции другого. Как же здесь обойтись без сплетен и зависти?! Вообще, Поля, для меня это знакомая и предсказуемая история. Она повторяется из года в год, из века в век. Возьмите хоть воспоминания о Есенине господина Мариенгофа – «Роман без вранья». У аристократов особая тяга к похабщине. А роман, конечно, напишите, только чур как у Мариенгофа – чтоб ни капли вымысла. Сделайте хорошую документальную прозу. Сможете?!

– Отличная идея, Камен, благодарю. Подумаю. Но в отношении сплетен об артистах танца, я уверена, дело в другом. Все люди, независимо от социального статуса, ищут ключи к счастью. А вдруг их кто-нибудь да уронит? И тогда по добытому образцу можно отлить себе такие же.

– А замки-то все разные... – лисья улыбка искривила лицо «пепельного» джентльмена. – Вы об этом не задумывались, Поля? У одного на дверях висит амбарный замок, у другого – потайной, а у кого-то – кодовый, со спутниковой сигнализацией.

– Никто и не обещал, что раздобыть универсальную отмычку проще пареной репы!

– Союз, дуэт, симбиоз?! Смотрите, какие слова для внешне одной и той же формы! Кто-то из великих сказал, что человек не создан для одиночества. Но прочный союз отнюдь не означает счастья. Это так, Полина! Прочный союз демонстрирует лишь одно – прочную зависимость. Взаимные обязательства, продиктованные единым образом жизни или жизненным пространством. Вот и все! Зависимость – не синоним счастья.

Дождь вливал свежие краски в пышные цветники вокруг домиков, наполнив яркостью остроконечные юбки и драцены, превратив бутоны ирисов в аметисты, осыпанные алмазами, вволю напоил широкие листья тюльпанов. Серые камни брусчатки, окружавшей почти ритуальными кругами компактные домики, стали темными и скользкими, словно морской прилив добрался даже до них.

– Так вы, Камен, не верите, что разбитая ваза семейного счастья Мирослава и Дарьи будет восстановлена?

– Реставрация разбитых ваз, Полина, – развлечение для археологов, для зыбкого мира науки. А в реальном мире правят чувства, столь же сильные, как и мы с вами. Если людей не связывают по рукам и ногам взаимные зависимости вроде детей или недвижимости (простите, что я поставил эти понятия рядом), то все определяют чувства. Люди тянутся друг к другу вопреки всему, словно две планеты, связанные единым притяжением. Как Плутон и Хирон...

– Вы про любовь?

– «Любовь» – абстракция из шести букв. Такая же иллюзия, как и звезды, которые нам кажутся прибитыми гвоздиками Творца к куполу неба. Эта оптическая иллюзия отражена в известной книжке – Библии. Помните, «И назвал Бог твердь небом»? Но это – миф. Я же говорю о реальном.

– Чувства реальны? Разве они не подобны ветру? Все видят, как ветер колышет листья деревьев, гонит облака, но никто никогда не видел самого ветра.

– Блестящая метафора! Однако долой метафизику! Будем реалистами, прагматиками. К чему мы с вами испытываем чувства, а?! К тому, что представляет для нас ценность, – с этими словами невысокий мужчина с пепельной шевелюрой легонько постучал крепким, загорелым кулаком по стене, обклеенной светлыми обоями с золотыми контурами роз. – Вот это – стена. Я не испытываю к ней никаких чувств, ее ценность в моем представлении – ноль. Отель – мое временное пристанище, и неважно, какие на этой стене обои, будь то золотые розочки или

серебряные тюльпаны. Так же и человек! Как только он перестает быть значимым для другого, то чувства к нему исчезают, – мужчина с пепельными волосами поправил жестко накрахмаленный и, видимо, давящий на шею воротничок рубашки.

Полина смотрела на собеседника, раздумывая, что же сказать в ответ. В словах загорелого мужчины звучало много разумного, логичного, рационального, но одновременно тонким комариным писком проскальзывал и цинизм, словно защищавший его от собственных горьких воспоминаний о личной жизни. Репортерша распахнула тяжелые шторы, качнувшиеся пару раз, как волны Ирландского моря, и начала вглядываться в туман за окном, словно ожидая откуда ответа на сокровенные вопросы. За окном во всю свою мощь шел дождь.

Горящие золотыми огоньками фары редких автомобилей пробивали мглу, да еще трехглазые светофоры подмигивали редким прохожим, суетливо спасающимся от сеющего дождика под разноцветными блюдцами зонтиков. Белоснежный трамвай с веселой дельфиньей мордой бесшумно вынырнул из влажного марева. На малиново-красных и белоснежных граммофончиках петунии, кустящейся на бетонных клумбах вдоль трамвайной линии, дрожали капли росы. В них отражались темные фонарные столбы, увенчанные круглыми и светлыми плафонами ламп. Сочные лианы вьюна, полыхавшие красными звездами, свешивались из плоских ваз, подвешенных на массивных цепях к фонарным столбам. С металлических карнизов рыжих черепичных крыш одноэтажных домиков, рассчитанных на одну семью, сбегали струйки воды.

Владелец фотостудии «Баланс белого» очнулся от затянувшейся паузы первым.

– Человечество веками пытается разгадать тайну, куда исчезает любовь. А ответ проще пареной репы. Утрачена ценность партнера! Вот и разгадка.

– Это не разгадка, Камен, а лишь ваша точка зрения.

– Проверенная на личном опыте, Полина, на собственной шкуре! Кстати, перестаньте называть меня Камен – слишком непривычное для ваших ушей имя. Вы же не болгарка?! Я просто Петр.

– Хорошо, я буду называть вас Петром... если вам, Камен, так больше нравится! Хотя, признаться, имя Петр у меня ассоциируется с древнерусской повестью о Петре и Февронии. Святые из Муром, супруги, верные друг другу до гробовой доски. Вам не идет этот образ!

– Еще бы! Петр и Феврония? Сказочки для богомольцев! Дремучее русское средневековье! Мракобесие попов, рвущихся управлять государством наравне с императором и жаждущих вить из царей веревки, а народ превратить в тупое и послушное овечье стадо, живущее не в реальности, а в библейской иллюзии!

Девушка в клетчатом пиджаке посмотрела на небольшую лакированную черную сумочку с магнитным замком, похожим на брошь с кабшоном дымчатого агата. Распахнула ее, задумчиво вынула диктофон и затем машинально положила обратно. Полина размышляла, как бы половчее сменить тональность беседы. В отеле «Белая ночь» Полина и владелец фотостудии Петр Сакаджиев жили на разных этажах.

– И что же, по-вашему, Дарья потеряла значимость для Мирослава?

– Наоборот. Это он потерял ценность в ее глазах. Хитрая сибирячка, из молодых да ранних! Эта чаровница Дарья урвала от нашего легендарного Мирослава все, что только можно, – шикарный дом, банковский счет, не говоря уж о бриллиантах в своей короне, которую он на нее легкомысленно водрузил. Финита ля комедия. Их союз, Поля, совсем не похож на разбитую вазу, скорее это выгоревшая свеча. Знаете, когда-то я думал, что фамилия Нагорный имеет тот же корень, что и «гора». Но я ошибся. Оказалось, что это от слов «гореть», «горящий».

– Кто-то из мыслителей Ренессанса утверждал, что любовь одна, но подделок под нее тысячи.

– Он ошибался. Русские крестьяне наблюдательнее французских вельмож. «Сколько голов – столько умов», – гласит русская пословица. Так? А следовательно, Поля, возможно бесчисленное множество вариантов счастливых союзов...

– И нет универсальных ключей от счастья?

– Увы! Или же, напротив, к счастью. Иначе неинтересно жить. Мы были бы не личностями, а биокомпьютерами. Ходячими схемами. Мы выполняли бы единый алгоритм, как в мрачных фантастических романах о роботах, – Камен усмехнулся, провел загорелой ладонью по глубоким бороздам морщин на лбу, смахивая капельку пота. – Слово «любовь» обладает множеством форм и ракурсов. Помните: истина конкретна!

– В каждом доме по кому, гласит русская пословица. Мы судим о людях, о глубине их чувств, об их благородстве или подлости, лишь видя внешнюю, надводную часть айсберга. Мы не способны войти в мозг, в мышление, в чувства другого человека и оцениваем, создаем свои догадки и мнения, опираясь лишь на собственный опыт, а не на реальные факты!

Собеседники пристально смотрели друг на друга, пытаясь проникнуть в мысли, гнездившиеся где-то в глубине головы каждого. Солнечный луч проник сквозь фалды шелковистых, с отливом серебра занавесок, и кружевные золотые розы, украшавшие стены просторного холла, торжественно заблестели. Снизу, со стороны старинной деревянной лестницы, тянуло чем-то жареным, то ли мясом, то ли картошкой, то ли картошкой с мясом. К этому запаху примешивался терпкий аромат маринада и солений, и воображение рисовало картину деревенских бочковых огурцов и квашенной в дубовых чанах капусты. Оттуда же, снизу, доносились торопливые, приглушенные ковром шаги постояльцев.

– Вы хотите сказать, Петр... хорошо, я вас буду называть Петром, раз вам так больше нравится, что Даша Сибирякова обошлась с Мирославом как с дорогой вещью? Но Нагорный – совсем не дурак. Вообще, глупый человек не смог бы добиться его высот. Легко ли сказать: главное официальное лицо, представляющее танцевальный спорт в Международном комитете по неолимпийским видам спорта!

– К тому же он сам – легендарный спортсмен. Слава с Ладой блистали на паркете всех стран так, что их никто не мог затмить несколько лет подряд. Не забывайте! Но Слава жестоко обидел Ладу. И она не стерпела этого. Кажется, еще Маргарита Наваррская подметила, что «женщина скорее будет мстить за обиду, чем за утрату чувства любви, особенно если у этой женщины благородная душа и щедрое сердце». Отъезд Лады в Америку – изощренная месть.

– А что касается Даши Сибиряковой...

– Слава прожил с Дашей целое десятилетие, и если он решил записать на нее свой дом и банковские счета, значит тут все сложнее, чем кажется, – накрахмаленный воротник давил, пришлось его расстегнуть на две пуговицы. – Я же сказал: эффект выгоревшей свечи. Когда свеча горит, она согревает и радует своим живым, щедрым пламенем. И мы тянемся к этому теплу и свету. Есть люди, подобные свечам. Они отдают свою энергию, время и душу другому человеку. И потому выгорают!.. Оплавленная, превратившаяся в жалкий огарок свеча уже не радует, не вдохновляет, Поля. Эту свечу приходится вынимать из канделябра и выбрасывать!

– Понимаю. Если вы излучаете положительную энергию, людям хочется быть рядом с вами. А если нет, то... Как вы полагаете, Петр, отдав душу Даше, сам Мирослав чувствовал ее любовь?

– Опять вы про любовь! О-о! Любовь – иллюзионист. Более того, величайший фальшивомонетчик, который на наших глазах превращает железо в ложное золото, – болгарин смахнул холеным пальцем с аккуратно подстриженным и отполированным ногтем капельку пота на черной, как вороное крыло, брови. – Любовь – еще и алхимик. Понимаете? Любовь способна превращать настоящее золото в обычное железо.

– Вы считаете, что за то десятилетие, пока Мирослав и Дарья были вместе, золото растворилось в какой-то агрессивной среде и превратилось в железо? Вообще-то подобное происходит не с золотом, а с позолотой...

– Называйте как хотите. Что разрушено, то разрушено. Их союз не восстановится, не склеится и не возродится. И не все ли равно, почему это произошло? Оглянитесь! На наших глазах распадаются сотни союзов, и не только семейных, но и профессиональных.

– Кровавая трагедия, если профессия – танцевальный спорт! А ведь танцоры – особая каста, не так ли, Петр?!

– Я не специалист по индийским племенам. Я англоман, но не индолог.

– При чем здесь племена? Вам не нравится слово «каста»? А «профессиональная тусовка» звучит, по-вашему, лучше?! Разве случайность способна разрушить карьеру талантливого спортсмена или артиста? Я где-то читала, что сила личности измеряется способностью завершать дела. А ведь на Блэкпул собрались только люди с сильным характером.

– Безусловно! Однако случайный маленький камешек, угодивший под колесо телеги, способен сломать ее ось и остановить движение даже королевского экипажа. И каждому из нас уготован свой булыжник, и никогда не знаешь, где он тебе подвернется. Это жизнь. Она не стоит на месте. А мы хотим от людей постоянства, требуем стабильности. Приглядитесь к паркету «Зимнего сада» повнимательнее! Бесконечная череда триумфа и трагедий. Этот Молох, с восхитительным мелодичным голосом, сверкающий огнями софитов, ломает и пропускает сквозь себя, как сквозь мясорубку, сотни судеб.

– Один из ведущих законов Вселенной – цикличность перемен. Одни дуэты распадаются, другие – зарождаются, так же, как на нашей планете существуют день и ночь, весна и осень, расцвет и увядание. Но знаете ли вы, Петр, когда наступает самый темный час суток? Это тот самый час, за которым начинается рассвет!

– Карьера – это не круговорот времен года, а прямая беговая дорожка, такой же марафон, как и река времени, текущая лишь в одну сторону. Радикальные перемены здесь губительны. А перемены добрались даже на побережье Туманного Альбиона. Нет более консервативной страны, чем Англия. Но посмотрите внимательно, что здесь происходит! И Блэкпул, этот истинно английский фестиваль, уникальное явление мировой культуры, сегодня теряет свой шик, как бабочка – перламутровую пыльцу ярких крыльев. Пройдет еще пара лет, и не будет уже ни Блэкпула, ни...

– Ни Англии?

– Извольте шутить, да?! – усмехнулся Петр и зашелся долгим резким смехом, словно из мешка высыпали сухой горох. – Послушайте, Поля, мне нужно спешить в «Зимний сад», к ребятам. Я готов обсудить с вами судьбу старой доброй Англии вечером, за чашечкой чая с молоком. Или чего-нибудь покрепче.

– Китайская пословица гласит: «Не дай бог вам жить в эпоху перемен», – молодая светловолосая девушка с глазами цвета морской воды в грозное ненастье рассеянно посмотрела в окно. – Не потому ли китайцы одну из важнейших книг своей культуры так и назвали – «Книга перемен»?

Полина растерянно взглянула в окно, чувствуя, как разговор заходит в тупик. За окном плыли сизые облака. Они затянули небо грязной периной, изнурительно тяжелой от воды и жаждущей излиться дождем. В клубах сырого тумана реяли белоснежные чайки с желтыми лапками и клювами, зорко высматривающие в толще холодной воды юркую рыбешку. Холодное северное солнце упрямо пробивало бреши во влажной фате тумана, и его соломенно-золотые лучи сочились сквозь тревожные громады облаков.

– О, вы вспомнили Китай? Вы попали в самую точку. Увидимся вечером. Обожаю толковых собеседников! Все эти стремительные перемены – словно морской шквал. Угрожающий размах! Если англичане не одумаются, их ждет катастрофа.

– И сами англичане называли бы вас «алармистом». От слова alarm – «аларм» (тревога). Это слово указано на лампочках сигнализации. Русский эквивалент звучит грубовато: «Не кар-кай – не будь кликушей!»

– Как фотограф, я очень внимателен к тому, что вижу. А вижу я следующие факты. Раньше английская жизнь напоминала скаковую лошадь, которая бежала по ровной, посыпанной мягким песочком, прямой дороге к хорошо прогнозируемому финишу. А сейчас эта лошадь понеслась по кривой, изнурительной трассе стипль-чеза. Она то летит галопом по полю, то пробирается, ломая кусты и обдирая свои ноги, сквозь лес, то плетется, по грудь увязая в болотах... И вот-вот начнет балансировать над пропастью, на краю скользкого откоса, обманчиво скрытого травкой и кустарником.

– Это не факты, а метафоры, Петр.

– Пусть так. Я же фотохудожник, и в моем арсенале не только зеркала объектива, но и воображение. Итак, если быть кратким, то дуэт льва и дракона смертельно опасен. Того и гляди, дракон задушит льва.

– Вы меня совсем запутали...

– Вечером все распутаем. Я знаю тут поблизости одно укромное местечко... Ой, время-то как летит! Чао-какао!

Встреча у фонтана

Посреди круглого, словно вычерченного циркулем, озера красовался бронзовый джентльмен в старомодной шляпе. С суровым сосредоточением, переходящим во вселенскую скорбь, он всматривался в прозрачное мелководе прямо перед собой. Впрочем, понятия «красоваться» и «джентльмен» были не слишком точны по отношению к этому угловатому, комичному созданию, стоящему по шиколотку в воде и удерживающему в своих клещевидных лапках некое подобие снегоуборочной лопаты, такой, какой пользуются московские дворники, расчищающие тротуары возле домов. Из квадрата «лопаты», словно из решета, текла вода. Старомодный джентльмен поливал озеро? Бронзовые лягушки размером с упитанного кролика, восседавшие на белоснежном бордюре озера, забавно растопырив лапки и во всю ширь, словно на приеме у стоматолога, разинув рты, плевались слабыми струйками воды в сторону джентльмена с дырявой «лопатой». Из круглых бронзовых «блюдец», напоминающих одновременно палитру для смешивания красок и десертные блюда для торта, пробивались гейзеры. Эти «блюдца», очевидно, изображали листья кувшинок или же, может, лилий. Но самих водяных цветов не было и в помине, очевидно, их просто забыли сделать, то ли увлекшись дизайном старомодной кепки на джентльмене, то ли пересчитывая дырки в его «лопате»: не забыли ли продырявить ее еще в каком-нибудь месте?

– Забавная скульптура, не так ли? – неожиданно услышала Полина на чисто русском языке. От неожиданности она вздрогнула.

Рядом с репортершей стоял высокий молодой шатен в серебристом костюме, придававшем ему сходство с инопланетянином. Он торжествующе улыбался, открывая белоснежные ровные зубы и слегка прикрыв веками голубые глаза, что свидетельствовало об искренности его улыбки. Полина усмехнулась, фыркнув, как кошка, которой в нос угодила соринка. Кто бы мог подумать! Лететь за тридевять земель в Англию, пересечь весь остров на скоростном электропоезде, углубиться в окраины графства Ланкашир, уединиться в прогулке по блэкпульскому загородскому парку, и вот на тебе! Встретить своего старого знакомого из Москвы.

– Вот так встреча! И вы, Никита, конечно же, прибыли на фестиваль танца, – почти-точно, входя в образ английской леди, заметила Полина Бересклет, ибо перед ней был Никита Борисоглебский, один из лучших тренеров.

– Это очевидно. А вот зачем создатели этого фонтана дали в руки Дуремару столь странный невод, на палке, признаться, я не понимаю.

– Разве это, по-вашему, невод?

– Ну или сачок, в общем – какое-то приспособление для ловли рыбы.

– Но я не вижу в фонтане никакой рыбы! Хотя напрашиваются «золотые рыбки» на это мелководье... Я видела подобное дизайнерское решение в отеле «Савой».

– Дуремар, видимо, всех их уже выловил! – Никита расхохотался. – Мне отчего-то хочется его называть Дуремаром, персонажем сказки о Буратино.

– Лично мне этот персонаж кажется более похожим на дворника с дырявой лопатой или же на садовника, поливающего огород, – усмехнулась Полина. – Ну в крайнем случае – на кого-то из персонажей «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, но я не могу сообразить, на кого именно. Или, может быть, на кого-то из чудачков-героев «Лимериков» поэзии нонсенса Эдварда Лира. Уж больно нелеп и смешон этот водяной в фонтане! Британский юмор в своем железном воплощении?

– Вот видите, какой простор для фантазии, – вновь улыбнулся своей безукоризненной улыбкой Никита и поправил трикотажный отворот воротника с полоской российского триколора. – Фантазия должна иметь размах, чтобы парить на крыльях, лететь к осуществлению заветной мечты! Вы не слишком спешите, Полина? Прогуляемся вместе по парку?

– Охотно.

Они удалялись от чудачковатого железного дядьки, продолжающего поливать из решета на палке воду в фонтане. На аллее им встретилось несколько британцев в аккуратно выглаженных рубашках и брюках, словно бы они не прогуливались по парку, а направлялись в офис. Пара спортсменов с жилистыми загорелыми ногами в бейсболках, модных футболках и спортивных шортах легким кроссом пересекали парк, и красноватый гравий хрустел под их мощными бутсами. Юная девица вела на поводках собак, точнее, три маленькие лохматые, напоминающие миниатюрных терьеров собачонки тащили на своих поводках девицу туда, куда хотели. Поводки беспрестанно перепутывались, грозя сплестись в рыболовецкую сеть, в которую могла угодить и сама хозяйка собачек. Девица давно уже бросила безнадежные попытки придать своим питомцам какую-то упорядоченность в движениях и покорно следовала за этой шустрой и гавкающей «упряжкой».

Глядя на забавных собачек, Никита пошутил, что вообще-то в Британии, как он уже успел заметить, собак любят больше, чем людей. Вообще, собака – это едва ли не единственный способ для этого жестко ранжированного, формализованного общества налаживать общение между людьми разных каст (индийское понятие «каста», характерное для индийских социальных групп, казалось Никите самым точным определением в отношении британцев – бывших колонизаторов Индии). Выгуливая поутру свою собаку, совершая с ней пробежку, ты можешь познакомиться с другим собачником и вместе с ним обсудить какие-нибудь новости. Отношение британцев к собакам – не менее почтительное, чем к старикам и детям. Никита припомнил, что однажды он пересекал в скоростной электричке Соединенное Королевство. Поезд был ранним, пассажиры дремали. Британские электрички имеют хорошо продуманную структуру вагона. И речь не только о туалете, вешалке для одежды, багажной полке и мини-баре, в котором продаются сэндвичи и горячий кофе или чай со сливками. Сами сиденья для пассажиров организованы очень продуманно: желающие развернуть свежую газету, карту страны, развлечься настольной игрой или насладиться завтраком в дороге могут сесть за столик, рассчитанный на четырех пассажиров. Для всех остальных предоставляются обычные двойные кресла, в которых приходится лицезреть затылок соседа или же считать проносящиеся фонарные столбы в окне.

В тот день, уточнил Никита, за столиком в электричке восседало трое молодых парней, «не считая собаки». Огромный, шоколадного цвета лабрадор по праву должен был бы занимать

четвертое место, но владелец собаки почему-то все время впихивал своего гигантского пса под столик, где тот никак не помещался, задевая массивной, как у теленка, головой «крышу» своей неожиданной «конуры». Поезд летел стремительно, но дорога была неближней, пассажиры дремали. Друзей с лабрадором тоже сморила дрема, и, когда владелец собаки ослабил свою хватку руки за ошейник, пес потихоньку выкарабкался из-под столика, и, как живое воплощение легенды о собаке Баскервильей, огромной и устрашающей, внезапно возник в проходе между рядами кресел. Пока троица друзей дремала, лабрадор успел исследовать все в округе, обнюхать стойку бара, пахшую молотым кофе, и прогуляться, разминая свои огромные лапы, по темно-синей дорожке ковролина, протянутой между креслами. Никто из пассажиров (тех, разумеется, кто не был сморен дремой) не возражал против телячьих нежностей шоколадного лабрадора, который пытался со всеми познакомиться при помощи своего влажного, холодного носа. Но вот поезд резко затормозил, с багажной полки на пол слетела чья-то небрежно пристроенная туда сумка, с одного из столиков упали пустой бумажный стаканчик из-под кофе и книжка карманного формата. Некоторые пассажиры от резкого толчка проснулись, а лабрадор, потеряв равновесие, пролетел пару метров по инерции и со всего размаха нырнул своей телячьей головой под мышку девушки с миловидным восточным лицом. Девушка от неожиданности проснулась и испуганно вскрикнула. Собачьи слюни здоровенными мокрыми пятнами изукрасили ее новенькое шелковое платье. Владелец собаки наконец-то разлепил веки. И что вы думаете? Шума и крика из-за вконец испорченного наряда было не больше, чем если бы на это платье случайно села оса или бабочка. Девушка даже улыбалась. Будто нашкодил не пес, а ребенок. «Я смотрел на это и не верил своим глазам. Невероятно! Видимо, для британцев собаки – это святое», – попытожил Никита.

– А я видела на железнодорожных станциях железные миски, вмонтированные в пол, с большими, выкрашенными красной краской отпечатками лап и надписью «Здесь вы можете напоить вашу собаку», – добавила Полина в продолжение собачьей темы.

– А я видел ряд магазинов, на которых есть надпись «Вход с собаками приветствуется!», – продолжил тренер. – Я достаточно хорошо знаю английский, чтобы перевести вывеску правильно. Да, там было указано dogs и welcome. И в самом деле, внутри этих магазинчиков я видел пожилых леди с маленькими собачками на поводках. Одной рукой они разглядывали кофты и шарфы на вешалках, а другой придерживали за поводок своих питомцев.

– А вы обратили внимание, возле Winter Garden, на стене банка, находящегося в считанных шагах от танцевального дворца, в полуметре от земли привинчена металлическая скоба с надписью Dogs parking, то есть «парковка для собаки». Видимо, вход с собаками в банк все-таки не разрешается. Но как предусмотрительно! Над скобой даже есть металлическая табличка с картинкой, как правильно «парковать» на эту скобу собаку за поводок.

– Да! А символом этого банка является вороной конь. Он и на логотипе банка, и в рекламных роликах, которые крутят по телевидению. Летящий по полю вороной жеребец, необычайно притягательный своей живой энергией и красотой движений. Тоже символ, откуда-то из глубин британской культуры.

Полина и Борисоглебский шли вглубь парка, приглядываясь, прислушиваясь ко всем его шорохам. В тени аллеи, отороченной по бордюру пешеходной дорожки пестрой лентой из красных и желтых бегоний, словно платье – нарядной тесьмой, они увидели деревянную беседку и ворота, ведущие в направлении летнего театра. На воротах висело объявление, свидетельствующее о том, что сегодня вечером на эстраде On air, то есть «на открытом воздухе», состоится спектакль «Питер Пэн» по одноименной повести Джеймса Барри. Читая это объявление, Полина усмехнулась. Спектакль явно претендовал на «постановку для взрослых», это чувствовалось по ряду указанных в объявлении деталей. Однако сама повесть в понимании Полины была детской сказкой, которую наряду с «Буратино», «Котом в сапогах» и «Золушкой» взрос-

лым читать не так уж и интересно. Она в недоумении перечитывала объявление. Никита, уловив ход ее мыслей, заметил:

– Сказка о мальчишке, который не хотел взрослеть и потому оказался в одиночестве. Все его друзья уже растили собственных детей, а он лишь носился с феями, посыпающими его волшебной пылью, по сказочным странам с пиратами и кудесниками. Грустная сказка. Странно, что они решили ее поставить на сцене театра.

– Я всегда считала, что эта сказка написана Дж. Барри для детей.

– Напротив. Это весьма поучительная история – причта для взрослых. Многие ли из них понимают смысл понятия «воспитание»? Жалостливые мамы и сердобольные бабушки нянчатся со своими отпрысками, холят их и лелеют, кормят с ложечки, отгораживают от тяжелой работы, а когда у тех простывает горлышко, то немедленно собирается консилиум из множества врачей. В итоге вырастает тепличное, не приспособленное к жизни создание, до конца своих дней требующее к себе заботы, словно инвалид. Комплекс жертвы. Страшное дело! Неслучайно же у Гете к доктору Фаусту приходит Забота как самое страшное искушение: тот, кто попал в ее сети, утрачивает волю к жизни.

– Глубокая мысль. Мне она не приходила в голову, хотя о синдроме Питера Пэна слышать доводилось, так в психотерапии обозначают инфантилизм, личностную незрелость.

– Вот-вот. Воспитание – дело достаточно жесткое, и этим искусством владеют, уверен, не более десяти процентов мам и пап. Но без настроя на преодоление обстоятельств успешный человек не вырастет. Любовь к комфорту, характерная для маменькиных сыночков, – путь в никуда. Нам, тренерам, тоже приходится вести себя довольно жестко с учениками. Быть требовательными. Ради победы.

– Карельские – ваши ученики?

– Да! Рита и Руслан. Мои любимые ученики.

– Почему же они никак не завоюют Блэкпульский кубок? Более десятилетия Карельские не могут пробиться в финал. Я хорошо знаю это, ведь они – мои друзья.

Услышав вопрос, Борисоглебский резко помрачнел и умолк. Он долго подбирал слова для ответа. Но так и не сообразив, что же сказать в отношении своих учеников, начал рассуждать о сложностях танцевального мира.

– Кстати, Полина, а вы не в курсе, Карельские уже прилетели на Блэкпул?

– Я думала, что вы летите с ними одним самолетом, и это я вас должна расспрашивать о Карельских.

– О, хоть я и тренирую их, но отношения между нами весьма свободные, независимые.

– Но вы обязаны их поддержать, раз вы – их тренер. Обязаны! Моральная поддержка значит очень многое. Быть может, Карельским именно ее и не хватает для победы?

– Кто его знает, от чего в этой Англии зависит победа... Все не так, как в России. Все шиворот-навыворот! Конечно, я рад буду увидеть своих учеников, пообщаться с ними, так сказать, в боевой обстановке. Где они остановились, в каком отеле? Наверно, в вашем, у Виктории?

– Нет, Никита, не в нашем. Не в «Белой ночи». Среди жильцов отеля Виктории я их не заметила.

– Боже мой, неужто их конкуренция с Викторией на паркете перешла в личную вражду? Вы ведь в курсе, что Виктория Донская и ее партнер, Максим Коноплянников, были главными конкурентами Карельских и почти всегда отбирали у них золотые медали?

– В курсе. Трудно провести грань между спортивным паркетом и личными отношениями, наверно. А может, невозможно, когда ты обречен из-за кого-то на проигрыш. Виктория всегда уделяла Карельских по полной программе, разбивала их в пух и прах, это мне известно.

– Но Виктория уже не танцует. Я от многих слышал об этом. Она замужем за британцем и вместе со своим мужем Марком занимается исключительно гостиничным бизнесом. «Белая

ночь» теперь – главное дело для нашей чемпионки Вики, мадам Донской-Балд. Она не будет мешать Карельским и на Блэкпульском паркете. Вообще, этот турнир для них — роковой.

– Что вы имеете в виду, Никита?

– Это последний год, когда они выступают в возрастной категории «сеньоры». Руслан признался мне, что устал биться как рыба об лед, пытаюсь добиться выхода в финал на Блэкпуле. Если они и в этом году проиграют Блэкпулу, как это уже было двенадцать лет подряд, то он найдет в себе мужество расстаться с танцевальным спортом.

– Это он вам так и сказал? В таком случае, Никита, вы просто обязаны приложить все ваши усилия, чтобы вдохновить, убедить, настроить на победу — вдохнуть энергию в Карельских!

– «И будешь тверд в удаче и несчастье, которым в сущности цена одна». Редьярд Киплинг, агент британской разведки, Автор «Кима» и «Маугли», – Борисоглебский смотрел куда-то ввысь. Там проплывала белоснежная плеяда облаков. – Ну, вообще-то я прилетел сюда, конечно, не только ради Карельских. Вы... давно здесь, Поля? Кара-Мурзу видели?

– Артура? Пока нет. А он вам нужен?

– Еще как! Это же мой друг. К тому же у него же затевается очень крупный бизнес-проект. Рабочее название – «Русский вальс». Деньги под него даются госдепартаментом по культуре Вены, посольством Австрии в Москве и российским Министерством иностранных дел. Это будет роскошное шоу! Венский вальс в исполнении русских артистов! А если Кара-Мурза сумеет отработать этот проект в тандеме с Нагорным, то получится вообще супер! У Нагорного прямые выходы на ведущих нефтяных олигархов России. И сейчас через его корпорацию «Вальс» текут такие денежные потоки, что многим и не снилось. Конечно, львиная доля этих денег уходит на организацию соревнований, на фестивали мирового уровня. Львиная доля – но не все деньги. Мирослав – это голова! Хватка, какой позавидует и президент страны! Я восхищаюсь Нагорным. Огромные деньжищи!

– Вы хотите поучаствовать в их распределении?

– Я хороший организатор. Прекрасно умею проводить рекламную кампанию. Могу выступить хореографом любого танцевального шоу, включая балет. Я же, если помните, вообще-то артист балета.

– О да, я отлично помню! И ваш внезапный уход из классического балета, с престижной сцены Мариинского театра – на спортивный паркет...

– Жизнь полна неожиданностей, Поля. Это придает ей пикантность.

Красно-желтая лента из бегоний закончилась, и вместо нее началась кайма из сиреневых и желтых виол, в народе именуемых «Анютины глазки». Тенистая кленовая аллея сменилась просторной поляной с ромашками. На поляне с радостными криками носилась детвора, перебрасывая друг другу мячик: видимо, тренируясь в какой-то игре.

Они пошли дальше, скрипя красно-бурым гравием, по дорожке, ведущей сквозь клумбы с острыми, как лезвия турецких сабель, листьями ирисов и огромными сиреневыми шарами цветущего во всю свою красу декоративного лука-алиссума.

Полине была слишком хорошо известна история перехода Карельских в студию Никиты Борисоглебского. Лишь она, человек из мира газет, но не спорта, да еще руководитель студии танца Петр Пирожков, с которым Карельские расстались во имя золотых медалей, расценивали это решение Руслана и Риты как предательство.

Дружба Полины Бересклет (это красивое растение с ягодками-брусничинками журналистка выбрала своим псевдонимом) с Карельскими была многолетней. Они познакомились в буфете одного из старинных особняков Москвы, появившегося в эпоху архитектурного монументализма, в эру соцреализма. Здание отличалось многофункциональностью. Каждые выходные на его центральной сцене проходили сатирические спектакли современных драматургов, веселые шоу, рассчитанные на массовую, не искушенную Шекспиром и Бернардом Шоу пуб-

лику. Боковой флигель был упакован многоярусными тренировочными залами. В одном из них на вылинявшем паркете за деревянным станком занимались будущие артисты балета, в другом, также заставленном по периметру зеркалами, располагалась государственная школа хореографии для детей. Еще один зал, крытый ковровым и арендуемый спортивным обществом «Трудовые резервы», предназначался для аэробики, куда и ходила в свободное время Полина, вдохновленная личностью Джейн Фонда. Два оставшихся зала сдавались в аренду коммерческим школам танца. В одном зале на стареньком линолеуме худощавые крашенные девицы с ярким маникюром учились фигурам аргентинского танго. В другом – во всей своей красоте сверкал паркет для спортивного танца. Этот паркет арендовал Петр Павлович Пирожков, бывший исполнитель народного танца и педагог государственной школы хореографии для детей, располагавшейся в том же самом здании тремя этажами ниже. Впрочем, Петр Павлович Пирожков, или, как его чаще называли, Петропалыч, был отнюдь не случайным человеком в мире спортивного танца, этой буржуазной, как говорили в советские годы, культуры. Когда бальному танцу наконец открыли зеленый свет, он принялся с таким энтузиазмом за его освоение, что умудрился даже завоевать со своей партнершей несколько медалей на чемпионатах Москвы. Это вдохновило его на открытие частной школы танца – индивидуальные уроки с учениками стоили столько, сколько на «государевом пайке» в хореографическом кружке Пирожкову и не снилось.

Среди учеников Пирожкова оказались и Карельские – амбициозная пара, которая хоть и вкладывала все свои силы в тренировки, но так и не могла завоевать значительные места на московских конкурсах. Это очень раздражало Руслана Карельского, он не мог взять в толк, чего им не хватает для победы. Техники? Дружбы Пирожкова с судейской бригадой? Может быть, мешает уже далеко не юный возраст?

Решение о переходе в студию более сильного педагога было мучительным. Пирожков давно стал другом семьи Карельских, они даже вместе ездили летом отдыхать в прекрасный дом отдыха на Селигере. Рита Карельская, талантливый дизайнер в одежде, обшивала всю студию Пирожкова конкурсными костюмами. Но увы, перед парой Карельских встал выбор. Дружба или медали.

Руслан, для которого главной мотивацией в танце была именно победа, уговаривал Риту расстаться с Пирожковым и перейти в студию артиста балета, открывшего школу спортивного танца, Никиты Борисоглебского. Его ученики неизменно побеждали на всех российских чемпионатах. Но Рита успела привязаться к Петропалычу как к близкому другу и родственнику и убеждала Руслана повременить. Еще неизвестно, получится ли им стать чемпионами, занимаясь в студии Борисоглебского, хватит ли у нее самой сил и энергии в тренаже у хореографического станка, к которому, как поговаривали, Никита ставил всех своих учеников, невзирая на злословие конкурентов, болтавших, что, мол, «балетный станок для спортивного танца – это лишнее». К тому же было слишком очевидно, что с уходом к Борисоглебскому Маргарита потеряет своих клиентов из студии Пирожкова, заказывающих конкурсные костюмы, а главное, что потеряет и его самого – как друга. Но амбициозный Руслан призывал всем этим пожертвовать – он был настроен лишь на кубки и медали.

Глава 2

Белая ночь Черного озера

Над Ирландским морем клубился белесый густой туман. На горизонте вода сливалась с небом. Песчаный мол с чередой массивных каменных волнорезов был окаймлен цепью открытых беседок с разлапистыми, как у китайских пагод, крышами. Беседки следовали одна за другой, как бусинки в ожерелье, растянувшись невидимой цепью на все побережье, насколько хватало глаз. Темный от морской соленой влаги, такой широкий, что на нем могли бы прекрасно разъехаться два грузовика, пирс со скрипучими разошедшимися на солнце досками деревянного настила уходил широкой дорогой в неопределенное, теряющееся во мгле будущее. Несколько серебристых чаек сгрудились на узорчатой жердочке чугунного заборчика, столь низенького, что его с легкостью смог бы перескочить не только жеребенок, но и поросенок. Словно гигантские воробьи в ненастье, чайки недвижно сидели, вглядываясь круглыми золотыми бусинами глаз в унылую даль, где темная вода сливалась с угрюмым небом. Ажурный чугунный заборчик с пышными королевскими вензелями, с вызолоченным львом и единорогом королевского герба, отгораживающий влажный морской песок, напичканный галькой, словно пирожковое тесто – орехами, следовал параллельно струнам трамвайной линии. Прочих морских птиц, кроме огромных серебристых чаек, не было заметно, наверно, они не летали в столь гадкую, туманную погоду, когда с высоты своего парения над морем не только не разглядишь мерцающий белым металлом в глубине косяк селетки, но даже излюбленного места «парковки» желтоклювых рыболовов – круглых уличных фонарей, зажигающихся в вечерних сумерках ожерельем маленьких перламутровых лун.

Рассветная мгла крепко держала горожан в чреве домов, превращавшихся с наступлением зимнего сезона в «берлоги», из которых под напором пронизывающего ледяного ветра, дующего со стороны Ирландского моря, да, пожалуй, и всей Атлантики, становилось проблематично выкарабкиваться. Не только себя любимого, но и обязательного члена почти любой английской семьи – четвероногого пса совершенно не хотелось выставлять за дверь. Англичане питают к собакам удивительно нежные чувства, так что шок русских туристов от надписи на витринах магазинов «Вход с собаками приветствуется» довольно быстро проходит – таких магазинов много, и часть выручки от продажи товаров направляется в приюты и лечебницы для животных.

Но вот зима позади, льдины бесследно растаяли, прибрежные холмы покрылись вначале легкой зеленью, словно бронзовые монетки – патиной, а вскоре и россыпью мелких цветочков, похожих на крошечные сиреневые хризантемы. Над Блэкпулом развернулась во всю свою опьяняющую мощь вдохновляющая пора весны и расцвета жизни.

Время белых ночей!

Силуэт деревянного пирса, отделяющий зеленую твердь от сизой хляби небесной, постепенно окрашивается под натиском рассветного солнца в привычные глазу тона и оттенки. Низенький заборчик, отделяющий владения Ирландского моря от владений Блэкпульской мэрии, внезапно оказывается ажурно-кружевным, сквозь чугунные завитушки проглядывают морские волны. Силуэты птиц, неподвижно заполнивших жердочки заборчика, словно ноты – пятиструнную линейку партитуры, под лучами солнца превращаются в белоснежных чаек, которые тут же оживают и с истошными криками срываются всей стаей куда-то высь. Мгла отступает под натиском нового дня, в глубине Туманного Альбиона возникают угловатые контуры городских крыш. И светофоры из загадочных трехглазых чудищ, скрытых в тумане, превращаются в заурядные железные столбы перекрестков.

С каждой минутой все отчетливее проступал эпатажный шедевр местной архитектуры – Блэкпульская башня, сводная сестра Эйфелевой. Светлые пятнышки, блуждающие в морской дали, настойчиво превращались в огни лайнера. Море торопливо, как артистка в гримерной, меняющая сценические платья, сбрасывало с себя унылый серый цвет плаща-дождевика и романтично облачалось в нежно-голубые оттенки шелкового платья. Бортовые огни далекого лайнера внезапно гаснут. Но проходит всего несколько минут, и мираж оживает, и отчетливо проявляются резкие контуры носа и кормы.

Впрочем, солнце так и не смогло одержать полную победу над тучами, плавающими на горизонте, словно гигантские, чуть измятые гигантской десертной ложкой шары черничного мороженого. Зашуршал по листьям и забарабанил по асфальту мелкий занудливый дождь, его капли придали автодороге яркость туши для каллиграфии. Водители автомобилей включили дворники, водяная взвесь оседала на лицах прохожих, затрудняла дыхание. Стрелки часов на трамвайной остановке, с типичным в Британии римским циферблатом приблизились к восьми, и теперь уже не редкие прохожие, а целые толпы заспешили по тротуарам, расцветивая грустные улицы десятками пестрых, веселеньких зонтиков. Там, где тротуар отделялся от проезжей части низеньким и тонким кирпичным бордюром, текли грязные потоки дождевой влаги, смывающей на своем пути всю пыль города. Дождик пригнул к земле саблевидные листья ирисов, украсил апельсиновые балетные пачки маргариток хрустальными кабошонами. На высоких стеблях садовых канн вздрагивали перепуганными бабочками под ударами дождевых капель желтые и красные цветы.

По легким крышам-зонтикам летних кафе грохотали сыплющейся из охотничьего ящика дробью дождевые капли. Под белыми пластмассовыми столиками и такими же белыми стульями с дырчатыми, ажурными спинками растекались неровные лужи.

И вдруг дождь хлынул как из ведра. Прохожие, которых уже не могли уберечь от гнева небес зонтики, кинулись под крыши домов спасать свою стремительно промокающую одежду в кафе, за витринами магазинов, заблестевшие, словно зеркала. Дождь обрушил потоки небесной влаги на брусчатку городской площади. Крыши над уличными сувенирными лотками превратились в этнические барабаны, угрожающе громыхавшие под ударами невидимых палочек фантастического музыканта.

Чтобы добраться до Winter Garden («Зимнего сада»), где, собственно, и проходил крупнейший в мире фестиваль танца, и не вымокнуть до нитки, следовало взять такси. Передвигаться пешком под холодным «тропическим ливнем» даже на незначительные расстояния означало погубить обувь.

Корреспондент иллюстрированного журнала «Паркет» Полина Бересклет и фотограф Владимир Малинин набрали мобильный номер городского такси. Приехал большой черный «жук» с круглыми фарами цвета топленого молока, с блестящим от дождя капотом – хоть брейся, глядя в него, ежели кто-нибудь подержит над тобой зонтик. В английском «жуке» усматривалось сходство с советской «Победой», что наводило на глубокие раздумья о плагиате и авторском праве.

– Куда вас отвезти? – галантно спросил аккуратно подстриженный водитель в белой рубашке и черном галстуке.

– На фестиваль танца!

Невозмутимое лицо англичанина изобразило недоумение, его лоб сморщился как печеное яблоко, демонстрируя напряженную работу ума. Наконец шофер «жука», так и не вспомнивший, что такое фестиваль танца, попросил назвать точный адрес. Он не смог сообразить, куда же ехать.

Адреса Winter Garden ни Поля, ни Вовка не знали. Они были обескуражены недалеко-стью водителя, ничего не слышавшего о легендарном турнире, ежегодно проходившем в его родном городе почти столетие.

– Я знаю, где сейчас проходит фестиваль распродажи, – стыдливо признался англичанин. – Возле северного пирса. Вечером там будет карнавал, «Остров сокровищ». Гости придут нарядные: кто-то нарядится пиратом, кто-то – капитаном бригантины-парусника, и будут прекрасные леди. А главное – большие скидки на все товары...

Вовка рассмеялся, «нарядность» пиратов, изображавшихся одноногими, изборожденными шрамами, заросшими щетиной и с меховушками в подмышках, да в полосатой майке, ему была непонятна. Может быть, это современная английская пикантность? Впрочем, фестиваль танца проходил в том же самом районе, что и «Остров торговых сокровищ», а если точнее, то в двух сотнях метров от Блэкпульской башни – плагиата с Эйфелевой. Вовка сообщил об этом шоферу, и тот, вначале обидевшись на «плагиат», все же, твердо решив не терять клиента и гонорар, сменил хмурый взгляд на дежурную улыбку. Башня в городе была одна, и она оказалась прекрасным ориентиром, или, в английском сленге, «лэнд-марк». Уже садясь в машину, Полина уточнила, что нужна не сама башня, а старинное здание поблизости, почти не видное из-за строительных лесов, – именно там и проходит фестиваль танца.

– Winter Garden? Реали? – спросил шофер, что означало: зимний сад, правда?!

Winter Garden тонул в строительных лесах, словно еж в иглах. Шел капитальный ремонт, и таксисту не пришло в голову, что внутри может проходить какое-то крупное международное мероприятие. Он лишь покачал головой да удивленно цокнул языком, мол, окей, едем в заключенный со всех сторон длинными досками и зачехленный в строительную сетку «Зимний сад».

Машина сорвалась с места, и Полина сразу же ощутила прелесть левостороннего движения страны Туманного Альбиона: при встречном движении других участников водитель более защищен от лобового столкновения, нежели чем при типичном для многих стран мира, да и для России, правостороннем движении. Впрочем, об этом ли думать чопорным англичанам?

«Жук» выкарабкался на набережную, из-под колес выкатывали глыбообразные волны, которые могли бы, вероятно, впечатлить и Айвазовского. По тротуару бежали целые реки, уносящие в чрево городской канализации белоснежные лепестки садовых ромашек, сиреневые и розовые граммофончики петуний и даже изломанные стихией ивовые ветви. По обе стороны от «жука» сквозь плотную стену ливня пробирались другие автомобилисты, производя своими колесами почти океанические цунами. Сквозь стекла салона, покрывшиеся капельками дождевой влаги, мелькали то красные, то зеленые пятнышки – огни светофоров. Вдали, в глубине морского побережья проглядывали серые контуры холмов, напоминающие влажные японские пейзажи, выполненные тушью в технике суми-э.

– Так этот ваш фестиваль проходит в Winter Garden? – полюбопытствовал водитель. – И как долго он продлится?

Полина и Владимир усмехнулись на оборот «этот ваш фестиваль танца», заметив, что в «Зимнем саду» проходит истинно английский чемпионат по спортивному танцу, изюминка культурной жизни Великобритании. Престиж соревнований нарабатывался десятилетиями, и потому сегодня одних лишь номинаций наберется с целую дюжину. «Зимний сад» готов принять всех желающих, а для этого потребуется не менее двух недель.

– Вон оно как! – понимающе кивнул таксист. – Будем надеяться, что за эти две недели «Зимний сад» не рухнет... Но крыша-то такой ливень, небось, не выдерживает. Лужи-то небось внутри огромные, как озера. Недаром же столь серьезный ремонт в нем развернули. Кстати, сколько стоит участие?

– Пятьдесят фунтов.

– Ого! За эти деньги можно проехать пол-Англии. Бензина, купленного на 50 фунтов, хватит до Лондона. Впрочем... но до Манчестера и до Ливерпуля однозначно хватит. И что же, много желающих?

– Полно. Сотни, если не тысячи пар! Со всего мира. Это же самый престижный турнир.

– Оранжевые люди! – понимающе улыбнулся шофер. – Я каждый год вижу этих забавных крейзи, похожих на папуасов. Размалеваны, как «Фанни Герлз», наши-то трансвеститы. Но «Фанни Герлз» зарабатывают на своих танцах, а ваши – тратят, и поэтому ваши танцоры – крейзи.

Метафора «оранжевые люди» ошарашила Полину и Владимира. Видимо, именно так он воспринимает крем-автозагар, применяемый для латиноамериканской программы? Но откуда у шофера уверенность в протекающей крыше «Зимнего сада»? Почему таксист ничего не знает о самых престижных соревнованиях в мире, проходящих в его родной британской тьмутаракани на Ирландском побережье, где нет ни аэропорта, ни прямого железнодорожного сообщения с Лондоном?!

– Да, орандж пипл! – подтвердил шофер. – Оф кос! Сетанли! Люди-апельсинки! Каждой весной на побережье слетаются странные «оранжевые люди». Вначале лебеди прилетают, а потом эти... крейзи!

Полина ощутила обиду за танцоров. Латинистам гораздо больше подошла бы метафора «люди-шоколадки». Темный «африканский» или «бразильский» загар, достигнутый при помощи кварцевых ламп солярия или же специального крема, является таким же обязательным элементом имиджа артистов в латиноамериканской программе, как и усыпанный стразами и блестками костюм, в лучах софитов превращающийся в живой драгоценный камень.

Латиноамериканская программа считается относительно молодой для Блэкпульского паркета, ее история начинается в 60-е годы XX века, когда в советской России развернулась оттепель, а в Британии решили слегка отступить от танцевальных канонов первой трети столетия. Бразильская пышнобедрая самба, романтическая кубинская румба и американский джайв ворвались в чопорное английское общество подобно ракете, покоряющей космические дали.

Аристократы и снобы, привыкшие к длинным платьям, поклонники вальса и фокстрота были сражены шоком. Все давно привыкли, что слово «балрум» (ballroom), то есть «бальный танец», означает именно европейскую программу. Знали и то, что программа эти создана хореографами и балетмейстерами именно Великобритании. Теперь же выяснилось, что смысл привычного понятия разрушен, что оно куда-то сдвинулось, течет и дрейфует вместе с парадоксальными переменами в консервативной жизни старушки Англии.

Поди разберись.

Англия, создавшая танцевальный канон в европейской программе и обучившую всю планету танцевать фокстрот, аж до середины XX века и слышать не хотела о том, что бразильская самба и кубинская румба – разновидности бального танца. Как же этих размалеванных кривляющихся обезьянок, обвешанных самоцветными связками бус, словно манекены в витрине, со сверкающими браслетами на руках, размером с корону королевы Виктории каждый, вообще пускать в зал для интеллигентных леди и джентльменов? Стыд и позор!

Впрочем, довольно быстро выяснилось, что именно латина – эротичная, энергичная, жизнеутверждающая, с воодушевляющим музыкальным ритмом – собирает максимум зрителей и намного популярнее классики, куда входят европейские вальсы, фокстроты и танго.

Билеты на латину расходились молниеносно: несмотря на высокую цену, первые места в зрительном зале выкупали едва ли не за год, и кто? Чиновники Блэкпульской мэрии, представители крупного бизнеса, телеведущие, артисты кино и театра – одним словом, социальная элита. Пришлось пустить «людей-апельсинок» под крышу королевской резиденции в Блэкпуле, на самый престижный танцевальный паркет мира.

И сегодня именно латинисты обеспечивают финансовый успех Блэкпульского фестиваля, и сам этот факт в век рыночной экономики не учитывать невозможно. Традиция традицией, но раз есть спрос, то зачем отменять предложение?

История Блэкпульского фестиваля весьма любопытна. В 20-е годы XX столетия англичане затеяли на побережье Ирландского моря танцевальный праздник наступившей весны, вот

только не на типично фольклорный, а на классический манер. Все-таки на дворе был XX век и массовое сознание отнюдь не языческое. В противовес народной ирландской джиге и подобным ей танцам на западном побережье Англии, в провинции Ланкашир, решили провести «бал аристократов». Для аристократической публики подобрали шикарное здание, лучше не придумаешь – императорский зал в здании королевской резиденции. Сюда не раз заходили царственные особы. Сегодня этот шикарный особняк известен как Winter Garden – «Зимний сад» благодаря своей длинной и просторной оранжерее, украшенной гигантскими пальмами.

За почти столетнюю историю Блэкпульского фестиваля многое изменилось, и эти престижные соревнования по спортивному танцу, выросшие из «праздника весны на побережье», конечно, следовало бы именовать чемпионатом, а не фестивалем. Но... консерватизм старой доброй Англии сказал свое весомое слово и в этом. Если вы побеседуете с судейской бригадой Блэкпула, которую на 99 % составляют чистокровные британцы, то услышите, что, оказывается, бальный танец – это отнюдь не спорт, а искусство. Исполнители танцев – артисты, а не спортсмены. Сколь бы ни были сложны по акробатике фигуры и танцевальные связки, но театральные подмостки и балетная сцена все равно танцорам будут ближе, чем лед фигуристов или ковер гимнасток. И так считают лишь в Англии. Поэтому во всем мире проводятся чемпионаты бального танца, а здесь – фестиваль.

Консерватизм мышления англичан проявляет себя и в других деталях. В программе Блэкпула отсутствует «король вальсов» – венский вальс. Даже многие спортсмены не знают, в чем тут дело. Кое-кто предполагает, что в Англии не любят Штрауса, хотя не может объяснить почему. Вот ненависть французов к фамилии Веллингтон и требование правительства Франции убрать в Лондоне станцию метро под названием «Ватерлоо» – совсем другое дело. А Штраус-то кому помешал?!

От других можно услышать, что, мол, для спортивных соревнований венский вальс слишком прост – всего две обязательные фигуры, вращение вправо да вращение влево, британцы подобное и за танец-то не считают. На фоне быстрого и медленного фокстротов – «чисто английских танцев», в которых количество фигур исчисляется десятками, если не сотнями, простенький, хотя и невероятно стремительный венский вальс ни на что не похож... И снова промашка.

Игнорируют венский вальс британцы в силу своего консерватизма. Исключительно традиций ради.

Когда в XX веке была сформирована международная организация, принимавшая решения по стандартизации правил соревнований в спортивном танце, Блэкпульский фестиваль уже существовал, со всеми своими уже установленными правилами. Оргкомитет Блэкпула, заявившего о проведении фестиваля в формате чемпионата в 1929 году, по каким-то соображениям проигнорировал венский вальс и не включил его в конкурсную программу. Может быть, банально поспешили и... забыли.

Так или иначе, но подлинную причину этого унесли с собой те, кого уже нет на планете, и потому корни этой истории остаются загадкой. Известно лишь, что Блэкпульский фестиваль зарождался именно как явление искусства, а не спорта. Вероятно, поэтому в него и были включены четыре европейских салонных танца – медленный вальс, медленный фокстрот (слоуфокс), быстрый фокстрот (квикстеп) и европейское танго. «Конькобежный», если его оценивать с точки зрения скорости, «танец-волчок», «танец-юла» – венский вальс оказался за бортом. Теперь же, когда по всему миру конкурсная программа включает в себя не четыре, а пять европейских танцев (программа стандарта), Великобритания делает вид, что не замечает этого. У Англии свои законы, и престиж Блэкпула дает основание жить своей собственной, независимой ни от кого жизнью. Не нравится – не приезжайте! Не Блэкпул для мира, а мир для Блэкпула.

Из путевого дневника журналистки Полины Бересклет

Главный танцевальный фестиваль мира не случайно возник на Ирландском побережье. Если говорить о таком понятии, как культура, то Британия прочно удерживает в этом плане лидерство. По части литературы, театра, моды, балета Великобритания старается задавать тон всей Европе. Это, правда, не всегда у нее получается, и главным оппонентом выступает, как нетрудно догадаться, Франция. Противостояние двух культурных столиц мира, Лондона и Парижа, слишком очевидно, иногда доходит до курьеза. И тогда культура превращается на какое-то время в свой антипод, в яркое эпатажное шоу. Таким эпатажем является театр трансвеститов *Funny Girls* («Фанни Герлз», что можно перевести как «Забавные девчонки» или «веселые девочки») в Блэкпуле. В труппе работают исключительно мальчики, исполняя и мужские, и женские роли. Этот кордебалет забавен тем, что театр трансвеститов – самое высокое здание в Блэкпуле. Среди горожан бытует курьезная быль о том, что однажды, когда в Блэкпуле появились высокие дома, здания торговых и промышленно-развлекательных центров, мэрия города приняла парадоксальное решение – об их сносе. Мол, большинство развлекательных центров оказались слишком высокими небоскребами и нарушали «исторический облик города». После их сноса промышленными взрывами совершенно неожиданно самым высоким зданием оказался... театр трансвеститов «Фанни Герлз». Но мысль мэра Блэкпула, конечно же, была направлена не на рекламу кабаре, а на противодействие «культуры потребительства», ведь после того, как высокие торговые «небоскребы» Блэкпула приказали долго жить, тут же открылись взору и старинные музеи, и здание городской библиотеки из темно-рыжего камня с готическими башенками на фронтоне, и невысокие костелы церковью со стеклянной разноцветной мозаикой узких и высоких окон также заблистали во всей своей старинной роскоши. А что уж говорить о легендарной башне – теперь ее первенству высоты никто не угрожал. В погоне за утраченным временем городские власти решили даже восстановить старую трамвайную линию. С этой целью они перегородили полгорода, чтобы откопать старые рельсы, когда-то закрытые тротуаром и новыми автотрассами. Теперь по Блэкпулу не проедешь не проедешь, ощущение такое, что вся рабочая сила городских служб благоустройства брошена на археологические раскопки.

Мэр Блэкпула очень серьезно настроен в отношении восстановления «исторических улиц» и думает разрушить современные автомагистрали, чтобы, заменив безнадежно проржавленные, погребенные под слоями асфальта железные рельсы на новое металлическое полотно, вернуть улицам «исторический вид». Такое возможно лишь, видимо, в старой доброй Англии. В стране, где боятся лишиться даже такого символа старины, как телефонные будки (хотя этими телефонами в век мобильной сотовой связи уже никто не пользуется), городские службы о телефонных будках тщательно заботятся, их вовремя покрывают свежими слоями красной краски, счищают с них ржавчину, убирают соринки. А для того, чтобы эти будки хоть как-то оправдали свое существование, в них устанавливают аппараты, рассчитанные на беспроводной интернет Wi-Fi. В век тотального увлечения «вайфаем» подобное решение хоть как-то оправдывает существование красных металлических сооружений с решетчатой дверью и королевской короной над входом.

Парадоксальное сочетание современности и старины находит отражение в культе викторианских времен. Трудно сказать, как современные феминистки отнесутся к заявлению королевы Виктории, но даже в век бизнес-леди дневник королевы Виктории необычайно популярен. «Я зависела во всем от своего мужа Альберта, – писала королева Виктория. – Он руководил всеми моими поступками, всеми моими мыслями».

Экзальтированная любовь Виктории к своему супругу и сегодня впечатляет и приводит в благоговейный восторг и почитание многих юных девушек. Виктория на сорок лет пережила

Альберта, своего мужа и своего же кузена, который ушел из жизни в возрасте Ги де Мопассана и Николая Гоголя – всего-то в 43 года. Она умела подчинить свое поведение его интересам, так что ее сильный и волевой характер стал очевиден лишь в дни ее собственного правления.

Как и принц Альберт, королева Виктория происходила из немецкого аристократического рода. И как другие «немецкие» монахи, Виктория сделала все для того, чтобы Британия была превращена в мировую державу номер один, что, впрочем, периодически приводило к конфликтам с Пруссией. Правление Виктории, длящееся с 1837 по 1901 год, нередко называют «Золотой эпохой». Символизируя любовь, которую не способна разрушить даже смерть, прах Виктории и Альберта покоится в одной могиле.

Воистину по-императорски Виктория увековечила и память своего мужа Альберта, основав первый и, как впоследствии оказалось, самый большой в мире музей прикладного искусства. В этом музее удалось собрать самые удивительные этнические и культурные экспонаты со всего мира: национальные костюмы и украшения, конская сбруя, посуда и даже мебель. Удивительно, учитывая снобистский дух большинства англичан, что королева Виктория отдала распоряжение собирать эти экспонаты не по принципу «аристократической крови», а по совершенно другому – уникальности для этноса, для местной национальной культуры. Именно поэтому в коллекции есть и крестьянские платья простолюдинов, и бархатные камзолы аристократов. Собирая все эти экспонаты, принадлежащие разным эпохам, Виктория смогла собрать пеструю, если не сказать – сумбурную, коллекцию, которая тем не менее крайне любопытна и познавательна.

Вообще, англичане – консервативный народ. Их собственные традиции, их личная и семейная жизнь значат для них многое. Большинство из них вовсе не рвутся переселиться в Лондон как единственно карьерно перспективное место в стране, а предпочитают приехать туда на какое-то время, после чего вернуться в свой фамильный дом, будь он в глуши шотландских болот или же на просторном и светлом побережье Ирландского моря, и из этих мест в столицу их уже никаким пряником не заманишь. Мышление и ценности британцев противоположны установкам решительных и циничных американских яппи. Английские джентльмены с презрением относятся к тем, кто в современном мире рвется из грязи в князи, будь то Соединенные Штаты или стремительно меняющаяся на современном мировом капиталистическом рынке Россия. Быстрый финансовый взлет невозможен без подлостей, нарушения закона, лжи и предательства, убеждены они, и с подозрением относятся к тем, кто «вчера был никем», а сегодня стал олигархом. Даже такие крупные нефтяные олигархи из России, как Борис Березовский и Роман Абрамович, никогда не могли себя чувствовать в Британии своими парнями, несмотря на владение футбольными клубами и недвижимостью. Одно дело банковский счет и совсем другое – положение в обществе, уважение и доверие со стороны определенной социальной страты. Русским олигархам никакого «уважения» со стороны британских лордов и не светит. Ну разве что только внимание со стороны спецслужб и налоговых органов к этим вечно чужим русским на берегах Туманного Альбиона будет обеспечено... Джентльменом нельзя стать, нацепив на себя фрак, купив в собственность старинный замок. Джентльменом можно лишь родиться, если твоими предками являются не менее трех поколений английских джентльменов. Социальный статус, создаваемый из поколения в поколение, фамильное гнездо и родовая память для британца – ключевые ценности.

Фавориты из России

Карельские – Рита и Руслан, представлявшие Россию в европейской программе, обещали быть одной из самых интригующих пар на соревнованиях. А все начиналось много лет назад...

– Надо выглядеть стильно и дорого! Надо! – морщась, словно от проглоченного лимона, пояснил Руслан, глядя на свою жену. – Даже если у тебя последние деньги, ты без штанов

ходишь и питаешься растворимым супчиком из концентратов, все равно, понимаешь, приходится играть по корпоративным правилам! Клиент должен быть уверен в стабильности и престиже фирмы. Респектабельность – наш бог.

Маргариту царапнуло слово «респектабельность». Но куда же деваться? Работа, которую предложили после окончания вуза, приносила Руслану копейки. И он неожиданно для себя самого решил пойти туда, где можно было найти «Клондайк». Таким «русским Клондайком» в лихие 90-е годы, когда в стране все рушилось и люди не успевали опомниться от очередного дефолта и смены кабинетов министров в правительстве Бориса Ельцина, оказался страховой бизнес. Люди, как утопающие, хватались за соломинку.

Маргарита знала, что одетые «от-кутур» молодые менеджеры международной страховой компании вынуждены холеным и бодрым видом поддерживать «бренд» своих фирм, даже если эта фирма – мыльный пузырь, вот-вот готовый лопнуть. Но ведь клиент неосознанно своего менеджера встречает по одежке. Под воздействием корпоративной культуры и у самих менеджеров менялось мышление, становясь клиповым. Огромное значение придавалось атрибутике, когда торговые бренды, золотые часы, кожаные портмоне, модная электроника становились самоцелью.

Человек превращался в вещь. В приложение к своим часам, пиджаку, портмоне, компьютеру, автомобилю... Самооценка человека начинала измеряться накопленным бараклом. Вещизм стал религией «поколения менеджеров». Живые люди уходили из системы ценностей «продвинутых менеджеров». На их место приходили вещи.

– И когда же мне помогать старым да больным родичам? – однажды бросил, глядя на Карельского, еще новичка в системе «международного страхования», его наставник. – Да, когда же мне ими заниматься, ежели у меня контракт на миллион, а?

– Но ведь они тяжело больны, им нужна твоя помощь.

– Кто бы мне помог! – топ-менеджер, носящий прозвище Шакал, бросил на Карельского едкий, злой взгляд исподлобья. – Пусть им помогут «совковые чиновники», на которых они всю жизнь ишачили! А сейчас другие времена. Капитализм, рынок! Каждый сам за себя. Ельцин, Гайдар, Чубайс, конечно, молодцы, что разогнали «совковую» кремлевскую бюрократическую нечисть. Но... Эх, мы еще не Швейцария, не стали подлинно цивилизованной страной.

– А почему именно Швейцария?

– Ха! В Швейцарии разрешена эвтаназия. Сейчас бы я этих вечно ноющих, вечно болеющих предков, которые требуют моего времени, моей жизни на свои болячки, я бы с ними да как в Швейцарии...

– Ты за узаконенное убийство? – Руслан не верил своим ушам. В его голове еще крутилось на подсознании известие об убийстве телеведущего-рекламщика Владислава Листьева. Он не мог понять, как что-то может быть ценнее человеческой жизни.

Однако стремительно захватившая Россию рыночная жизнь вносила свои коррективы в мышление людей. В душе каждого менеджера (самая модная и перспективная профессия!) наступал перелом, и клиповое мышление начинало доминировать. Картинка мира становилась мозаичной.

Рабочий день в страховой компании проходил в нервной суете, в ходе которой компания должна была максимально обобщать своих клиентов. Руслан ловил себя на мысли, что ни на минуту не может остаться наедине с собой. На нем концентрировались десятки скептических взглядов его сослуживцев, и он находился под ними словно под прицелом ружья. Трезвонили телефоны, и по всем телефонам велся слащавый разговор, полный пустопорожних обещаний. Международная страховая компания была рада любой прибыли, для получения которой требовалось бы применить все мастерство персонала хитроумного психологического давления на клиента. Топ-менеджер, начальник Руслана, учил:

– Запомни, Рус! От трудов праведных не наживешь палат каменных! – Шакал не то присвистнул, не то закашлялся. – Главное для тебя – понять психологию клиента. Большинству хочется платить как можно меньше, а иметь с нас выгоду как можно больше. Ну и у компании примерно те же задачи, для того у нас и работает штат юристов, чтоб с деньгами не расставаться. Что в последний месяц самое эффективное, так это «метод салями».

– Метод салями? То есть речь идет о колбасе? – поинтересовался Руслан.

– Слухай сюда, Рус. Ты берешь пакет страховых услуг и пилишь его на кусочки, как колбасу на шматки. Делаешь эдакую нарезку страховых предложений – видел, небось, как в наши дни салями продают, нарезкой в вакуумной упаковке. Предлагаешь страховать что-то одно. За маленькие деньги. А потом начинаешь: как же так, может быть, клиент купит и другую услугу? И так постепенно набираешь пакет услуг, стараясь выйти на максимальную сумму. И клиент у тебя на крючке. А спустя пару месяцев информируешь, что, мол, с нового квартала года все, что было раньше, аннулируется, потому что компания сформировала новые принципы обслуживания клиентской базы...

– Пересмотр условий?

– Маленькая хитрость. Без этого в нашей работе не обойтись. Пойми, это же бизнес и ничего личного, как говорил персонаж «Крестного отца». Компания должна зарабатывать на человеческом страхе! Держи клиента на крючке. Цель оправдывает средства. Дави на психику, манипулируй! Подчеркивай, что мы работаем в интересах клиента. А вообще, прости за банальность, где ты в нашей жизни видел мораль да честность?! Этика, которой нас учат в вузах, – это вообще чепуха, с реальностью ничего не имеющая общего. Этика – это наука о лжи!

Работая в страховой фирме, Руслан чувствовал, что раздваивается на противоречащие друг другу социальные роли. В одном своем «я» он был нормальным человеком, любящим свою жену Риту, своих стареньких родителей: уже почти спившегося отца – дирижера военного оркестра и мать – работницу отдела качества парфюмерной фабрики. В другой роли он был циником, хитрой и бессердечной «акулой бизнеса», менеджером, смотрящим на людей лишь как на ходячие банковские счета.

– А ты просто дели людей на «своих», «чужих» и «врагов». Так легче бороться с угрызениями совести! – посмеиваясь, заметил наставник Карельского, топ-менеджер, с которым Руслан поделился своей нравственной «шизофренией».

Непросто давалось страховому агенту Карельскому соединение в душе разных ролей. На работе надо было убить в себе все человеческое, лучшие качества, что закладывали в него мать с отцом, – честность, порядочность, ответственность, любовь к людям. Вместо них следовало культивировать эгоизм, беспринципность, использовать человеческие беды для выкачивания денег. Это называлось бизнесом. Однако по-другому вырваться из круга бедности выпускнику престижного московского вуза не удавалось.

Циничная работа по обираловке клиентской базы, или, как шутили в офисе, «стрижке купонов», требовала чудовищного расхода нервов, который следовало чем-то компенсировать. И вот здесь Маргарита предложила Руслану всерьез задуматься о танцевальном спорте. Они и раньше выходили на паркет, но не всерьез. Танцевальный спорт был миром блеска и роскоши, конечно, со своими интригами и темными углами, но все же оставаясь при этом таким же прекрасным, как летнее солнце, на котором, как известно, также есть пятна.

Карельскому простое «хождение на тренировки» казалось скучным. Дух победителя и перфекциониста требовал от Руслана доказать (не столько окружающим, сколько самому себе), что он – супермен вроде тех, что изображены в голливудских фильмах: сильный, красивый, успешный. «Уж если быть, то первым» – этот слоган крутился в голове Карельского. И он размышлял о том, что же требуется для завоевания «золота».

Победы на конкурсах требовали незаурядной энергетики, упорства, а самое главное – постоянного мелькания на различных турнирах. В этом плане правила спорта походили на мир

шоу-бизнеса. Судьи высоко оценивали мастерство тех, кто постоянно мелькал на чемпионатах, чьи имена были на слуху. Ради этого следовало жертвовать множеством дел, и не только рабочих, но и семейных: некогда было сделать ремонт в квартире, собрать урожай на даче, не говоря уж о воспитании детей и ежедневной заботе о стариках родителях.

А каким же был коэффициент полезного действия при всех этих жертвах?

Никто не хочет ходить в неудачниках. Но Карельским не везло на зарубежных соревнованиях. И они всерьез задумались о том, какую же избрать стратегию, чтобы пробираться через тернии к звездам.

После пяти катастрофических проигрышей на британском Блэкпуле Руслан решил всерьез поговорить с Ритой. Он знал, что разговор будет для нее неприятным, ибо коснется ухода из студии Петра Павловича Пирожкова, фактически предательство друга семьи.

С хореографом Пирожковым Риту связывала особого рода давнишняя дружба, начавшаяся еще в те далекие советские времена, когда Пирожков преподавал «народный танец» во Доме пионеров и Рита была одной из самых любимых учениц. В лихие 90-е годы Пирожков неожиданно от ансамбля «Березка» переключился на бальные танцы. Теперь он учил своих учеников уже не отрывистому шагу в сапожках по третьей хореографической позиции, а скользящему шагу по шестой позиции в «тесном контакте с телом партнера». Дом пионеров с его почти бесплатными кружками канул в Лету, теперь Пирожков нанимал за солидную плату учеников-«бальников», арендуя помещение в одном из полудохлых в плане проката фильмов кинотеатров, по соседству с мебельным салоном и ателье по ремонту верхней одежды.

Рита оставалась одной из любимейших учениц Пирожкова, которая, впрочем, получала удовольствие от самих тренировок и не задумывалась даже о выходе на чемпионаты.

Постепенно у Риты, как у талантливого модельера и дизайнера одежды, сложилась своя клиентская база. Не было в студии Пирожкова ученицы, которая не шила бы у Риты Корсак свое бальное платье.

Но потом в жизни Риты Корсак произошли глобальные перемены. Она стала Маргаритой Карельской. И ее муж, Руслан Карельский, сразу же жестко обозначил свои приоритеты.

– Если танцевать, то только ради победы!

После упорного аутсайдерства на зарубежных чемпионатах Карельский объявил Рите за вечерним чаем:

– Я убежден: чтобы нас заметила судейская бригада, чтобы нам начали наконец-таки начислять призовые очки, нам, увы, придется менять тренера.

Идею расставания с Петром Павловичем Карельская восприняла с тревожной грустью. Пирожков был ее близким другом, а уход к «перспективному», как был убежден Руслан, тренеру Никите Борисоглебскому словно резал ножом по живому.

– Сентиментальность – это психология жертвы. Ты хочешь быть жертвой обстоятельств? Надеюсь, что нет. Не будь сопливой девочкой! Рита, выбирай: или твоя дружба с Петропалычем, или наша победа на конкурсе.

И тут Карельский себя ощутил неожиданно тот-менеджером страховой фирмы. Перед его внутренним взором поплыли крикливые плакаты страховой компании, зазвучал металлический голос шефа. «Цель оправдывает средства! – повторял незримый топ-менеджер Шакал громовым, как из репродуктора, голосом. – Кому сейчас легко? Велика честь, коли тебе нечего есть. Трудом праведным не наживешь палат каменных!»

Чай остывал на глазах. Сбивчиво, с трудом подбирая слова, но продолжая уверенно гнуть свою линию, Карельский говорил о том, что Петропалыч – отличный мужик, но не боец. Он простой хореограф из Дома пионеров. Ему бы и руководить дальше кружком танцев для школьников, куда ему лезть во взрослую жизнь с ее «камнедробильными» правилами игры, тем более в мир бального танца с его звериной конкуренцией?! Хотим мы того или нет, но с Петропалычем придется расстаться...

– Но это же предательство!

– Жизнь состоит из постоянных перемен. Все живое обязано двигаться. Отсутствие движения – символ омертвелости.

Далее Карельский начал рассуждать о том, что, не поменяй он профессию, не было бы ни у него, ни у Риты денег даже на тренировки. Занятия танцами не из дешевых!

Рита грустно молчала. Она не могла противоречить железной логике мужа, но всем его аргументам противоречила ее душа. Она чувствовала, что уход из студии Пирожкова будет им воспринят гораздо больше, чем просто уход любимой ученицы: он относился к Рите по-отечески, как к родной дочери.

Рита Корсак-Карельская молча смотрела в бурое зеркальце остывающего чая, словно надеясь там, как в магическом котле древней цивилизации майя, увидеть ответ на вопрос о том, что же делать.

Глава 3

Английская мечта

Черный «жук» с золотыми глазами притормозил, сворачивая с набережной на узкую улочку, мощенную булыжником и ведущую к Winter Garden. Под колесами автомобиля вместо ровного асфальта колыхались бугры брусчатки, машина качалась, словно катер на волнах. Водитель погасил золотые кругляши фар. Дальше следовало идти пешком. Подъехать прямо ко входу Winter Garden мешали огромные разноцветные валуны из прозрачного стекла, раскрашенного в нежные розовые, сиреневые, голубые и зеленоватые тона, словно разноцветные маленькие айсберги, и окружавшие маленькую католическую церковь. Этот импровизированный «сад камней» препятствовал движению автомобильного транспорта.

Полина и Владимир спешно достали зонты. Шофер помог Малинину выгрузить из багажника массивный кофр с фототехникой. Пока Малинин водружал его себе на плечи, словно альпинист перед восхождением, Полина расплатилась. Шофер галантно помахал своим пассажирам рукой аристократа в белой перчатке.

– Рекомендую заглянуть на фестиваль танца, – посоветовала Полина, отдавая шоферу голубую купюру с изображением Биг-Бена и профиля королевы.

– Окей. Как только появятся время и деньги.

Про деньги таксист упомянул не случайно. Ежедневный входной билет на фестиваль танца стоил столько же, сколько две бутылки превосходного шотландского виски Glen Moray 15-летней выдержки или же билет на скоростном поезде от Манчестера до Лондона. Так что же все-таки представлял собой этот фестиваль танца – соревнования, искусство или бизнес?

С крыши Winter Garden срывались потоки воды. Они обрушивались на брусчатку и взрывались маленькими фонтанчиками. Полина и Владимир метнулись как гончие псы, увидевшие лисицу, под металлический козырек, грохочущий от дождевых капель так, словно в Англии началась революция и по «Зимнему саду» выпускали пулеметные очереди.

Сотрудник службы охраны в серой униформе и белых перчатках, в фуражке с лакированным черным козырьком и черных блестящих лакированных сапогах решил проявить бдительность и запросил у Малинина и Бересклет аккредитацию на фестиваль. Неряшливо-мокрый, взмыленный Малинин, сгорбившийся под тяжестью многокилограммовой фотоаппаратуры, был совсем не похож на террориста, но его заставили рюкзак прогнать через ленту рентгена.

Winter Garden имеет свои внутренние правила, в чем легко убедиться, едва переступив порог. Оказавшись во Дворце танца, конечно, следует стащить с себя мокрые куртки, кофты, плащи, да и вообще всю верхнюю одежду. Даже если тепло, сухо и светит солнце, пальто и куртки вам помешают. Вы вступили в Зазеркалье, во Дворец ее величества Терпсихоры. Русский театральный деятель, режиссер К. Станиславский, говорил, что «театр начинается с вешалки». Театр британского танца, Winter Garden, с этим афоризмом, видимо, не знаком: несмотря на очевидный артистизм атмосферы, здесь нет ни гардероба, ни простых вешалок на входе. И это с предусмотрительностью англичан никак не вяжется!

Приходится верхнюю одежду сворачивать рулоном и убирать в дорожные сумки, чтобы не таскать ее в руках, или через плечо, напевая про себя «мы – цыгане!». Зато к дорожным сумкам и саквояжам относятся как к обязательному атрибуту, ведь в этих чемоданах и сумках участники Блэкпула возят свои костюмы, поэтому дорожный чемодан в ваших руках – такой же нормальный атрибут, как и яркий грим. Скажете, что это немного напоминает вокзал, что длинная оранжерея с пальмами и стеклянным потолком – своеобразное фойе Winter Garden и в самом деле напоминает лучшие британские вокзалы международного сообщения? Дело вкуса!

Вы проходите несколько метров вперед, оставляя за собой выставку-продажу танцевальных костюмов и билетную кассу, – и вот вы уже в большом павильоне под стеклянной крышей. Десятки пальм в аккуратных квадратных кадках, скользкий и блестящий как зеркало мраморный пол и аромат свежего кофе, доносящийся из кафе. Подняв глаза к потолку, невольно ожидаешь увидеть грозные перины облаков, обещающие обрушиться тоннами воды, но в стеклянном потолке не только нет грозового неба, но даже не слышно, как дождь барабанит по стеклам. Не видя и не слыша привычного мира, с которым так неожиданно утерян контакт, ты с замиранием сердца и холодком в груди чувствуешь, как...

Реальность закончилась!

Началось зазеркалье, параллельный мир, призрачное царство Терпсихоры и Мельпомены.

Здесь правят бал мелодия и ритм, чувства и эмоции, азарт борьбы, восторг от владения телом, от его мышечного тонуса, радость от пируэтов, прыжков и вращения – чувство неземного полета.

С застывших хрусталем фонтанчиков люстр стекали капли радуги. Они растекались на паркете крупными световыми пятнами. От полукруглой арки, под которой, видимо, должен был разместиться оркестр, исходило розовое свечение, словно призрачный огонь манил в таинственную пещеру. На зеркалах, окруживших зал, по всему его периметру вспыхивали и гасли, как призрачная золотая сеть огней, раскинутая у северного пирса Ирландского моря, разноцветные блики. Проектора выхватывали из полутьмы белоснежные колонны и золоченые капители с пышными коринфскими листьями и завитушками. Под потолком летали полноватые ангелы с пухлыми щечками и округлыми лебедиными крыльями. Яркий свет софитов выхватил одного из ангелов из причудливой игры теней, окрасил его крылья в золотисто-розовые, а затем в лиловые, сиреневые и голубые, словно дневное светило коснулось его своими лучами и затем скрылось за горизонтом.

Мерцающее голубое свечение разливалось под потолком, колонны окрасились в глубокий ультрамарин, лепнина на потолке отбрасывала темные сиреневые тени и казалась диковинными цветами, прибывшими в таинственный дворец зазеркалья из тропических джунглей.

Кобальтовые полосы света, сменяющиеся крупными лазоревыми пятнами, дрожащими в глубине зеркальных ниш, казались то струями невозможно бесшумной горной реки, то каплями остекленевшего водопада, а полукруглый подиум для оркестра, уходящий вглубь зала темной пещерой, казался пристанищем для невидимых нимф и эльфов. Золотой луч, упавший на голубой паркет, похожий на лед Байкала, рассыпался мозаикой солнечных зайчиков. В приближении ледостава знаменитое Сибирское озеро приобретает чудесный зеленовато-голубой свет, и этот лед прозрачен, как часовое стекло. Но откуда здесь, в Англии, столь странная аллюзия?

Паркет был пуст.

По сине-зеленому Блэкпульскому «льду» разбегались солнечные зайчики, словно кто-то щедро сыпал и швырял на паркет золотые монеты. Невидимые монетки сыпались откуда-то сверху и разлетались по углам зала, теряясь в темноте. В глубине трехъярусного чертога с хрустальными фонтанчиками люстр, ажурной лепниной барельефов зарождалась музыка. Нежная прозрачно-радостная, но с горькой, пронзительной ноткой румба окутывала зал шлейфом надежды, мольбы, страсти, нежности. В этом единственном танце латиноамериканской программы сердца исполнителей – сердца влюбленных должны были биться в унисон.

Музыка звучала для всех присутствующих, а не только лишь для участников соревнований, каждому, имевшему на себе профессиональные туфли, можно было выйти на паркет и потанцевать под звуки чарующей музыки. Находиться на паркете во время музыкальной паузы между отделениями можно сколь угодно долго. И совсем не нужно для этого напяливать дорогостоящий конкурсный костюм, достаточно лишь, чтобы на ваших ногах были именно туфли для спортивного танца – мягкие, чистые, не царапающие паркет.

Туфли – такой же инструмент для танцора, как скрипка для музыканта. Среди мастеров, создавших туфли для спортивного танца, были свои Гварнери, Страдивари, Амати – увы, безымянные. Танцевальная обувь обязана отвечать непростым требованиям. Она требует особо прочных материалов и конструктивных решений. Крепления для колодки спортивных туфель, обязанной выдерживать высокую ударную нагрузку, никогда не используются для бытовой обуви. Каблук, достигающий в латине высоты от 6 до 12 сантиметров и в среднем 5–7 сантиметров в «стандарте», не должен ломаться или отваливаться на пируэтах, вращениях или прыжках. Обувь должна обтягивать ногу как перчатка – руку, быть мягкой и удобной, но одновременно фиксировать шиколотку, или же пальцы и пятку, – не болтаться, не сваливаться от резких взмахов или ударов. Хорошие туфли – продолжение тела, они на ноге не ощущаются, словно их нет! Однако это воистину «туфли Золушки»: твоя походка, осанка, движения становятся королевскими, и ты уже не идешь, а летишь! Важна и особая выносливость этих туфель-«марафонцев»: несмотря на большую ударную нагрузку и работу на разрыв, туфли должны служить своему владельцу долгие месяцы и, даже потеряв внешний лоск, оставаться удобными и хорошими на тренировках. Скольжение по паркету как по льду (кое-какие элементы заимствованы у фигуристов), способность не оставлять царапины даже при прыжковой акробатике, ну и шик шелка, золота, серебра, перламутра, змеиной кожи... Вот неполный перечень технических задач, которые успешно решили Создатели танцевальных туфель – именно так их хочется назвать, с большой буквы.

Обувные дизайнеры, создавшие два базовых типа спортивной обуви для балльных танцев, а именно – лодочки для «стандарта» и босоножки для латины, ну это если мы говорим о Золушках (с туфлями для Принцев было попроще), достойны встать в один ряд с изобретателями воздушного шара, стиральной машины, мясорубки и спортивной байдарки – каноэ.

Выбрасывая танцевальную обувь, еще достаточно прочную, но уже потерявшую глянец, испытываешь те же чувства, которые должен испытывать владелец старенького автомобиля, верно и праведно накручивавшего сотни километров по воле своего владельца, – надежного, послушного, покладистого друга, с которым приходится расставаться, отправляя его по возрасту на металлолом. Если вы когда-либо серьезно занимались спортивными танцами, то, даже покинув конкурсный паркет, наверняка оставите в своем шкафу на память одну-две пары любимой обуви, так же как невесты сохраняют свои подвенечные платья.

Но довольно размышлять об этом! Вернемся к нашему фестивалю танца. На паркете разворачивалась нешуточная борьба. Кипели страсти за главный приз – кубок с химерами, напоминающий лотос, а может быть, более похожий на корону, предназначавшуюся для Принца и Принцессы бала. В энергетике танца, в его ритмах, вдохновении его мелодии и экспрессия передавалась залу – в этом была почти шаманская магия.

Невозможно было и войти в зал, и выйти из него одним и тем же человеком. Не имели значения уличная погода, день недели и список срочных дел. Возле раскаленного страстями паркета внешний мир не имел значения. Здесь была Своя Реальность – яркая, динамичная, чувственная.

Менялись танцевальные пары, звучали новые записи, и Карнавал, начавшийся рано утром, обещал растянуться до полуночи. От каждого захода судейская бригада беспристрастных английских джентльменов должна была оставить ровно половину. И так до тех пор, пока не останется шестерки сильнейших – финалистов, которые и сойдутся в борьбе за кубок, за этот странный лотос – корону с химерами.

Над паркетом взвились бойкие жизнерадостные ритмы бразильского карнавала. Было жарко и даже душно. Загорелые и совершенные в своей атлетической красоте тела, слегка прикрытые блестящими лоскутьями, бахромой и сверкающими пайетками, как чешуей, извивались в чувственном экстазе. Хотелось взять в руки веер, обмахиваться им, хотя это вряд ли спасло бы от тропического зноя. Вместе с нестерпимым ощущением белого раскаленного песка

и бескрайнего пляжа, на котором сверкали и кружили фантастические танцевальные пары, возникло ощущение параллельного мира. Это ощущение росло и крепло, и вот уже не осталось и малейших сомнений в том, что здесь, среди песчаных миражей, наполненных эротикой страсти и темперамента, и происходит настоящая жизнь, а вот та реальность, что поливает унылым дождем серые, заключенные в решетку строительных лесов стены «Зимнего сада», – это все мираж, вымысел.

Танцевальные туфельки способны совершить чудесные преобразования: ты чувствуешь, как в твоём теле и в душе происходят волшебные изменения, ты обретаешь энергию, молодость, красоту, уверенность в своих силах. И даже если надеты всего лишь танцевальные туфли, а платье – самое обыкновенное, хотя и нарядное, но не сценическое, не конкурсное, – всего несколько шагов по Блэкпульскому паркету, и ты волшебным образом превращаешься в совершенно другого человека.

Магия преображения «Зимнего сада» такова, что любой гадкий утенок, вступив на зеркало паркета, чувствует себя Прекрасным Лебедем. «Зимний сад» Блэкпула – мистический зал, где искривляются пространство и время. С улицы заходят обычные женщины, но внутри «Зимнего сада» они превращаются в Богинь, Фей, Принцесс и Принцев, Валькирий, Друидов, Русалок – одним словом, фольклорных и мифических существ с нечеловеческими сверхвозможностями.

Романтичные звуки румбы прекратились. Чертог Терпсихоры заискрился, как самоцветная шкатулка, и по белому мрамору золотыми рапирами скользнули лучи прожекторов. Выплыла из темноты галерея вычурных бордовых бархатных кресел, нисходящих амфитеатром к паркету. Первые ряды паркета постепенно заполнялись существами, напоминающими райских птичек, искрящихся, как живые драгоценные камни. Они «чистили перышки» возле паркета, стоя в узких проходах маленькими стайками. Райские птички отражались в зеркалах, идущих по периметру зала, так что весь «Зимний сад» казался уголком Эдема или тропических джунглей.

К ослепительным бело-золотым рапирам, выхватывающим из темноты дальние уголки амфитеатра, добавились малиновые и оранжевые всплески огней, и седовласый джентльмен с благородно состарившимся лицом и подтянутой осанкой, облаченный в старомодный черный фрак и белую манишку с черной бабочкой, торжественно объявил о продолжении турнира в номинации «Латиноамериканские танцы». К розово-золотому гроту подходили судьи, в чьих руках находились судьбы целых сотен спортсменов. Тяжкий жребий – дать шанс одному, лишив шанса на победу другого! Нелегко быть богом, врачом, судьей спортивного турнира. Одному даровать жизнь, а другому – смерть.

Честное соревнование? Лотерея? Отчасти. В Блэкпул прилетают сильнейшие пары, техническое мастерство которых примерно одного уровня. Как же решить, кто самый достойный? Как выбрать лучшего из лучших?

Здесь и начинается «чисто английский стиль»! Вот где обнаруживается уникальность Блэкпульского турнира. Как в 1931 году, когда на берегу Ирландского моря прошел первый чемпионат по спортивному танцу, так и в наши дни чопорные англичане стараются соблюдать те же самые правила, сложившиеся в первой трети прошлого столетия. Одно из этих правил гласит, что Блэкпульский танцевальный турнир является уникальным фестивалем, созданным в Великобритании и для британцев!

Закрытость культурного пространства? Именно! Формально в Блэкпуле участвовать могут любые пары со всего мира. Но оценивать их будут только британцы! Забавно, что подать заявку на участие в турнире ты можешь независимо от того, какая у тебя квалификация – «зондер» или всего лишь D-класс. Просто заплати вовремя взнос и купи авиабилеты. Открытость! А вот выиграть Блэкпул шансов нет почти ни у кого, кроме тех, кто, приехав сюда, будет

танцевать не так, как на любом другом турнире, а именно по-блэкпульски. Вот уже почти как целое столетие Блэкпульский чемпионат судят лишь англичане.

Желающих принять участие в танцевальных соревнованиях на берегу моря с каждым годом становилось все больше. Уже в середине XX столетия на Ирландском побережье появились танцоры из Италии, Германии, Нидерландов, Австралии, Японии. А судейство осталось прежним, вердикт мастерству выносили только британцы. Судейская коллегия оценивала экспрессию итальянцев, педантизм немцев, игривость французов именно со своей колокольни. Так появился уникальный чемпионат «в чисто английском стиле». Что же собой представляет этот стиль и как ему соответствовать?! Рассказать невозможно, это нужно видеть и чувствовать.

Блэкпульский чемпионат – волшебный маяк на побережье Ирландского моря. На паркете «Зимнего сада» каждый чувствует свой вектор для развития и роста, для движения навстречу мечте.

Чувство перспективы – бесценно.

Перед прозрачно-розовым гротом появилось несколько мужчин в черных фраках и галстуках-бабочках, с алыми папками в руках с вложенными внутрь списками участников. В руках этих чопорных джентльменов – судьбы участников турнира.

Паркет заполнился соревнующимися парами, словно восточный шах небрежно швырнул ворох пестрых лоскутов и пригоршни сверкающих самоцветов. Зажигательная мелодия самбы привела танцоров в движение, они, как пестрые бабочки или, быть может, как осенние листья, подхваченные порывом ветра, закружились над паркетом.

Объявили перерыв. Сменилась судейская бригада. На паркет вышли новые пары, усыпанные драгоценностями не менее богато, чем предыдущие. Танцоры выходили группами, номера пар громко объявляли в микрофон. Здесь и обнаружилось то, что можно было бы назвать английской мечтой.

Если в Западном полушарии привыкли рассуждать об американской мечте (чтобы разбогатеть), а в Восточном – процветает французская мечта (прославиться), то в Блэкпуле можно было бы говорить об английской мечте. Подобная метафора обозначала бы силу, упорство, целеустремленность человеческого характера. В России есть фольклорная история про Ивана-дурака, сына безграмотного крестьянина, ставшего после ряда испытаний и подвигов царем. Есть фольклорный сказ о Емеле-дураке, который лениво лежал себе полеживал на печи, а ему во всем помогала волшебная щука. В русских сказках герой добивается успеха непременно при помощи помощников, обладающих нечеловеческой силой, прозорливостью, способностью летать по воздуху и прочими фантастическими ресурсами. Это и верный конь вороной, и серый волк, и златогривая кобылица, мудрый ворон, леший, царь Берендей, Баба-яга, ну и прочие жители сказочного мира.

Парадоксальное русское сознание соединяет в себе восхищение с презрением и склонно оценивать собственные сказки как «из грязи – в князи». Откуда это, как не от зависти и веры в случайность успеха?

Британский снобизм гораздо лояльнее относится к победителям в жизни. Никто «из грязи» не способен случайно оказаться на вершине Блэкпульского чемпионата. Да и люди, прилетевшие на Блэкпул, так или иначе нашли свои собственные рецепты победы над обстоятельствами. Это были особые люди, от чемпионов до репортеров, строчивших о них газетные заметки.

В перерыве Полина Бересклет решила прогуляться в фойе, где была развернута большая выставка. Чего только здесь не было: платья, танцевальные туфельки, музыкальные диски! На одном из стендов работала команда стилисток под руководством бизнес-леди Галки Ческовой. На другом стенде, аккуратно напротив мобильной парикмахерской, располагалось «мобильное фотоателье», представленное болгарским предпринимателем Каменом Сакаджиевым и его

помощниками, двумя фотографами – Степаном Зайцевым и Владимиром Малининым. Вся фотосъемка в оперативном режиме сбрасывалась на компьютеры, и тут же с принтера могли быть распечатаны понравившиеся фотографии.

Полина шла в направлении стенда фотографов. Сакаджиев, издали ее приметив, приветливо замахал рукой:

– Ура! На Блэкпул прибыл журнал «Паркет» в лице Полины Бересклет! Всем привет! О, даже в рифму получилось.

– Добрый день, Камен. Как идет работа?

– Солнце еще не появилось, а уж мы все вспотели. Кстати, только в конце работы подчас оказывается, с чего ее надо было начинать. Вам такое ощущение не знакомо?

– Еще как, Камен, еще как! Лишь завершив статью в журнал, нередко понимаешь, что акценты можно было расставить совершенно по-другому. Хоть переписывай заново! Пока материал детально не проработан, не пропущен через руки, самое главное способно ускользнуть от твоего взгляда. Глазами-то ты многое видишь, но осмысление материала приходит лишь в то время, когда его пропускаешь через клавиатуру компьютера. Вообще, глаз – барин, а рука – чернорабочий, доверять в нашем труде надо прежде всего рукам.

– Лично я привык доверять скорее мозгам, но это, видимо, уже дело вкуса. Шутка. Но ваша мысль мне понятна, недаром же кто-то из поэтов сказал «и это все в меня запало, и лишь затем во мне очнулось». Вы на Блэкпуле впервые? Значит, видите этот мир поверхностно, через кубки, очки, костюмы, золотые туфельки, решения жюри, блески, фраки, дирижерскую палочку, музыкальные композиции. Все это шелуха, Полина, это обертка, которую вы обязаны снять с конфеты.

– Но от меня всего-навсего требуется репортаж в журнал о победителях турнира, с уточнением их квалификационных рейтингов.

– Чепуха! Умейте зреть в корень, как говорил Козьма Прутков. Чем ваш формальный репортаж будет отличаться от сотни других подобных? Лишь фамилией чемпионов? И моей фотоиллюстрацией, запечатлевшей их счастливые лица? Полина, мы здесь не для этого!

– Вот как? А я думала, что именно в этом и состоит профессиональная работа репортера.

– Репортера – да. Но приехать на Блэкпул лишь в качестве репортера, ради формального материала в сотню строк глупо. Мне отлично знакомо это прокрустово ложе журналистики – надкусить яблоко, толком не распробовать и выбросить! Не настраивайте себя на скучный репортаж, лишь со списком фамилий победителей. Жизнь так устроена, что в ней невозможно только «парить над паркетом». Есть и обратная сторона парения, есть обратная сторона золотой медали, о которой вы и слышать не хотите.

– Обратная сторона золотой медали? Сплетни, козни, интриги?

– Нет, конечно. Обратная сторона медали – это воля. А также, не удивляйтесь, – интеллект. Я много лет подряд работаю на Блэкпуле и подскажу вам, к чему надо присматриваться.

– Должно быть, к британскому юмору?

– Этого с избытком найдете в любом путеводителе. Уникальность этого города в другом. Присматривайтесь к живым людям! К типажам. К индивидуальностям. Поверьте, здесь нет случайных людей. В этом дворце Терпсихоры собрались абсолютно уникальные личности! И каждый способен вам подарить свой рецепт победы над обстоятельствами.

– Мы на вершине спортивной Джомолунгмы?

– Мы на вершине, взойти на которую дано не каждому. Когда будете писать свою статью в «Паркет», ничего не выдумывайте. Просто будьте предельно наблюдательны и работайте по натуре, пером реалиста.

– Благодарю за дельный совет, Камен.

– Жизненные трудности есть у всех нас, не так ли? Но подлинного успеха добивается лишь тот, кто не ломается под их гнетом. Спортсмены говорят, что золотую медаль завоевы-

вает не тот, кто научился избегать падения, а кто способен вставать на ноги всякий раз после падения. Кстати, вы знаете, что означает моя фамилия?

– Сакаджиев? Нет. Она ведь болгарская, а я не владею этим языком.

– Верно. Сакаджиев – старинная болгарская фамилия. У нас немало людей на черноморском побережье, которые ее носят. Фамилия Сакаджиев в переводе на русский язык означает «водонос». Это не профессиональный и социальный статус, как вы думаете. Это символ. Если вы когда-нибудь приедете в Софию или же в Варну, то непременно увидите в туристических лавочках сувениры. Вы увидите водоноса. Мужчину из желтой латуни или красной бронзы...

– Но какое отношение этот болгарский сувенир... А, понимаю, и ваша биография – не исключение из правила, то есть действующего здесь отбора человеческого материала!

– Так вот. Вы увидите мужчину в высоком, как у английского лорда, цилиндре на голове, в жилете, напоминающем гусарский доломан для верховой езды, застегнутом на большие блестящие пуговицы. Он держит на своих плечах перекладину – прямую, как шест или гриф у штанги. Вы же в курсе, что в Болгарии русские коромысла никогда не использовались?

– Неужели?!

– Да и ведра для колодцев делали другой формы, напоминающие маленькие бочки. Так вот, с шеста спускаются два каната – толстые, вроде тех, какими привязывают корабли к швартовочным тумбам. И к этим канатам цепляются ведра, похожие на деревянные бочки, в которых у русских принято солить огурцы или капусту. Здоровенные деревянные ведрища, собранные из дубовых пластин, стянутые железными обручами! Каково?! А над всем этим – собранное, сосредоточенное, мыслящее лицо, гордо поставленная голова, украшенная цилиндром. Как вам?

– Контраст цилиндра, доломана и... бочкообразных ведер уже впечатляет.

– Символ нашей фамилии. Сакаджиев – значит «водонос». Вот так-то! Но это одновременно и символ успеха. Водонос – символ силы характера, упрямства, воли, настойчивости, способности преодолевать трудности. Каждый из нас в своей жизни несет тяжелые бочки с водой. И мы должны нести свой груз так, чтобы с нас не слетел цилиндр.

– Красиво и неожиданно. Водонос с лицом английского лорда?

– Поверьте мне, что всякий участник Блэкпула, от простого спортсмена до общественных деятелей, вошедших в его оргкомитет, могут считать нашего болгарского водоноса своим личным талисманом. Ну, вообще, если захотите выпить чашечку кофе и еще что-нибудь узнать любопытное, дайте знать. Я сегодня буду на выставке допоздна.

Блэкпульский паркет, даже при громадном отсеке с первого же тура, необычайно перспективен! Легендарный паркет заряжает бодростью, вдохновением и куражом, и этого хватает надолго, чтобы преодолеть рутину изнурительных тренировок. И на все прочие соревнования пара, прошедшая «крещение Блэкпулом», выходит намного лучше подготовленной, в качественно ином настроении и состоянии духа.

Выход на паркет «Зимнего сада» меняет человека, дает высокую самооценку и вдохновение, даже если до завоевания кубка – короны с химерами так же далеко, как до Луны.

Объявили перерыв, и под чарующую романтику кубинской румбы паркет превратился в зеленовато-голубое озеро с мерцающим льдом. Во время этой паузы между заходами на паркет выбежали дети, совсем маленькие, лет четырех-пяти. Они, ничего еще не понимая в происходящем, начали играть, с хохотом бегать друг за дружкой, и никто их не вытаскивал с волшебного аквамаринового пространства, хотя на их крошечных ножках были не танцевальные туфельки, а обычные.

Вновь вспыхнул слепящий белый свет, и байкальский зеленоватый лед внезапно стал пшеничным полем, выгоревшим от солнца. Вновь вышли на середину паркета чопорные джентльмены во фраках и белых манишках, и один из них, самый важный, с сединой в висках и в очках с почти невидимой оправой, объявил в микрофон о новом туре в латине.

Со всех сторон света потекли ручьи блесков, страз, пайеток, бисера, стекляруса. Худощавые мужчины в черных открытых костюмах сопровождали своих дам, одетых (а вернее – раздетых) по последней танцевальной моде. Но чудеса! Богато разодетые, с уверенностью и статью в осанке, танцоры двигались... словно пенсионеры! Да! В этом-то и проявилась уникальность Блэкпульского турнира. Открытость для всех желающих! Блэкпул дарит каждому участнику шанс выступить как минимум чуть лучше, чем в прошлом году. Судейские решения и завоеванные очки обрабатываются в компьютере, и так каждая пара получает в таблице соревнований свой рейтинговый номер.

Безусловно, кубок с химерами достается Живым Легендам, спортсменам с мировым именем. Но паркет открыт для всех, у кого на ногах танцевальные туфли! Потому и длится фестиваль целых две недели, а паркет занят почти круглосуточно соревнующимися парами. Ночная передышка между раундами столь же коротка, как и сама ночь в это время – белых ночей.

Неторопливые движения мужчин с проседью в висках, ярко раскрашенные дамы, в движениях которых больше неги, чем страсти, вызывали изумление. Поймете ли вы, зачем они летят на берег Туманного Альбиона из Австрии и Австралии, из Бельгии и Германии, из Японии и Соединенных Штатов, из Швеции и Китая? Неужто лишь для того, чтобы станцевать пять танцев? Но ведь недаром же Айседора Дункан сказала, что «тело танцора – это светящееся проявление его души». Значит, душа требовала!

На выступлении латинистов в возрастной категории «за 50» в зале собралось совсем немного зрителей. Первые ряды заняты самими же участниками, только из других заходов. Но выходявшие на паркет выкладывались так, как если бы в зале был аншлаг. Спортивный танец – это не театр. Он способен существовать и в полупустом зале. В этом отличие бальных танцев, например, от балета. Профессионалы танцуют ради азарта спортивной борьбы, медалей и кубков. А те, кто не может мечтать о наградах? Опять-таки, ради азарта спортивной борьбы! Только в этом случае ты соревнуешься со своими собственными достижениями.

Победа над собой не менее великолепна, чем медаль из ювелирного сплава, покрытого золотым напылением. Недаром же кто-то из выдающихся спортсменов сказал: «Я не стараюсь быть лучше всех. Я стараюсь быть лучше самого себя».

Глава 4

Искусству – искусственное, жизни – жизненное

Дождь неистово бил по крышам домов, по брусчатке площади, окружавшей зачехленный в леса Winter Garden. Струйки воды текли вдоль тротуаров, сливались в мощный грязевой поток, несущийся вдоль набережной. Морских птиц не было видно, даже серебристые чайки куда-то попрятались от непогоды. Сизые комья облаков бороздили небо. Напористый ливень не давал ни малейшей возможности прогуляться по городу в поисках наилучшего кафе или ресторанчика, чтобы пообедать. До ближайшего «чисто английского» сетевого кафе, этаким закусочной быстрого питания под логотипом Fish and Chips, то есть «рыба и картофельные ломтики», от танцевального дворца было не менее трех кварталов.

Английская забегаловка, рассеявшаяся по всей территории Великобритании как сеть кафешек Fish and Chips, заслуживает отдельного комментария. Это совершенно особый кулинарный проект, в котором сразу же проявляется островная специфика Великобритании – близость моря. Блюда с рыбой, чаще всего – рыбным филе в кляре или рыбными палочками в сухарях, подаются в этой закусочной вместе с чипсами, которыми являются отнюдь не привычные нам тончайшие, светящиеся ломтики зажаренного в масле картофеля, а довольно крупно порезанные на серповидные – «апельсиновые» дольки ломти картошки, называющиеся в русском эквиваленте картошкой по-деревенски. Помимо национальной «рыбы с картошкой» вам предложат в этом заведении огромные многоярусные бургеры с котлеткой и листиками шпината, проколотые деревянной булавкой, напоминающей деревянную шпильку для волос средневековых красавиц. К выбранному блюду вам принесут белоснежный чайничек и пакет черного чая на блюдце. Здесь принят крупнолистовой чай, а он неудобен тем, что застревает в носике чайника. В некоторых кафе листовой чай подается вместе с заварочным ситечком или металлическим фильтром. И почти везде к черному чаю подают молоко. Даже если клиент молоко и не заказывал, его могут принести на подносе как сама собой разумеющаяся добавка к черному чаю. Во всех английских национальных кафе молоко и сливки в пластмассовых ванночках можно взять возле кассы, точно так же как в американском Макдоналдсе возле кассы можно набрать трубочек с сахаром – белым или бурым.

Немного устав и сильно проголодавшись, репортерша «Паркета» решила, переобувшись в уличную обувь, пойти куда-нибудь пообедать и заодно подышать свежим морским воздухом перед вечерними раундами. Но не тут-то было! Дождь шел сплошной стеной, противостоять стихии можно было, разве что надев высоченные резиновые ботфорты и охотничий плащ. Стоит ли говорить о том, что у Полины с собой был лишь маленький зонтик, вооружившись которым ей удалось перебраться на противоположную сторону улицы, почти не замочив делового костюма. Озера из луж, нарастающие вокруг Winter Garden, ограничили все прочие перемещения. Куда деваться?

Как раз напротив входа в «Зимний сад» располагалась итальянская пиццерия «Донна» с широким крыльцом под большим козырьком и с огромными стеклянными дверями на фотоэлементах. Самое ближайшее место от Winter Garden, где можно было спастись от дождя. Внутри «Донны» оказалось прохладно, настолько, что многие посетители не рискнули снять с себя куртки. По светлому залу с огромными витражными окнами и круглыми столиками, сервированными по стандарту европейского ресторана, гулял сквозняк. На каждом из столиков стоял ярко-красный набор специй: мельница с солью и мельница с перцем. Дизайн столиков дополняли голубые стеклянные вазочки с герберами солнечных оттенков и бокалы из богемского стекла на длинных ножках. Холодрыга в итальянской пиццерии разительно контрастировала с жарой Блэкпульского паркета.

Цены в «Донне» не выдерживали никакой критики! Быть может, владельцы кафе хотели тем самым сказать, что настоящая пицца – это не дешевый фастфуд, а целое кулинарное искусство?! Или же они просто отличались непомерной алчностью? Так или иначе, но владельцы «Донны» активно пользовались местоположением своего заведения: центр города, пара сотен шагов до главной достопримечательности – Блэкпульской башни и всего полусотни шагов до «Зимнего сада».

И поскольку небесная канцелярия решила обрушить на Блэкпул в первые же дни танцевального фестиваля годовой запас дождевой влаги, то возможность выбирать среди кафе заведение с более адекватными ценами напрочь отсутствовала. Итальянская пиццерия «Донна» заполнялась на глазах. В нее стремительно заходили все новые пары спортсменов, уже успевшие переодеться в привычные черные джинсы и футболки, однако еще не снявшие со своих лиц яркого танцевального грима, превращавшего их в подобие африканских масок.

Официанты и администраторы «Донны» не удивились нашествию людей-«апельсинок». Девушки в белоснежных накрахмаленных передниках не изумились посетителям с жесткими волнами крепко залитых лаком волос, усыпанных стразами и блестками, и уверенно подходили к ним с блокнотом в руках, готовые записать заказ. Впрочем, даже без макияжа спортсмена всегда можно различить в толпе по безупречной осанке, холеным рукам, аккуратной стрижке, худощавому телу, энергичным телодвижениям. Для девушек-танцовщиц характерной чертой являются длинные волосы, собранные в хвост, самая удобная прическа для тренировок. Вспомните балерин, и вы увидите такую же закономерность: все они, включая и легендарную Майю Плисецкую, на фотосессиях в костюмах и платьях от Пьера Карден – «без прически», в бытовом смысле слова. Чем проще стрижка, тем легче будет эти волосы уложить стилисту в «паркетную» прическу, которая украсит голову, а главное – не будет мешать во время движений. Именно поэтому идеальный вариант стрижки – конский хвост без челки.

Полина выбрала столик у входа в кафе – едва ли не единственный свободный во всем просторном и светлом зале. Со стороны улицы тянуло сквозняком и сырьем, но куда деваться при полном аншлаге? Стайка размазанных танцоров говорливыми пичугами заполнила остальные столики. Полина скучающе взяла правой рукой стеклянную вазочку, покрутила ее в пальцах, словно собираясь погадать на гербере – этой гигантской ромашке. Репортерша ждала официантку.

Женщина средних лет, со слегка отекившим лицом, без косметики, с черными как смоль волосами до плеч и в черной же кожаной куртке, едва переступив порог пиццерии, сразу же узнала Полину и обрадовано направилась к ее столику.

– Приветик! Присесть рядом можно или место занято?

– Присаживайся, Галка! Как шутит мой друг-адвокат, «пока присаживайтесь, садиться потом будем».

– Отлично. Я голодна как волчица. Готова проглотить пиццу с томатами. С утра на одном кофе. Заказов полно. «Высокий стиль» сегодня в моде! Конвейер! Сейчас хоть перерыв объявили. Отдышаться можно!

– Какие вы, модистки, капризные! И мало заказов – плохо, и много – плохо. То денег не заработать, то поесть некогда.

– Точно! Нет ничего в мире идеального. Ага. Есть деньги – нет любви, есть любовь – нет денег. Так? Эй, официант! Ну, пить за Дона Педро будем, а? Как там в песне поется? «Любовь и бедность навсегда меня поймали в сети. По мне и бедность не беда, не будь любви на свете».

– Томатным соком чокнуться можно... Это ж пиццерия.

– Это настоящая пиццерия ресторанного класса. Думаешь, здесь на каждом столике бокалы стоят просто так – для красоты? – Галина постучала длинным бронзовым ногтем о край бокала. – Богемское стекло!

– Думаю, что бокалы просто для шика. Чтобы цены задрать в меню. Пицца по цене стейка из мраморной телятины.

– Так ведь здесь пиццу прямо при тебе выпекают. В твоём присутствии делают тесто и кладут туда начинку, какую пожелаешь. Ветчина, сыр, помидоры, грибы – в любом сочетании. Штучная работа! И бокал хорошего вина не помешает. Лично я предпочитаю терпкое итальянское Nebbiolo («Неббиоло»).

– Не – что?

– Неб-би-о-ло! Неужто не слышала? В переводе на русский означает «туман». Это легендарное итальянское вино, в нем много полезных танинов. Виноградники для Nebbiolo возделывают в горах, и рано утром можно наблюдать, как они вырисовываются среди гор, покрытых туманом. Красота!

– Горы в тумане прекрасны! И неслучайно это популярный сюжет в японской живописи тушью по рисовой бумаге...

Подошла официантка и протянула гостям папки с меню в темно-вишневых кожаных обложках. Помимо пиццы всех сортов и оттенков в меню были салат «Цезарь» за 12 фунтов, булочки с сыром по 6 фунтов и картошка фри за 10 фунтов. Это было чересчур! За 10 фунтов можно прилично одеться в «Примарке», не говоря уж о благотворительных заведениях, где за фунт можно купить эффектный шарфик, а рубашку или кофту – всего за 5 фунтов! Даже в магазине типа «Сансберри» вы сможете купить за 10 фунтов три пачки прекрасного ирландского или шотландского чая по сотне пакетиков в картонной коробке. На ту же сумму в 10 фунтов можно взять бутылку простенького материкового вина или пять литровых бутылок кефира либо три бутылки молока, десять пшеничных булочек или пять батонов зернового хлеба, семь шоколадок «Кэнберри». Можно купить две продуктовые хозяйственные сумки-корзины из плотной ткани или четыре складывающихся вручную зонтика. 10 фунтов стоит трехсотграммовая фляга с шотландским виски, на которой изображены олень или перепелка, пять литровых ванночек с ванильным или клубничным мороженым. Нет, 10 фунтов за котлетку в сухарях с картошкой – нонсенс! Не говоря уж о салатиках и обо всем остальном... Но куда ж деваться от этого ливня, как не искать спасения в «Донне»?! В отличие от Полины, старающейся не переплачивать, Галка решила ни в чем себе не отказывать. Бокал рубинового Nebbiolo развязал стилистке язык.

– Ты слыхала? Мирослав-то с Дашкой разводится! Seriously! Туда ему и дорога! Семейный очаг дал трещину! И в его реставрации клей и цемент не помогут!

Галке Чесноковой, руководительнице студии причесок «Высокий стиль», несмотря на голод, не терпелось поделиться свежими сплетнями танцевального бомонда. Подглядывать в замочную скважину за звездами ей, кажется, нравилось даже больше, чем поглощать пиццу с томатами. Это о таких, как она, говорили «любит рассуждать о том, что нравится, но происходит с теми людьми, которые не нравятся».

О разводе Мирослава Нагорного – председателя Лиги спортивного бального танца Международного комитета по неолимпийским видам спорта и президента ЗАО «Вальс» и его молодой супруги, танцовщицы Дарьи Сибиряковой, пересуды ходили давно. И каждый раз слухи оказывались сильно преувеличены. Но Галка Чеснокова рассуждала о неизбежности судебного процесса так настырно, что Полина фыркнула от смеха. В слегка покрасневших глазах Чесноковой читались и злорадство, и убежденность в том, что именно так все и будет, как она накаркала.

– Милые бранятся – только тешатся! – Полина сдержанно реагировала на сенсационную новость. – Мирослав и Даша прожили вместе десятилетие, если не больше. Когда у людей общий дом и дети, когда они столько лет вместе...

Галка откинулась назад, кожаная куртка едва слышно скрипнула. Теперь в красноватых глазах Чесноковой, парадоксально лишенных туши, теней, подводок и прочей косметики, чита-

лась гордость журналиста, проводящего расследование, насобачившегося оценивать и сортировать информацию сарафанного радио.

– Тебе кажется, а я знаю. Общий дом? Чепуха! Они же не колхозники или хуторяне, чтоб за дом как за сокровище цепляться. Другой типаж, характер, мозги, понимаешь? Это на селе бабы за дом да подол держатся, воспитывают в нем несколько поколений детей. И все там они одним коллективом, колхозом, табором живут под одной крышей. Целыми семьями в одном доме... Помнишь, у Шолохова, в «Тихом Доне», была такая древняя, вечно битая мужем, с мозолистыми растрескавшимися руками, хранительница очага...

– Ильинична?

– Точно. А наша-то Даша Сибирякова смеется над такими, как эта Ильинична. Мол, ну и дура была та казачка, жизнь свою в унитаз спустила.

– Разве можно так сравнивать? Танцевальный спорт имеет так же мало общего с деревенской, хуторской жизнью, как корова с полетами в космос. Даша Сибирякова совершенно не похожа на литературных героинь.

– Ага. Прошлый век! В деревенской прозе – бабы, а не женщины. Они ставили себя после дома. А в современном мире все наоборот! Если в русском селе дом переходил от одного поколения к другому, то сегодня, напротив, один и тот же человек или же семья за жизнь меняет несколько домов. Почувствуй разницу!

– Ты бы соблюдала приличия, Галка, в оценках.

– Ха! Я что, юродивая?! Вон Дашка-то, краса наша сибирская, оказалась девчонка не промах. Хапнуть загородный белокаменный дворец Нагорного – завидная мечта! Продашь с умом – на всю жизнь хватит. При разводе Даша домишко-то оттяпает! Как пить дать. Да и продаст.

– А может, постарается для детей сохранить.

– А на фига козе баян?! Сибирякова уже наняла адвоката, начала суд против мужа, чтобы хапнуть особняк. Дашка не пойдет на уступки, у нее жесткий характер. Овчинка стоит выделки!.. Это вам не казачья хата за гнилым забором – неликвид, а особняк из белого мрамора! Колоссальные деньжищи! И Дашка будет бить своего противника, своего бывшего муженька, до полного изнеможения, до инфаркта с инсультом, пока тот лапки не протянет!

– Из-за дома? В котором они десять лет прожили вместе? В котором они начали воспитывать детей? Неужели ей хватит совести?!

– Это вопрос ресурсов, а не совести. Не будь наивной, Поля. Утопить мужа в суде, ага! Слушай, итальянское Nebbiolo – великолепно. Рекомендую!

На серебристом подносе прибыла горячая дымящаяся пицца, Галка энергично взялась за нее, нимало не заботясь о своей фигуре. От огромного, с бурыми пузырями по краям, пшеничного блина, из которого выглядывали помидоры, залитые сыром, шел аппетитный аромат. Галка посыпала пиццу перцем из красной мельницы и принялась ловко орудовать ножом и вилок.

– У Мирослава и Дарьи были прекрасные отношения. Иначе бы они так долго не смогли прожить вместе.

– Были да сплыли! Эта паршивая лицедейка вцепилась в Мирослава как драная кошка! Небось, не будь он президентом «Вальса», у нее не возникло бы подобной прыти. Ты «Дядюшкин сон» Достоевского читала? А «Бешеные деньги» Островского? Это же про наш век! Мы помним, как Дашка прибыла из своей дремучей Сибири, чтобы завоевывать всеми правдами и неправдами Москву. И у нее тогда хватило и хитрости, а теперь – хватит подлости.

– Без любви Мирослав не записал бы на Дарью свой дом. Он же далеко не дурак! Возглавляет Лигу танцевального спорта в Международном комитете.

– Многие так думали. Оказалось, что любовь – продукт скоропортящийся. Такая вот любовь – фальшивая. Если бы Дарья познакомилась с Мирославом лет тридцать назад, когда он

был сам танцором, а не президентом «Вальса», она бы прошла мимо, не видя в упор. Уверяю. И даже на чемпионские медали не взглянула бы. Дашка влюбилась в его банковский счет, а не в него самого.

– Но познакомились-то они в Комитете по неолимпийским видам спорта.

– Где Дашка работала секретуткой!

– Никак не пойму, Галка, ты Даше завидуешь или восхищаешься?

– Да какая зависть? Во мне кипит возмущение! Я рвусь к борьбе за справедливость в этом несправедливом мире!

Подошла официантка в кружевном белом фартуке и принесла высоченный хрустальный фужер, наполненный томатным соком с мякотью. Края фужера украшали кружки лимона.

Люди завистливы чужому счастью! Когда оно рушится, злорадству нет предела. Но почти никто не может ни перенять чужой опыт, ни подобрать к счастью ключи самостоятельно. Наблюдатели лишь выжидают с терпеливостью самурая, «сидящего на берегу реки в ожидании момента, когда по реке приплывет труп твоего врага», когда же чужое завидное счастье рухнет.

Сам факт того, что многолетний союз Мирослава и Дарьи разлетелся вдребезги, как расколотый грецкий орех, казался невероятным. Что могло сыграть роль молотка, разбившего орех, какие обстоятельства? А может быть, «крепкий орешек» лопнул от внутренней гнили? От долго, но верно делавшего свое дело червяка-древоточца, и, лопнув, этот внешне прекрасный орех оказался пустым?

Союз Мирослава Нагорного и Дарьи Сибиряковой многим казался единой сильной командой, неуязвимым морским экипажем, который уверенно ведет корабль семейного счастья вопреки всем штормам через бескрайний океан жизни. Экипаж из нескольких сильных моряков всегда сильнее моряка-одиночки. А ежели вдруг в открытом море оказалось, что члены экипажа совсем не те, за кого себя выдавали на берегу?..

Принесли белоснежный чайник с черным горячим чаем. От чайника шел терпкий аромат бергамота. Полина разлила чай по двум маленьким чашкам. Согревшись, Чеснокова стянула с себя черную кожаную куртку и повесила ее на спинку стула. Глядя на довольную собой и обедом Чеснокову, Полина, сощутив глаза, пыталась ответить на вопрос, что способно по-настоящему связывать людей, что создает не только прочные, но и счастливые союзы? Принято считать, что дом и дети обеспечивают крепкие семьи. И вот сейчас одна из самых ярких семей танцевального мира рушится, несмотря на общий дом и детей!

История звездного дуэта Мирослава и Дарьи многим казалась предсказуемой. В самом деле, много ли мы знаем разновозрастных счастливых пар? Из современников – кинодуэт белорусской актрисы и кулинара Юлии Высоцкой и режиссера Андрона Кончаловского с разницей в возрасте в 36 лет. Из исторических примеров – Чарли Чаплин и Уна О'Нил, дочь знаменитого кинодраматурга и экс-актриса, кстати, моложе Чаплина тоже на 36 лет и родившая ему восьмерых детей.

Кого мы вспомним еще? Похоже, что сама фортуна противится тому, чтобы семья создавалась не как дуэт равных друг другу личностей, пары для воспитания детей, а как некий мезальянс, союз между мужем-«отцом» и женой-«дочкой». Впрочем, если мы посмотрим на те разновозрастные союзы, что выдержали испытание временем, то увидим, что на их долю выпали испытания совсем не меньшие, чем достаются партнерам равного возраста. Союз Юли Высоцкой и Андрона Кончаловского выдержал даже испытание автокатастрофой во Франции, по вине Андрона, в результате которой их дочь оказалась в многолетней искусственной коме. В большинстве же семей, напротив, испытания разрывают семейные связи. Если нет эмоциональной привязанности, уважения к другому человеку, боязни его потерять, то оказывается, что одному идти в гору гораздо легче, чем тащить на страховке больного или слабого партнера.

И все-таки логикой не обойтись там, где многое подчинено тайне. Общие ценности, общение на одном языке, темперамент, не раздражающий партнера, и лидерская ответствен-

ность без деспотизма, превращающего семью в институт рабства. Или же всему основой служат потребности, когда партнер способен дать именно то, в чем ты нуждаешься? Или удачное распределение функций в общем деле и высокая совместная результативность? Единая, значимая для обоих жизненная программа? Или, что уж там мудрить, – любовь, и этим все сказано.

Прочность здания определяется крепостью фундамента, а не высотой и отделкой стен. Но что именно выполняет в счастливой семье роль фундамента? Общее дело? Общие ценности? Потребности? Эмоциональный фон? Стиль взаимоотношений? Образ жизни? Привычки? Отношение к досугу? Отношение к детям? Когда главной ценностью становится задача свить гнездо, создать очаг, то как это соотносится с чувствами? И что делать родительской семье, когда дети выросли из гнезда и улетели? Разводиться?

Искать ответ на эти вопросы в классической русской литературе бесполезно. Откроем «Русских женщин» Некрасова. Прочнее союза между мужем и женой не найти, чем в семье крестьянской. Да не семья это, а ярмо! Всю жизнь – с одним мужиком, даже если он на своем длинном жизненном пути превратился из толкового работяги в беспросветного алкоголика. Недаром же Наум Коржавин подметил: «Ей жить бы хотелось иначе, носить драгоценный наряд. А кони все скачут и скачут. А избы горят и горят».

Ничуть не оптимистичнее Шолохов с его «Тихом Доном» и артехипичной Ильиничной, старой казачкой с больными ногами, мозолистыми, потрескавшимися руками и, несмотря на окружение трех поколений кровных родственников, внутренне одинокой, которая призывает свою невестку Наталью все прощать мужу: и измену, и побои – так она сама поступала всю жизнь сама, ради детей. Одним словом, рецепт прочной семьи известен с времен «Домостроя»: хозяйственно-бытовые навыки, помноженные на терпимость, плюс забота о детях. Рецепт же счастливой семьи, куда как более привлекательного союза, сокрыт за семью печатями. А существует ли такой рецепт семейного счастья в принципе?

Едва ли жизнь можно сравнивать с танцем, она многомернее, сложнее и непредсказуемее. Жизнь наполнена страданиями, преодолением трудностей. Танец, мир светлого, радостного и прекрасного, не может быть символом реальности. Танец как аллегория страсти едва ли соизмерим с законами семейного быта. Великие танцоры, как известно, стали великими благодаря иррациональному, а не рациональному стилю мышления – они велики своей страстью, а не техникой.

Секрет удачного танцевального дуэта – можно ли его назвать и секретом счастливой семьи? Спортсмены, чьи имена мелькают в числе финалистов, связаны друг с другом единым образом жизни: тренировки, переезды, перелеты, соревнования. Единые личностные потребности – вот откуда берется изнурительная совместная работа на паркете, общий адреналин, медали, падения и взлеты. А какую роль в этом играет центр традиционной семьи – ребенок?! Вопрос риторический.

Ребенок, обязательный элемент традиционной семьи, делающей ее не только незыблемо прочной, устойчивой, долговечной, но и, самое главное, дающий смысл жизни каждому в паре, не имеет подобной силы и значимости, когда речь идет о семье представителей искусства или науки. Счастливейшие семьи нашего времени – балерины Майи Плисецкой и композитора Родиона Щедрина, оперной певицы Тамары Синявской и короля эстрады Муслима Магомаева – не имели детей. Семьи представителей культуры и науки словно бы оказались на особом положении. Любовь к мужу у жены сильнее любви к детям?! Нонсенс! Но возьмите дважды нобелевского лауреата Марию Склодовскую-Кюри, которая посвящала все свои открытия именно покойному мужу Пьеру, нелепо угодившему во цвете лет под автомобиль... Поймет ли обыватель подобное?! И разве связал общий ребенок поэта Сергея Есенина и его жену, Зинаиду Райх? Судя по «Роману без вранья» Анатолия Мариенгофа, отнюдь нет!

Семья интеллигентов держится не на биологическом инстинкте, а на иных связующих механизмах. Их можно было бы проигнорировать, но... есть магнетическая тайна, заставляю-

щая обращаться именно к таким примерам, – ведь именно такая семья оказывается не только прочной, но и счастливой. Тайна счастья! Она манит куда больше, нежели секрет прочной семьи, который прекрасно раскрывает мозолерукая Ильинична из «Тихого Дона». А хочется знать тайну именно счастья. Как ее разгадать?!

А может быть, и нет никакой тайны, а есть лишь исключения из общего правила? Быть может, счастливая семья – это что-то вроде призрачной метерлинковской Синей птицы, уникальное сочетание личностей, которое невозможно зафиксировать никакими формулами?

– Искусству – искусственное, жизни – жизненное!

– А? Ты что-то сказала? – Галка допила чай и помахала рукой официанту, чтобы тот подошел с расчетом.

– Я лишь хотела сказать, что паркет – это не жизнь, а искусство и особый мир, параллельный реальности.

– Какое глубокомысленное наблюдение! Ну не даром же кто-то сказал: «Вначале танцуй, а потом думай». В жизни все как раз приходится делать наоборот. Дабы не попасть впросак!

Галка заскрипела бумажником – толстым, квадратным, из натуральной кожи шоколадного цвета, таким, какие обычно носят мужчины. Полина смотрела на Чеснокову и не могла взять в толк, почему эта сильная, неглупая и еще далеко не старая женщина одинока. Что мешает ей найти спутника жизни? Полина набралась наглости и спросила Чеснокову об этом напрямую. Рука с купюрой, на которой была изображена английская королева, зависла на секунду в воздухе. Галка размышляла над ответом, но в итоге честно призналась:

– Я просто не хочу тратить энергию на «тухляков». Самый невосполнимый ресурс – время. Я не могу тратить свою жизнь на мужиков-уродов.

– В смысле?

– Метафора! Если свечу притушить, она начнет коптить, отравлять воздух. Есть люди – без стержня, они, подобно свечам с плохим фитилем, требуют, чтобы кто-то все время над ними чиркал спичкой. Иначе они тухнут. Среди знакомых мужиков таковых большинство. А прочие – эгоисты, прагматики, потребители, Нарциссы. Тоже вампиризм, но другого сорта. Тухляки живут твоими эмоциями, у них вечный депрессняк. Их надо спасать, утешать, им нужна заботливая мамка, нянька, сиська. А Нарциссы – рассудочные циники. Манипуляторы, которым нужны твои деньги, связи, проекты. Подкрадутся с букетиком цветочков, с конфетками... Чтобы использовать тебя, да и выбросить на помойку, как выжатый лимон...

– Грустно. Неужели нет других вариантов?

– Я не видела.

– Так ты не видела или же их действительно нет?

– Я потеряла веру в то, что в мире людей есть и другие мужчины. Рыцари остались только в книжках. Прав был Омар Хайям, который утверждал: «Уж лучше одному, чем вместе с кем попало».

– Поэтому ты любишь посплетничать? Злорадство по поводу разводов...

Полина доедала салат «Цезарь» – символ ресторанного жлобства. На огромной, размером с маленький поднос белоснежной тарелке красовались небрежно брошенные воздушные листики китайской салатной капусты сорта «Айсберг», посыпанные зубодробильными сухариками и стружкой безнадежно зачерствевшего сыра. Ложка жирного и безвкусного майонезного соуса, украшавшая этот овощной «Эверест» наподобие не растаявшего ледника, довершала картину.

– Я занимаю позицию наблюдателя! Развлекаюсь фейерверками искр, сыплющихся из звездных семейных союзов. А почему бы и нет?! Да, после бокала Nebbiolo бодрящий черный чай весьма кстати. Интересно, у этих англичан зеленый чай есть или только черный?

– Судя по нашествию китайцев, зеленый чай в Англии появится.

– Жизнь не стоит на месте. В отличие от паркета.

– Если паркет рассматривать только как искусство, то ты права. Художественные формы тяготеют к консерватизму. Но ведь танец – это еще и люди, это судьбы! Это та же Сибирякова и Нагорный...

– Сибирякова – обычная кошка, хищная карьеристка. Цыганка, вырядившаяся в испанские платья да шали! Артистка фламенко, ха! Мы еще не знаем, как эта девочка из захолустного городишка стала сотрудником аппарата Международного комитета, где ее угораздило познакомиться с Нагорным! Наверняка вошла с черного входа. А сейчас ей хочется полной свободы, стареющий Мирослав – помеха. Думаю, эта коварная хищница примется за карьеру в совершенно новой для себя сфере. Может, пойдет в депутаты Государственной думы. И деньги Мирослава, вырученные от продажи дома, ей очень даже пригодятся.

– О! Кто-то сказал, что сплетник – это человек, который может вам сообщить массу мельчайших подробностей, но при этом не назвать ни одного факта.

– Но я же прогнозирую!

Национальные вкусовые привычки британцев поражают однообразием. Можно лишь удивляться, как англичанам не надоедает изо дня в день завтракать хрестоматийно известной овсянкой, вошедшей даже в ряд анекдотов по Шерлока Холмса. Удивительно, как не набьют оскомину все эти тосты с сыром и джемом, и тут даже изысканность манер не спасает от ощущения рутины, когда, следуя этикету, вы каждый раз после откусывания кусочка печенья заново мажете его крошечную часть маслом и джемом. Англичане даже не додумались до такого стандартного блюда на завтрак, высмеянного сатириками именно за его бесконечную повторяемость, как яйца с ветчиной или яичница с беконом.

Английский завтрак – это бесконечное повторение изо дня в день, из недели в неделю, из года в год одних и тех же компонентов: тосты с сыром и джемом, овсянка, чай с молоком. Просто удивительно, что им не приходит в голову добавить к этому скудному набору хотя бы шоколадный круассан или яблочный пай, йогурт или сметану, пару сосисок, яичницу, фрукты. Нет, ничего подобного! Просто удивительно, как при бесконечно повторяющемся «овсянка, сэр», при тоскливой рутине, начинающейся уже рано утром, этим странным британцам удается оставаться бодрыми, здоровыми, энергичными, доброжелательными и жизнерадостными.

Кажется удивительным, что нация, создавшая сотни вкусовых оттенков своего легендарного виски, оказалась столь малоизобретательна в отношении своих национальных блюд, подающихся к завтраку. Но вспомнив равнодушие британцев к стеллажам с виски в магазинах и другие факты, такие как обязательное присутствие во Франции бутылочек с местным вином в столовых, разбирающихся посетителями теми же темпами, что и стоящие рядом с ними компоты и лимонады, можно сделать определенную гипотезу в отношении своеобразия британской кухни.

Если свои знаменитые бордосские вина французы создавали прежде всего для собственного употребления, в чем несложно убедиться, перечитав «Трех мушкетеров» А. Дюма, то свои легендарные виски британцы сразу же создавали на экспорт. Шотландский виски – такая же национальная валюта, как клетчатые пледы из овечьей шерсти. Виски были отличным импортным товаром для стран, ведущих торговые отношения с Соединенным Королевством. И совсем иное место в национальной культуре занимали у французов их каберне, совиньон, шардоне, не говоря уж о русской водке, крепко вошедшей в анекдоты о похождениях богатыря Ильи Муромца.

Любителя гастрономического туризма в Блэкпуле ждет разочарование, здесь трудно найти ресторанчики именно национальной британской кухни. Хотите перекусить – пожалуйста! К вашим услугам и английская сеть фастфуда Fish and Chips, а также итальянские пиццерии и испанские кофейни. Но что-то из пищи, приготовленной именно в чисто английском стиле? О нет, это слишком сложная задача для английской аристократичной нации.

Быть может, эта нация потому и стала нацией аристократов, что дети даже королевской семьи воспитывались в спартанских условиях? Без излишеств, без роскоши, без чревоугодия...

– Тебе никогда не приходило в голову, Галка, – с трудом подбирая корректные слова, заметила Полина, – что вместо того, чтобы обсуждать чужую судьбу, неплохо бы устроить собственную?

– Замуж меня выдаешь? – Галка надрывно расхохоталась. – Чего ради? Нынешний мужик жаден. Деньги держит на счетах да карточках, а жене лишь подачки на 8 Марта. Зато тяни себе, как буйволица, кухню, стирку... Оно мне надо?

– Но ведь не только же ради денег выходят замуж?

– А ради чего же еще? Главный мотив – хозяйственно-бытовой союз с общей крышей и на общие деньги. Тоска! Других вариантов нет?

– Перечитай Бертрана Рассела «Семья и брак», может, найдешь и другие варианты.

– Но это же старье, книга написана в прошлом веке!

Журналистка растерянно ковыряла вилкой в салатных листьях, не находя аргументов для Чесноковой и все еще не решаясь позвать официанта, чтобы объяснить ему, что в салат «Цезарь» полагается добавлять вареное яйцо, помидоры черри, мясо курицы, индейки или же креветки и соленую семгу. Название блюда обязывает держать марку. Почему же это игнорируют? Быть может, тому способствуют национальные английские кулинарные привычки? Или англичане имеют особое представление об «итальянском» салате «Цезарь»? Кафе-то итальянский.

За окном все еще барабанил дождь. Но теперь он шел размеренно, словно марафонец, измотанный долгой дорогой. Прохожие умилились своей прытью и уже не бежали, а дефилировали под своими пестрыми зонтиками. Настенные часы с римскими цифрами напоминали, что если хочется успеть к началу вечернего отделения фестиваля, то следует поторапливаться.

Бересклет и Чеснокова условились поспорить на шоколадную фигурку в форме Блэк-пульской башни в отношении развития событий. Этого пари очень хотелось Галине – независимой бизнес-леди, собирающей, словно уборщица веником в совок конфетные фантики, яркие обертки человеческих судеб.

После ухода Галины репортерша еще сидела несколько минут в «Донне», допивала чай. Она размышляла о том, что жить ладно, счастливо, с любовью большинство людей в семье не умели никогда. Мужчина и женщина истари вступали в брак как в хозяйственный союз, в котором им проще было выжить в суровом мире, противостоять бедности. За верностью следили, потому что это было выгодно, ведь измена с последующим новым браком могла обрушить материальный достаток. Развод – неизбежная дележка имущества, потому и запрещался церковью. Избегалась процедура раздела имущества. Мужчине не было выгодно, чтобы жена работала, это давало бы ей финансовую независимость. И хотя в Центральной Индии долгое время господствовал матриархат, то есть лидерская роль женщины, но весь мир материальных ценностей подхватил идею патриархата, в котором жена, чье умственное развитие ограничивалось кухней, детьми и домоводством, была идеалом многих религий, созданных, разумеется, мужчинами. «Домострой» и «Молот ведьм» – вот две чудовищные книги, обучающие мужей повелевать женами. Женщина, как существо физически более слабое, чем мужчина, была вынуждена играть обслуживающую роль по отношению к мужчине-добытчику. Кухарка, прачка, а еще и «инкубатор». Об этом много прекрасных слов говорится в книге «Второй пол» Симоны де Бовуар.

Но с движением феминисток, с борьбой женщин за возможность самостоятельно добывать деньги многое изменилось. Оказалось, что жить в одиночку даже удобнее, чем парой. Время расходуется более разумно, конфликтов – меньше. Психологи, изучающие семью, обнаружили интересные формы этого явления. И если, к примеру, Владимир Дружинин утверждал, что его книга о психологии семьи – это «книга о несвободе. Ибо нет более несвободного

варианта личностных взаимоотношений, чем семья, нет более жесткого общественного института. Понятие любви остается за пределами книги. Любовь и общество – антагонисты, понятия несовместные». Но одновременно появились и размышления о семье Игоря Кона, который считал, что в идеальном варианте «семья» близка к «дружбе», что это «половая дружба». Появилось множество психологических трудов, исследующих однополые браки, которые стали популярны во всем мире, так что пришлось это отражать в законе самых консервативных стран! В новейших исследованиях доказывалось, что институт традиционной семьи себя изжил, что надо искать новые формы социальных союзов, поскольку у современного человека совсем иные потребности, нежели просто физическое выживание и продолжение рода...

Так что же лучше – жить в браке или оставаться свободным? Так или иначе, но индивидуальный выбор остается за каждым. Одно лишь почти бесспорно: люди XXI века научились жить независимо, самостоятельно. А вот жить парами так и не научились.

Глава 5

Изюм для пудинга

Перед внутренним взором Полины воображаемой кинолентой проносилась невероятная история Мирослава и Дарьи. Несколько лет назад на Блэкпуле энергичная русская девушка из глубинки, не обделенная красотой, выступала организатором шоу-программы. Англичане пригласили Мирослава, как президента «Вальса», для участия в шоу-программе. Этот светский лев, конечно, не мог не обратить внимания на девушку с развитым интеллектом, великолепным телом и бешеным темпераментом. Дарья восхитила Мирослава уже тем, что сама увлекалась танцами, а в школьные годы даже стала мастером спорта по художественной гимнастике. На момент знакомства со своим будущим мужем Даша серьезно увлекалась фламенко, и, хотя этот танец считается испанским, Мирослав, глядя на Дашу, иногда шутил:

– И танец цыганский, и кровь в тебе цыганская!

Во время перерыва между соревнованиями и вечерней шоу-программой Даша и Мирослав столкнулись в кафе «Зимнего сада». На Дарье, которую мучила жажда, был яркий макияж, и открытый, эротичный костюм с блестками, совершенно не в деловом стиле. Мирослав, завидев красивую девушку с огромными испанскими глазами возле барной стойки, неожиданно для самого себя громко потребовал от бармена фужер свежавыжатого морковного сока со взбитыми сливками бутылку элитной минеральной воды и бокал в форме тюльпана из богемского стекла на длинной ножке. Любопытно, что из этой вроде бы случайной встречи вырос роман длиной в десятилетие.

После свадьбы Дарья оставила секретарскую работу в Международном комитете по неолимпийским видам спорта и стала личным секретарем Мирослава в «Вальсе», первой помощницей во всех его делах, включая и функции пиар-директора и топ-менеджера.

Дуэт Мирослава и Дарьи, который мелькал на самых крупных танцевальных соревнованиях, стал легендой. Одни завидовали, другие возмущались, третьи изумлялись. Равнодушных не было. Когда Мирослав появлялся со своей женой-«дочкой» на крупнейших чемпионатах, то на все вопросительные взгляды он отвечал так: «Возраст мужчины определяется возрастом его жены!» Но сейчас, как утверждала Галка, отличающаяся зоркостью в изучении мира через замочную скважину, нерушимый союз Мирослава и Дарьи трещал по всем швам.

Есть семьи, созданные для брака, а есть созданные для развода. По крайней мере это подметил барон Мюнхгаузен. Союз Мирослава и Дарьи с тридцатилетней разницей в возрасте изначально казался воздушным замком, построенным на песке. Когда Мирослав неожиданно для танцевального сообщества объявил о свадьбе с Дарьей Сибиряковой, многие решили, что эта пышная церемония – начало пути прямо к разводу. Но вот прошел год, два, три их совместной жизни... Спортсмены все еще изумлялись дуэту светского льва и молоденькой провинциальной девушки. Некоторые судачили, что, мол, состоялась выгодная сделка. С его стороны – деньги, власть, статус, с ее – молодость, красота, чувственность. К тому же Дарья не чуралась ответственной работы в корпорации «Вальс», которой рулил Мирослав. Обоих объединяла энергетика танца. Но разве это было гарантией счастья? Скорее что-то вроде бальзаковской формулы «красота в обмен на деньги».

Впрочем, Мирослав и Дарья постепенно доказали миру, сколь превратны стереотипы, сколь ошибочны оценки людей, исходящих из низменных и циничных установок. С появлением ребенка о мезальянсе Мирослава и Дарьи стали судачить меньше. Сибирякова оказалась чрезвычайно способной к обучению, к освоению новой деятельности. Когда корпорация «Вальс» сумела получить грант Министерства культуры на съемки фильма о танцорах, то именно Дарье пришлось взять на себя функции продюсера и даже отчасти сценариста. Кроме

того, Дарья решила, пользуясь случаем, и сама сняться в эпизоде, исполнив танец сильных и независимых женщин – испанское фламенко. Фильм вышел в прокат, но на фоне американских блокбастеров с неизменным хрустящим попкорном не смог стать гвоздем сезона. Впрочем, все, кому удалось его видеть, отмечали творческую удачу и изумлялись, видя в титрах дирекции фильма фамилию Сибиряковой. Теперь-то многие поняли, что это «железная рука в мягкой перчатке», и даже начали завидовать Мирославу, что ему повезло с молодой и трудолюбивой женой. Сам же Мирослав все больше влюблялся в жену, называя ее теперь «моя Карменсита». Когда же супруги построили загородный дом, то сплетни и вовсе исчезли, зато появились поучительные рассуждения о великой силе любви. Союз Мирослава и Дарьи стал образцом, достойным восхищения и подражания.

И вдруг поползли слухи...

Ливень барабанил по мостовой, словно вбивал в брусчатку гвозди. Прохожие в легких плащах, под разноцветными зонтиками спешили добраться до каких-нибудь временных укрытий в виде кафе или магазинов. Оконные стекла итальянского ресторанчика стали матовыми, покрывшись изнутри туманом капелек конденсата. Казалось, что снаружи движутся не люди, а призраки, запотевшее стекло размывало очертания.

История развода Мирослава и Дарьи продолжала витать в воображении Полины. По мнению Чесноковой, Мирослав на Блэкпул не приедет, ему сейчас не до английского бомонда, разобраться бы с судами по недвижимости. Хотя на данном турнире будет «стандарт» такого класса, что стоило бы...

В историю танцевального спорта Мирослав вошел благодаря «стандарту», или европейской программе. Все мыслимые и немыслимые награды в этой номинации он завоевал вместе с Ладой Становой. Именно благодаря Ладе Мирослав сделал головокружительную карьеру. Они познакомились подростками, и за это знакомство благодарить следовало бы их тренера. Учитель спортивных танцев, оценив на глазок рост, способности и целеустремленность Славы и Лады, решил их поставить в одну пару, причем, как впоследствии выяснилось, в пару не только спортивную, но и семейную.

Впрочем, учитывая, что Мирослав и Лада вместе встретили на паркете и юность, и молодость, изумляться тому, что они вступили в законный брак, не приходилось. Подобное в спорте не редкость, особенно много подобных примеров в фигурном катании, в танцах на льду. Они сутками не вылезали с паркета, и чередой золотых медалей, завоеванных вначале в России, а затем и по всему миру, подтверждала, что именно такой союз им предназначен судьбой.

Счастье Мирослава и Лады оказалось в том, что они соответствовали друг другу по духу и по темпераменту, по волевым качествам, готовности к борьбе, в своем стремлении к медалям и кубкам. Но настоящим везением оказалась синхронность роста и раскрытия способностей. Огромная редкость! И вот еще удивительная случайность: слово «паркет» и для Мирослава Нагорного, и для Лады Становой стало синонимом слова «жизнь». Их жизнь протекала на спортивном паркете, и у них был единый жизненный вектор – тренировки, разъезды по городам, соревнования. За пределами танцпола для них начиналась «марсианская планета», с непонятными двуногими существами, ведущими «странные и непонятные» разговоры о доме, кухне, болезнях родственников, лекарствах от радикулита, моющих средствах, навесных потолках, о ценах на картошку и мясо.

Эта планета, на которой существовало девяносто процентов обитателей Земли, чудовищно раздражала Мирослава и Ладу, они любили шутить: «Быт – забыт!» Вместе, вдвоем они создали собственный мир – без дачных грядок с клубникой и огурцами, душных теплиц с помидорами и сараем для лопат и автомобильных покрышек, без льгот на коммунальные услуги, модных моющих обоев, пластиковых окон и сковородок с антипригарным покрытием.

Галактика Лады и Мирослава состояла из маленьких звездочек танцевальных дуэтов, разбросанных по всему миру и объединенных в общее созвездие благодаря авиалиниям.

И вдруг все звезды Галактики погасли. Легендарные чемпионы мира Мирослав и Лада исполняли перед искушенной публикой свой последний показательный танец. Они оба отметили незадолго до этого свой полувековой юбилей жизни и тридцатилетие своей легендарной пары.

И легендарной пары не стало. Союз Лады и Мирослава распался.

Началась пустота. Вакуум. Жизнь закончилась вместе с уходом из нее волшебного слова «паркет». Не последнюю роль в этом сыграли, конечно лихие 90-е, когда во время перехода к рыночной экономике страна вымирала от голода, безработицы, пьянства, бандитизма. Страну лихорадило от гиперинфляции. Самые умные, профессиональные и энергичные начали ее покидать. После бессмысленных метаний по стране Лада выпорхнула за рубеж и в Россию уже не вернулась. А Мирослав остался в Москве...

Много раз Мирослав пытался ответить на вопрос: если не танцевать, то что? Ведь что-то надо делать, бездействие, даже при сытой и обеспеченной жизни, приводит к депрессии. Работать тренером? Преподавать историю танца будущим искусствоведам? Работать в судейской бригаде? Мысль о том, что можно заполнить свое время теми самыми грядками с клубникой и теплицами с помидорами, от которых они с Ладой бежали как от чумы, ему, конечно, не приходила в голову. Он искал дело, которое радовало бы его душу, в котором он смог бы стать первым, но на этот раз – без верной и надежной партнерши.

И здесь ему встретила Дарья.

Мужчина странно устроен. Даже если он всем подряд вдалбливает, что создан как волк-одиночка, тем не менее как только на горизонте появляется симпатичная девушка, одинокий мужчина немедленно забывает о своей «волчьей песне».

Дарья Сибирякова была танцовщицей фламенко, чувственной, неутомимой и страстной. Но будущему мужу, который оказался в два раза ее старше, Дарья предложила ценности как раз того сорта, от которых, как он сам считал, они с Ладой раз и навсегда отказались. Домашний очаг! А почему бы и нет, думал новобрачный с сединой в висках. Когда-то же надо хотя бы попробовать выйти за край паркета? И он решительно сделал этот шаг за края соломенно-золотистого квадрата, словно ступая с корабля на землю необитаемого острова.

Там оказалась другая жизнь. Мягкие кресла, дорогие серванты, авторские сервизы, тишина и спокойствие, сытость и мечтательность – нет, подобная обломовщина изнурительно тяготила его боевой дух, привыкший к азарту спортивной игры. В ласковоубаюкивающем мире не было взлетов и падений, театральных ролей и костюмов, триумфальных кубков, адреналина хождения над пропастью, достойных соперников. Рутинные дни, наполненные бездействием духа, животным существованием, ввергла Мирослава в депрессию. Красота молодой жены, будоражившая его первые месяцы совместной жизни, вдохновляющая его как шампанское – поэта, столь же быстро и улетучилась. Надо было срочно насыщать борьбой свою жизнь, пресыщенную патокой медового месяца. Впрочем, Дарья была вполне довольна собой, ведь главную стратегическую битву своей жизни – за обеспеченного статусного отца своего будущего ребенка она уже выиграла. Но Мирослав не дал ей насладиться комфортом. И однажды она от него услышала:

– Быть матерью – прекрасно, но быть боевой подругой прекраснее вдвойне. Ты ведь имеешь опыт работы в рекламе? Мне скоро понадобится PR-директор.

Нагорный решил вернуться в танцевальный мир, но как организатор, как лидер. Мирослав собрал команду единомышленников, создал корпорацию «Вальс» и стал ее президентом.

Теперь у Дарьи помимо забот о малыше появились в избытке дела по раскрутке проектов «Вальса», так что на разговоры о том, кто кого любит или не любит, просто не оставалось ни сил, ни желания. Работа есть работа. Не до эмоций.

Дарья Сибирякова периодически спрашивала себя, значит ли она в сознании Мирослава сейчас столько же, как когда-то Лада Становая. Дарья утешала себя тем, что все меняется и требования к спутникам жизни – тоже.

Что же произошло? Мирослав оказался в семье тираном и деспотом или Даше обрыдло делать то, что она для него делала? Но ведь она работала и на себя, раскручивая «Вальс»! Быть может, ей для семейного счастья хватало кухни и ребенка? Но как это связать с работой в Комитете по неолимпийским видам спорта? Или же Дарья, выйдя замуж за Нагорного, решила пренебречь карьерой? Но характер Дарьи вовсе не располагал к «домашнему заточению». Испанский танец сильных и самостоятельных женщин, фламенко, не мог стать случайным выбором! Даша выбрала именно испанский одиночный танец энергичных женщин, обладающих лидерскими качествами, а не вальс или танго! Танец – это проявление эмоций и это характер.

Однако профессиональное исполнение фламенко вовсе не обещало наличия способностей и в других видах деятельности, например в области связей с общественностью, проще говоря – PR. Должность PR-директора, доставшаяся Сибиряковой с барского плеча собственного мужа, оказалась для нее, возможно, неподъемной «шапкой Мономаха». Эта высокая должность предполагала умение взаимодействовать с людьми, организовывать свою команду к совместной деятельности. Для этого Даша должна была уметь вдохновлять, влиять, объединять и приводить людей. Но недаром же говорят, что балет – это опера для глухих. Даша, как и очень многие прекрасные танцовщицы, вовсе не обладала способностями к публичному общению, к эффективной коммуникации с людьми. Она не умела ни результативно общаться и договариваться с разными людьми, ни виртуозно владеть своим временем и временем людей своей команды. Да, авторитетом, жизнерадостным лидером, за которым пошла бы команда, Дарья не стала. Она продолжала оставаться прекрасным алым цветком, молча кружащей в вычурном танце птиц фламминго. И насколько бы ни погружалась Сибирякова в книги по тайм-менеджменту, оптимизации бизнеса, ресурсным поведенческим моделям и финансовой успешности, но без способности к общению, без лидерских навыков убеждения и влияния на людей все ее карьерные потуги не увенчались успехом. Кусок пирога, испеченного для нее мужем и положенный прямо перед носом Даши на тарелку, оказался гораздо больше, чем она способна была проглотить.

Впрочем, это лишь наши предположения.

Быть может, дело было в другом? Не оправдались сокровенные надежды Сибиряковой, реальность не совпала с воображаемой картинкой ее совместного с Мирославом будущего?

На паркете люди становятся выше, талантливее, чище, чем в реальной жизни. А в реальности случается всякое. Инициатором развода была Даша Сибирякова.

Но что предшествовало этому?

Слон и Лотос

Золоченый слоненок, задравший к небу хобот для трубных звуков победы, всматривался в посетителей тихого садика, усаженного пальмами, кипарисами в деревянных кадках и широколиственными деревьями, с гладкими и блестящими, словно зонтики, листьями. Слоненка должна была бы окружать вода, но фонтан не работал. Бассейн, крашенный по бортику белой масляной краской, открывал взору пестрое от разноцветной кафельной плитки дно. Система водоснабжения была отключена. На голубых и сиреневых плитках лежали случайные желтые листья, сорванные ветром и брошенные в пустую, плоскую ванну бассейна. Сколько бы лет Карельские ни останавливались в этом маленьком частном отеле, который держала семейная пара из Индии, фонтан со слонем не работал и бассейн был пуст. Но в тихом и зеленом двореке, окружавшем золотого слона, была даже какая-то прелесть остановившегося времени. Между

двух усаженных в деревянные кадки кустов с ветками, словно расплюснутыми молотком, с редкими ягодками и источавшими терпкий аромат можжевельника, стоял журнальный столик на деревянных ножках, с плетеным из соломки круглым верхом, прикрытым от дождя и грязи оргстеклом.

Возле столика располагались кресла-качалки из плетеного тростника. Несколько стульев с бамбуковыми спинками виднелись под навесом, тоже деревянным и с соломенным ограждением, словно бы плетнем вокруг деревенского дома. Внутри навеса сквозь щели плетенки угадывался мангал, на котором владельцы отеля жарили удивительный и столь непривычный для европейца овощной шашлык. Впрочем, вкусы постояльцев и холодный британский климат слегка скорректировали вегетарианские пристрастия владельцев отеля, научив их готовить шашлык из курицы и индейки. И хотя владельцы отеля, Ханна и Рауль, оставались поклонниками индийского травяного чая, но и их привычка к британскому черному с молоком уже стала достаточно устойчивой. Для своих же постояльцев они варили крепкий сладкий кофе, готовили пресные лепешки из пшеничной муки, кукурузные оладьи и блюда из риса, фасоли и огромного количества пряных специй.

– И когда мы остановились здесь первый раз, двенадцать лет назад, все было точь-в-точь как сегодня, – весело заметил Руслан Карельский. – И этот дворик и садик ничуть не изменились. Тот же золотой слоненок в фонтанчике, отделанном морскими ракушками. Он и тогда не работал. Ничто не изменилось. Ну разве что кадки с можжевельником переезжают с места на место.

– А почему вы выбрали именно «Слон и лотос»? – удивилась Полина и краем глаза уловила, как из пристройки к отелю, служащей, видимо, кухней, вышла хозяйка отеля в длинном платье из жатого шелка болотно-золотистого цвета. На широком металлическом подносе она несла высокий чайник цвета топленого молока и несколько чашек с блюдцами того же цвета, с золотыми завитушками по краю.

– Во-первых, хорошая цена, – низким спокойным голосом заметила Маргарита Карельская-Корсак. – Мы вынуждены экономить деньги на проживании в отелях, чтобы много ездить и выступать на всех международных соревнованиях. Во-вторых, «Слон и лотос» – рядом с Winter Garden. Очень удобно! Не надо ни такси брать, ни на трамвае ехать, как в том случае, как если бы мы остановились в отеле у Вики Донской. В-третьих, у этого отеля особая атмосфера... Его владельцы очень любят танцоров. Они любят рассказывать, как однажды у них останавливалась юная русская балерина вместе со своей мамой. Англия ей рукоплескала!

– А как звали эту балерину? – Полина поставила прямо перед собой чашку и налила в нее прозрачный зеленоватый настой, от которого шел сильный аромат чабреца и еще каких-то трав.

– Этого они не помнят. К тому же Ханна и Рауль вообще довольно плохо говорят по-английски, а по-русски и вовсе не знают ни слова. Мы с трудом понимаем их рассказы, а многие истории вообще улавливаем очень приблизительно, – низким гортанным голосом заметил Руслан Карельский. – Но что очевидно, так это их любовь к искусству танца и к русским. Просто удивительно!

– Их любимый художник – русский востоковед, философ Николай Рерих, – вставила Маргарита, плеснула себе в чашку ароматный травяной настой и, глядя на Полину, добавила: – В вестибюле есть две копии живописи Рериха. Хотите взглянуть?

За деревянной потрескавшейся дверью прихожей, в полумраке слышалось журчание воды маленьких настольных фонтанчиков – увлажнителей воздуха для комнатных растений. Шелковистые шторы из буро-зеленой тафты, вздрагивающие от порывов ветра, влетающих сквозь приоткрытые окна, казались парами сказочного корабля. Рита щелкнула выключателем, и лампа с круглым, как футбольный мяч, абажуром, собранным из мозаики красных, желтых и зеленых стекол, мягко осветила пространство, заполненное комнатными папоротниками

в широких глиняных чашах, фикусами в деревянных ведрах и тропическими монстерами с круглыми продырявленными листьями, напоминающими индийские резные блюда для фруктов. На стене, в глубине которой виднелась лестница на второй этаж, с чугунным бортиком, с вычурным растительным орнаментом, и в самом деле висели две огромных копии на холсте – репродукции живописных полотен Николая Рериха. Для каждой из картин была установлена собственная подсветка.

На одном полотне был изображен конь с согнутой в дугу шеей и робко переступающий с камня на камень на узкой горной тропинке, ведущей сквозь остроконечные хребты, вершины которых полыхали огнем и, напротив, тонули в темно-сизом мраке. На седле коня светился кристалл – символ духовного сокровища. «Чинтамани», так называлась эта картина.

На другом полотне белые снежные вершины смешивались с богатейшей гаммой синих, голубых, сиреневых и фиолетовых оттенков неба и горных склонов. Вершины резкими, угловатыми, жесткими очертаниями с режущими краями выступали на фоне ультрамариновой бездны. Под неподвижными исполинами плыли мягкие, округлые, убаюкивающие облака, похожие на «снежную вату» кучевых громад, что во всей ее роскоши видна лишь с крыла самолета. Это было символом вечности и движения. Контраст жесткого и мягкого, твердого и ускользающего, неподвижного и движущегося, резкого и пластичного впечатлял. «Вот так же и человек, – подумала Полина, – должен быть и жестким, и гибким, обязан сочетать твердость характера и подвижность ума. Недаром говорят, что человеческая личность подобна стальному клинку и шелковому шарфу одновременно». Картина с заснеженными вершинами, погруженными в движущуюся гряды облаков, называлась «Канченджанга». Священная Гималайская гора.

Под картиной «Канченджанга» лежало несколько книг – на квадратном темно-бордовом пуфе, предназначенном, впрочем, для удобства в надевании обуви. Полина взяла в руки первые две книги. Одна книга была богато иллюстрированным путеводителем по Индии, на английском языке. Другая, к ее изумлению, была на русском, изданной в Московском центре имени семьи Рерихов. Открыв русскую книгу наугад, Полина прочла: «Пригнувшись к гриве коня, скакал через скалы всадник. Выходило солнце, и всадник спешил. Путь – быть может, в целую жизнь – лежал к вершине Священной горы. Помни свой дом и дорогу к нему. Помни свой путь и то, что надо сделать на этом пути. Помни! Ничего не забывай! Забвение не для тех, кто едет и скачет пред снегами Канченджанги».

Полина захлопнула книгу, глубоко взволнованная этой репликой. Ее взор упал на металлический подсвечник в форме дракона, с толстой, оплавленной свечой цвета слоновьей кости. «Вот так же и человеческая жизнь, – подумала она. – Мы рождаемся и постепенно выгораем, словно свеча. Кто-то раньше, кто-то позже. Горя, отдаем свою энергию. А если этого не делать? Так и положат в могилу толстой, слегка оплавленной свечой». От этих ассоциаций ей стало грустно, и Полина, резко отпрянув от Канченджанги, небрежно бросила книгу на пуфик и направилась к выходу. Маргарита неслышной тенью шла за ней следом.

К этому времени Руслан, раскачивающийся в плетеном кресле, уже допивал вторую чашку и махал Ханне рукой, чтобы та принесла новый чайник с травяным чаем. Когда Полина уселась в свое кресло, Руслан заметил, что у владельцев отеля сложилось весьма своеобразное отношение к Англии. С одной стороны, Индия была колонией Англии, но с другой – именно в Англию и уезжали из Индии самые деловые и предприимчивые люди.

– Ну что, посмотрели картины Рериха? – усмехнулся Руслан. – Если сказать честно, то я абсолютно не понимаю ни его картин, ни его философии. Сказка! Жить в мифах, а не в реальности, подменять факты мнением – преступление против себя самих. Рерих исповедовал философию будущего, говорил об обществе людей, которого нет и, видимо, никогда не будет. Если бы я мыслил так, как этого требуют религиозные мифы и «Живая Этика», то ни рубля и ни доллара не заработал бы! Прогорел бы в бизнесе! И прозябали бы сейчас мы в России, и денег на поездку в Блэкпул не было бы.

– А вот владельцам отеля Николай Рерих нравится! – вставила Маргарита. – И мне он симпатичен. Яркие, стильные полотна. Индивидуальный, неповторимый стиль. Кисть Рериха ни с чьей не спутаешь.

– Это верно, – кивнул Руслан и налил чашку душистого травяного настоя. – Рауль говорил, что ему очень нравится Рерих, потому что он на своем пути в Гималаи сумел обмануть британскую разведку! Британская империя, колонизировавшая Англию, – большая тема для индусов! А еще кумиром Рауля, как я знаю, является Махатма Ганди, политический деятель, который боролся с британским диктатом и которому, кажется, принадлежит фраза о том, что «слабые никогда не прощают обид, им нанесенных. Умение прощать – свойство сильных».

– Пирожков все еще в обиде на вас? В смысле на ваш уход из его студии? – неожиданно для себя самой выпалила Полина.

– Петропалыч-то? А кто его знает. Лично я с ним не общаюсь. Это Рита может знать лучше, она ведь шьет платья для ребят из его студии.

– Шью платья для его ребят и общаюсь только с ними. А с самим Петропалычем я тоже давно не разговариваю. Думаю, он нескоро простит нас. Хотя наш поступок, уход к другому педагогу, такой заурядный...

– Петр Павлович был не только вашим педагогом, но и близким другом. Вот в чем весь вопрос. Он воспринял ваш уход как предательство. Самая тяжелая история, когда смешивается деловое и личное. А что же Борисоглебский? Вы довольны им как педагогом?

– Вполне, – Руслан кивнул. – Именно Борисоглебский и сумел нас поднять в ранг ведущего танцевального дуэта России. А с Петропалычем мы только чай гоняли да топтались на месте.

– А как же Блэкпул? Отчего он вам не дается? Мастерства Борисоглебского для Англии уже не хватает?

– Здесь особый стиль танца, – буркнул Руслан. – Его надо чувствовать, а это приходит с опытом. Это отражение британской культуры и традиций. Поначалу мы изумлялись, отчего паре с ювелирно-точной техникой движений не удастся подняться выше четвертьфинала. Мы поражались, как судьи выбрасывали с первых же раундов прекрасно танцующие, на наш взгляд, пары. Потом привыкли. Начали приглядываться к победителям, к тому, как они работают на паркете.

– Борисоглебский не виноват в том, что мы вот уж как двенадцать лет не можем дойти до финала, – кивнула Рита. – А его уроки весьма мощны и эффективны. Никита – артист балета и свой опыт работы в классике он сделал ноу-хау и для спортивного танца. Перед каждой тренировкой, перед тем как надеть танцевальную обувь, мы полтора часа растягиваем и укрепляем мышцы на ковриках у станка в хореографическом классе. Первый месяц у меня так болело все тело, что я думала, не выдержу этой экзекуции.

– Нагрузка колоссальная, – кивнул Руслан. – Мы каждые три-четыре месяца покупаем новые чешки для работы в балетном зале. Старые протираются до дыр. Костюмы для тренировок изнашиваются тоже довольно быстро. Но зато ни одна студия Москвы да, пожалуй, и России не готовит столь выносливых артистов танца, как школа Борисоглебского.

– Это очень важно, – кивнула Рита. – На конкурсах мы выдерживаем по тридцать танцев. А еще Никита заставляет нас делать упражнения с гантелями, укреплять мышцы. Заставил Руслана ходить в тренажерный зал... Вообще, если большинство педагогов натаскивает учеников на зубрежку вариаций из фигур, то у Борисоглебского акцент сделан на мышечные возможности тела. Балетный класс изнуряет колоссально, но, как говорится, тяжело в ученье – легко в бою.

– Если тело не подготовлено, ты всегда будешь танцевать коряво, сколько ни долби, сколько ни повторяй на репетиции одну и ту же вариацию, – заметил Руслан. – Вначале ведь надо свое тело сделать инструментом, надо создать мышечные возможности, а уж потом их

оформлять в танцевальную вариацию из набора красивых фигур. Мне нравится этот подход, он эффективен, хотя, соглашусь с Ритой, довольно мучителен. Потому воробей и жалеет павлина, что хвост у того тяжел, как говорят в Индии.

В этот момент к беседующим подошла хозяйка отеля Ханна в длинном сари торжественно-апельсинового цвета. У нее в руках был огромный поднос с вазочками каких-то деликатесов. Взгляд Ханны упал на Риту, и она, плохо говорящая по-русски, сказала:

– Красивый платье! Где купить? Москва?

Рита торжествующе расхохоталась.

– Ханна, если вам нравится, я могу и вам сшить такое же платье!

– А можно сшить платье и как у голливудской звезды! – добавил Руслан. – Одну из самых популярных у наших клиенток моделей, платье-«рыбку», Маргарита подсмотрела у голливудской актрисы на «Оскаре».

– С голливудской актрисы платье не снимешь, особенно когда ее показывают по телевизору, – добродушно добавила Рита, – а вот в магазинах от-кутюр ходить – одно удовольствие. Беру понравившуюся вещь, несу в примерочную, но не меряю, а просто выворачиваю наизнанку. Смотрю, как проходит крой, как обработаны швы. Этого достаточно, чтобы прийти домой и либо сделать то же самое, либо – немного другое, добавив свою фантазию.

– Это талант! – восхитилась Полина.

– Требующий терпения! Представляешь, сколько сил надо вложить, чтобы обклеить конкурсное платье камнями? В узор их тысячи! Пока работаешь над узором, чувствуешь, как спина отваливается. Чтобы узор был ровным, приходится платье класть на гладильную доску и стоять над ним вниз лицом, «в позе цапли, ловящей рыбу», часами.

Ханна поставила сладкие деликатесы на стол и, еще раз похвалив платье Маргариты, удалилась с загадочной улыбкой на лице индийской богини. Налетел порыв ветра, и металлические узкие трубочки, напоминающие крошечные флейты, разной длины, зазвенели, запели своими тоненькими голосами. По ним легонько били прозрачные шарики, похожие издали на вишенки или клубничины, и деревянные пластины с золотыми письменами, выведенными, видимо, на санскрите, перестукивали друг о дружку. Под воздушным индийским «органом» из плавно движущихся на невидимых лесках трубочек, перезванивающих серебряными колокольцами, кружились пестрые птичьи перышки, собранные в невесомые пучки. «Музыка ветра», традиционное восточное развлечение, а может быть, и элемент культуры. Несколько секунд взоры всех были прикованы к этим кружащимся пестрым перьям. Ветер налетел снова, и листья, сорванные с каких-то деревьев, росших за оградой отеля, преодолев плетеную изгородь, упали на дорожку, выложенную каменной плиткой. Несмотря на начало лета, на некоторых деревьях листья успели пожелтеть, видимо, сожженные лучами солнца в какой-то необычайный для здешнего климата день. И тут же на плывущее в зените солнце набежала грузная туча и бросила сизую тень на землю. Золотой слон в фонтане сразу стал выглядеть нахмуренным – этот восточный символ упорства и доброты внезапно помрачнел.

Полина держала паузу, размышляя, сказать ли Карельским о неожиданной встрече с Борисоглебским в парке или же умолчать об этом. Наконец репортерша решила вскользь упомянуть, что видела учителя Карельских, без уточнения подробностей времени и места. Услышав об этом, Карельские удивились, что Никита Борисоглебский до сих пор не заглянул к ним в отель, отлично зная, что из года в год его любимые, потому как самые успешные, ученики останавливаются в индийском отеле «со слоном».

– Странно, очень странно, что тренер до сих пор не зашел к нам, – повторял Руслан, и растерянность мелькнула в его взгляде.

– Сообщаю вам по секрету: Борисоглебский ищет встречи с Кара-Мурзой. У Артура затевается какой-то грандиозный проект...

– А, фестиваль «Русский вальс» на площадках Москвы и Вены, – на лице Руслана мелькнула усмешка. – Слышал я об этом. Ну так это проект не Кара-Мурзы, а Нагорного. Все спонсорские деньги добывает именно Нагорный. Другое дело, что Мирослав держит себя на расстоянии, как король. К нему не подступишься, а вот с Кара-Мурзой кашу варить можно. Тактика Борисоглебского мне понятна. Он, видимо, хочет присоединиться к этому проекту, деньги-то огромные. Теперь мне ясно, почему он про нас забыл. Перед Никитой замаячили миллионы и роскошная жизнь... Хм, ну, флаг ему в руки!

Вновь налетел ветер, серебряные колькольчики зазвенели, птичьи перышки закружились в пестром хороводе под тонкими металлическими трубочками. Туча потихоньку уплывала от солнца. Садик вновь осветился теплыми золотистыми лучиками, окрашиваясь в привычные дневные цвета.

– Хотела бы я знать, придет ли Борисоглебский посмотреть наше выступление? – задумчиво произнесла Рита.

– Да уж наверняка! Не будет же он сидеть в обществе Кара-Мурзы круглосуточно. Признаться, я вообще сомневаюсь, что Артур свяжется с проектом «Русского вальса». Деньги деньгами, но ведь еще нужно же найти и свободное время. А у Артура тяжело больна жена. И я вообще удивляюсь, как ему удалось вырваться на Блэкпул. Не удивлюсь, если Артур улетит задолго до окончания фестиваля.

– Больная жена? Это не аргумент, – возразила Рита. – Ведь ты же не собираешься улетать с мной с фестиваля прямо вечером, в тот же день, когда состоится наше выступление? Хотя у тебя тяжело больна мать.

– Моя престарелая мать и молодая жена Артура – это две большие разницы. У Милены Репьевой еще есть будущее, по крайней мере надежда на будущее. А у моей матери этого уже нет. Только прошлое и... последние дни настоящего. Дай-то бог, чтобы она живой дождалась нашего возвращения из Англии. Конечно, риск того, что мы прилетим, а ее не будет уже в живых, существует. Но жертвовать из-за этого риска целой неделей в Англии? А если вспомнить, как мы оформляли визу, – кошмар какой-то. А что до моей матери, то здесь уж ничего не поделаешь. Она уходит из жизни, это очевидно. Вопрос лишь, когда случится неизбежное.

– Как же можно при такой ситуации в семье хладнокровно лететь на Блэкпул?! А ведь именно в эти дни твоя мать нуждается в моральной поддержке, Руслан! – изумилась Полина.

– А что общего у морали с жизнью?! Реальность цинична и трагична при всем своем многообразии. Но жизнь должна продолжаться вопреки всему! Я против того, чтобы ограничивать свой мир личной трагедией или семейной драмой.

– Трагедия случится, если мы проиграем этот Блэкпул, – заметила Рита, – Мы двенадцать лет не можем пробиться в финал. А сейчас у нас еще и возрастной рубеж. «Сеньорский» ресурс полностью исчерпан.

– Если мы проигрываем эти соревнования, я ухожу с паркета! Однозначно! В этом году нам придется принимать решение, продолжать ли карьеру в «гранд-сеньорской» возрастной категории или же расстаться со спортом. Если мы не выйдем в финал, то эти соревнования будут для меня последними. Все, надоело! Бьешься как рыба об лед – и все без толку. Я устал. Если мы проиграем, я ухожу из спорта.

– А я? А как же я?

– А тебе тоже придется уйти со мной, – на лице Руслана мелькнула злобная усмешка, – как жене фараона.

– Ну не сердитесь, – примиряющим тоном заметила Полина. – Англия – это же не только фестиваль танца, но и многое другое. Уникальная культура. Вот сейчас, например, я пью третью чашку травяного чая, а мне к нему хотелось бы знаете чего? Пудинга! Национального английского блюда.

– Так ведь это же горячее блюдо, что-то вроде мясного кекса. Высокий жирный пирожок с мясной начинкой, разве не так? – изумилась Рита.

– А я думал, что пудинг – сладкое блюдо вроде творожной «Пасхи» с изюмом, – неуверенно заметил Руслан. – В самом деле, как эти англичане готовят свой легендарный пудинг? У Рауля и Ханны спрашивать бесполезно, они же индусы. Но задачка-то занятная. Предлагаю прогуляться в город – за рецептом настоящего британского пудинга.

Из путевого дневника репортера Полины Бересклет. Рецепт английского пудинга

Сами британцы толком не знают, как готовить блюдо, считающееся их национальной гордостью, – пудинг.

Сколько бы мы ни ходили по местным кафе, сколько бы ни приглядывались к продуктовым магазинчикам, но нам так и не удалось попробовать в Блэмпле настоящего английского блюда – пудинга. Расспрашивая о том, что такое британский пудинг и как его готовить, мы получали ответы, противоречащие один другому. Пудингом называли сладкий желеобразный десерт в форме кекса, и пудингом же называли открытые пирожки, в которые следовало вкладывать паштет из гусяной печени или телячью ветчину! Как разобраться во всем этом?

Одна пожилая британка, признаваясь, что, правда, рождественский пудинг она никогда не печет, а покупает готовым в магазине, призналась, что ее прабабушка пекла пудинг из остатков овсяной каши, которую не могли осилить члены ее многочисленного семейства, а для того, чтобы капризные детишки лучше поедали этот шедевр сельской кулинарии, она пихала в это блюдо все, что подворачивалось под руку: ягоды малины и вишни, грецкие орехи, изюм, корицу, какао, ваниль, варенье. Получалось здорово – никаких пищевых отходов, все сыты и довольны.

Но такой ответ не удовлетворил нас, хотя и позабавил. Мы отправились искать рецепт оригинального пудинга дальше. Наткнувшись на рецепт от самого поэта Роберта Бернса, мы совершенно опешили и могли только молча хлопать ресницами, читая подобное представление о пудинге. Никаким сладким десертом тут и не пахло!

*В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.
Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!*

Тогда мы спросили сотрудников популярного в Англии сетевого кафе быстрого питания Fish and Chips, а что же такое настоящий английский пудинг. И вновь начались разночтения. Немудрено. В этом кафе главным блюдом является рыба с картошкой. По одному поварскому рецепту, пудинг представлял собой кекс, изготавливаемый из подсушенного старого хлеба в особой печи, нечто вроде классического рецепта шарлотки. Согласно другим рецептам, пудинг представлял собой творожный десерт, для которого не требовалось чудо-духовки, но зато абсо-

лотно необходима была целая фермерская молочная линейка, творог, масло, сливки. По одним рецептам для пудинга непременно требовались орехи, а по другим – орехи оказывались совсем не обязательны, но вот непременно нужны цукаты и толченые сухари. Единственно, что объединяло абсолютно все рецепты, так это изюм.

Про изюм как главное условие хорошего пудинга мы запомнили хорошо и даже разобрались в том, чем изюм без косточек лучше изюма с косточками. Однако мы так и не смогли выяснить главного: на каком именно этапе подготовки пудинга требуется этот самый изюм?

Загадочное национальное блюдо стало для нас символом знакомства с Англией. Мы понимали, что Блэкпул, маленький приморский городок, который уже через неделю проживания в нем становится тебе так же хорошо знаком, как и собственная квартира, – это еще совсем не Англия, а лишь одна маленькая изюминка в еще неизвестном и восхитительно-манящем культурно-географическом шедевре.

Довольно рано приходит осознание, что еда для британцев не является ценностью, а всего лишь средством утоления голода и насыщения организма энергией. Здесь, пожалуй, проходит водораздел между западным и восточным типами мышления. В больших торговых центрах вы, конечно же, набредете на площадки – кафе, где продают довольно стандартные и похожие на американские сэндвичи, с пастой из консервированного тунца или же с куриной котлеткой внутри, рубленным яйцом и листиком салата. Но от этой пищи, в отличие от сытных трехэтажных американских бургеров, вы не растолстеете, питание в Британии – удовольствие не из дешевых. К примеру, тот же сэндвич стоит 2 фунта и столько же – рубашка, кофта или юбка в чарити-шопе. Может быть, поэтому за все время нашего пребывания в Великобритании нам не встретилось ни одного толстопузого джентльмена, ни одной увесистой матроны. А вот одеваются британцы все со вкусом – до весьма преклонного возраста, и для этого вовсе не обязательно бегать по брендовым магазинам дорогой одежды, даже чарити-шопы вполне позволяют одеться достаточно стильно.

Вероятно, у британцев нет таких же излюбленных национальных блюд, великолепие которых они были бы готовы защищать с пеной у рта, как, скажем, чехи, отстаивающие свой кулинарный шедевр – кнедлики, что известно из истории «простодушного» Аркадия Аверченко, путешествовавшего по Европе и навлекшего своим пренебрежением к кнедليкам ярость и возмущение своих друзей-чехов.

Если вы зайдете в торговый центр, то непременно обратите внимание на автоматы с газированными напитками. Главное, чем они соблазняют гостя торгового центра, так это богатым выбором. Вот, скажем, автомат, продающий пепси, рассчитанный на самообслуживание. В нем множество нюансов и настроек, как если бы от стакана этого напитка в вашей жизни действительно зависело нечто очень важное. Пепси стандартный или лайт? Со льдом или без? Большой стакан, средний или маленький? И никаких барменов и официантов. Выпив стакан такого напитка, ты не просто удовлетворяешь жажду, а испытываешь радостное удивление от того, как здорово эта автоматика умеет за тебя думать и даже объяснит, что именно тебе следует пить.

Поблизости от такого автомата вы можете наткнуться на снэк-бар, над которым вы увидите только одно слово из трех букв, выведенное огромными латинскими буквами – ЕАТ, что означает «ешь!». В этой закусочной кормят пресными лепешками, которые следует сворачивать рулоном, с начинкой по вашему выбору – мясным или овощным салатиком, с рисом или картофелем. Все это обильно посыпается пряными индийскими специями, поливается соусом карри, заворачивается в плотную салфетку – и ваш обед готов. Вы берете фаршированный блин в руку и, не теряя лишних минут, продолжаете свое шествие по торговому центру. Вообще, порой кажется, что еда для британца занимает столь малозначительное место в жизни, что не должно отвлекать от главного дела. Кажется даже, что британцы не едят, а заправляются едой, они на ходу проглатывают индийскую лепешку или сэндвич с тунцом, так, словно забрасывают

в себя новую порцию энергии, необходимую для решительных и энергичных действий. Они едят так, словно заливают бензин в автомобили.

Над равнодушием англичан к кулинарии не устают посмеиваться французы – о, эти знают толк в тонкостях вкуса! Изобретательный мир французских поваров дал миру не только непревзойденный новогодний салат оливье, но и такие общеизвестные понятия, как омлет, антрекот, майонез, гарнир. Даже слово «ресторан» – французского происхождения. Нет ничего удивительного, что гурман Гаргантюа был создан воображением французского писателя Франсуа Рабле. Кстати, и слово «гурман» – французское, и означает оно «обжору», просим не путать со словом «гурмэ» – «знаток, эксперт». И пусть вы не любитель фуа-гра, котлеты де-воляй и лягушачьих лапок в кляре, но сможете ли вы отказаться от истинно французского крем-брюле, пломбира, круассана и багета? А сотни сортов сыров, которые французы создали, словно отыгрываясь за собственное неуважение к творогу и кефиру? Твердые как камни, мягкие как масло и даже с растительностью на корочке в виде зеленой плесени. Разве могли бы британцы создать хоть один сыр подобного уровня? Нет, как мы знаем по истории «Троих в лодке...», сыры у британцев такие, что лучше всего их не есть, а закапывать в саду, ну от греха подальше.

А прекрасные бургундские вина, которые хороши не только для питья, но и для запекания телятины? А десятки, нет, сотни сортов соуса – главная гордость французских поваров. Уж где тут до них британцам, тьфу, с трудом сумевших изобрести единственный, с позволения сказать, соус – горчицу!

Французы не устают посмеиваться над бедностью кулинарного воображения англичан, ведь для Франции еда – это часть ее культуры. Еще бы, откройте «Пышку» Ги де Мопассана и перечитайте тот удивительный фрагмент, где спасающаяся от немцев девушка везет с собой в карете большую корзину всяческой снеди. С каким упоением Мопассан описал эту корзину Пышки, в которой нашлось место и паштету из жаворонков, и бутылкам красного вина, и цыпленку в желе, а ведь речь идет о бегстве от немцев, карета движется по оккупированной территории. А как вам понравятся монахини со шматком чесночной колбасы, завернутой в бумажку? Эти «святые», выставленные против «блудницы» автором повести. Такие простые детали – и как много ими сказано о типажах персонажей!

То, что вы закажете в английском ресторанчике, будет наверняка заимствовано из других кухонь мира, и вряд ли вы найдете в меню блюда, требующие длительного стояния у плиты или тщательной возни с сырыми продуктами.

Ни одному британцу, выдавшему лягушек сотнями на Черном озере, или, если угодно, «черном болоте», даже в голову бы не пришло, что лягушка может рассматриваться в качестве дичи! Британцы отшучиваются чем-то вроде «чем выше качество жизни у нации, тем меньшее внимание уделяется еде, тем меньше времени затрачивается вообще на кухню».

Кстати, творческий дар легендарного шотландского поэта Роберта Бернса создал на этот счет такой шуточный комментарий:

*Кто обожает стол французский —
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.*

Глава 6

Его величество учитель

В длинном павильоне «Зимнего сада» со стеклянной, как у оранжереи, крышей неторопливо прохаживались танцоры в гриме и блесках. Рядом с ними прогуливались артисты, успевшие переодеться в повседневную одежду – спортивные брюки или джинсы и футболки. Почему-то у большинства ансамбль был черного цвета, словно яркие «райские птички» хотели блистать лишь среди избранных, а выходя в сообщество обычных людей, стремились, напротив, стать как можно более незаметными.

Спортсмены, шумно катящие на маленьких колесиках чемоданы, полные разноцветного тряпья, блесков, лаков для волос, заколок, браслетов, туфель, спешили на свои выступления. В атриуме с прозрачным стеклянным потолком, как в парижском Лувре, под вечнозелеными разлапистыми пальмами фотографировались пары, уже оттанцевавшие и откатавшие свою программу. В павильоне стоял крепкий запах кофе. Симпатичные девушки с веселыми глазами в белых кружевных передниках стояли за маленькими тележками в «оранжерее» посреди пальм и продавали апельсиновый сок-фреш и мороженое. Желтые, как спелые груши, фонари, подвешенные к столбам, идущие в два ряда вдоль атриума-оранжереи, бросали на белый мраморный пол светлые пятна, в которых смешивались оттенки липового меда и осенних кленовых листьев. Между медовыми пятнами бродили чопорно вырядившиеся в длинные платья и черные костюмы гости, зрители вечернего отделения.

Так что же такое эти танцы – искусство или спорт? Художественные соревнования? Легендарный исполнитель европейской программы, один из основателей Блэкпульского фестиваля Маркус Хилтон дал следующее определение: «Танцор должен иметь стиль, элегантность, талант артиста балета и одновременно – энергию марафонца и выносливость атлета. Объединение этих качеств и создает истинного танцора».

В самом деле, проводились исследования по сравнению энергозатрат танцоров, исполняющих быстрый фокстрот – квикстеп, и танцоров-фигуристов на льду. Оказалось, что это цифры одного порядка. Однако является ли уровень физических усилий и энергетических затрат достаточным фактором, чтобы объявить, что конкурсный танец – это спорт?

Очевидно, что хорошая физическая форма – основа всякой производительности, внешняя легкость фигур требует больших затрат сил и энергии. Но та же легенда Блэкпула, Маркус Хилтон, уточняет: «Я видел чемпионов, с одышкой добирающихся до раздевалки после взрывного квикстепа, но не проявляющих на паркете и малейших признаков усталости. Я видел мастеров танцевальных шоу, требующих огромных физических затрат, и после сложнейшей акробатики исполнители быстро восстанавливали дыхание, даже находили силы для интервью прессе. Но это еще не повод считать их спортсменами. Подлинный танцевальный спорт – это элегантность и искусство, характер и музыкальность. Для такой задачи нужны такие инструменты, как здоровье и физическая выносливость. Но артистизм – это подлинная суть бального танца».

Алмазные диадемы и колье, собранные из ювелирного хрусталя знаменитой австрийской компании Swarovski, сверкали на дамах как звезды на небосклоне. Шляпы со страусовыми перьями, шелковые и бархатные платья с воланами, узорчатые шали, веера и боа из перьев марабу, гипюровые перчатки до локтя, пышные перл-шифоновые юбки и ригелиновая пена оборок. Оранжерея превратилась в райский уголок, наполненный диковинными существами, которые щебетали под вечнозелеными пальмами. Вокруг этих колибри увивались мужики – в строгих темных костюмах, белых рубашках с бабочками.

Где-то поблизости шумела кофейная машина, варили арабский и бразильский кофе. Оранжерея с пальмами отделялась от «аквариума» витражным стеклом, идущим от потолка и до пола, так что все, кто заходил в кафе, чувствовали себя «золотыми рыбками». К высокой деревянной стойке, за которой работал бармен в белоснежной шапочке и фартуке, выстроилась длинная очередь. В полумраке кафе с малиново-лиловой ниткой мерцающих огней по периметру стояли круглые столики с маленькими вазочками, из которых выглядывали мелкие белые и алые бутоны чайной розы. Некоторые столики оказались заняты беседующими джентльменами, в их разговоре присутствовала английская сдержанность манер аристократов, которая вынуждает людей использовать в качестве аргументов логику, а не эмоциональные убеждения.

Внутри «аквариума»-оранжереи проходили деловые встречи, здесь же встречались друзья-конкуренты. За столиками, крытыми блестящими скатертями, сидели дамы в ожидании заказа. Их кавалеры стояли в очереди. Выбрав столик в углу кафе, под огромным фикусом, Полина встала в очередь и тут же столкнулась взглядом с высоким темноволосым мужчиной. Это был легендарный танцор и не менее легендарный преподаватель танцев по имени Артур. Его звезда на небосклоне зажглась внезапно – стремительно, масштабно, маняще. Однако, завоевав самые высокие награды мира, Артур Кара-Мурза неожиданно объявил о своем уходе с паркета. Уход из «стандарта», всего-то в возрасте сеньоров – нелепо, дико, смешно, досадно, удивительно. История ухода Кара-Мурзы с чемпионатов была окружена массой легенд, слухов, сплетен и самых невероятных домыслов. Это выглядело как осознанное самоубийство, как безвыходность, как личная трагедия, когда полный сил и спортивного потенциала мужчина объявляет о том, что расстанется с прекрасным и вдохновляющим к жизни миром.

Многие запомнили прощальный танец Артура – парение в медленном фокстроте. Вместе с партнершей они летели, скользили над паркетом, словно лебеди над морем. Белоснежное платье Жени Журавлевой, легендарной партнерши Артура, сшитое из десятков метров тончайшего шелкового шифона, колыхалось при каждом шаге как парус барки в порывах морского бриза. Но сам Артур напоминал раненую птицу, в его фигуре отразилось не вдохновение, а боль безысходности. По примеркам и кулуарам поползли слухи и домыслы о причинах поспешного ухода Артура с конкурсного паркета. А зрители, видевшие прощальный, завораживающий танец, пребывали в недоумении и строили невероятные предположения исходя из личного мировоззрения и опыта.

Артур узнал Полину.

– О, на Блэкпул прибыл журнал «Паркета»! Полина Бересклет! Вы?! Глаза дружбы редко ошибаются.

Артур пригласил репортершу сесть за один столик. Он взял для нее чашку итальянского капучино и многослойное бисквитное пирожное тирамису с творожным кремом и посыпанное шоколадной крошкой. Забавно все-таки, что в Англии мода на итальянскую кухню! Однако перенести итальянский темперамент на берег Туманного Альбиона оказалось невозможно. С другой стороны, можно поражаться, как при ежедневной овсянке, при чудовищном однообразии завтрака англичанам удается оставаться бодрыми, жизнерадостными и веселыми.

Полина и Артур заняли столик в углу гигантского «аквариума», сквозь прозрачные стены которого посетители, попивающие чай-кофе, изучали жизнь внешнюю. В кафе было тихо и малоллюдно, разговор никто не подслушает. Капля кофейной пены упала на блюдце, нарушая безукоризненную чистоту английской атмосферы. Полина смахнула каплю салфеткой черного цвета, как и полагалось для города под названием Блэкпул. На салфетке золотыми буквами значилось Winter Garden.

– Не ожидала вас увидеть, Артур, – Полина сдержанно улыбнулась, выдерживая нейтральный тон.

– Отчего же? Блэкпул – это Мекка танцевального искусства... Да, я считаю танец искусством, а не спортом. Говорят, будто бы Аристотель подметил: «искусство – это все то, что хочется оформить в раму». Сколько живописных сюжетов рождает танцевальный паркет!

– Говорят, что перестают танцевать не потому, что стареют. Скорее напротив, стареют оттого, что перестают танцевать.

– Верно!

– И ваша головокружительная карьера резко оборвалась...

– Не оборвалась, а завершилась. Все в этом мире имеет свое начало и конец, – Артур пригубил чашку с кофе и перевел свой взгляд темных, глубоких карих глаз, прикрытых стеклами дымчатых очков, на стены кафе. Было видно, как он не без наслаждения всматривается в пейзажи в золоченых рамах: зеленые деревья в окружении полей и лугов с пасущимися на них рыжими и вороными конями, с протекающими мимо неторопливыми речками.

– Как можно отказаться от успеха?

– Успех, значит «успеть». Я успел стать чемпионом мира, успел покорить Блэкпул. Это – вершина. А дальше? Жить на обледенелой вершине Эвереста – невозможно!

– Вам захотелось порвать с паркетом, с конкурсами? Не верю!

– Со сцены надо уходить вовремя. И с танцевальной, и с театральной – с любой. Надо уходить на пике, на взлете! Чтобы зритель запомнил тебя в силе, в расцвете твоих способностей. Чтобы он помнил твой танец – танец чемпиона.

– Согласна. Трагичный обрыв делает человека легендой. Гагарин погиб при испытании самолета. Пушкина и Лермонтова убили. Че Гевару расстреляли...

– Замечу, что все ваши примеры показывают его величество рок, судьбу, фатализм. А вот Маяковский, Фадеев, Есенин, Цветаева в своей гибели отнюдь не стали легендами. Нет! Даже Гоголь продолжает будоражить наши умы своей загадочной смертью именно потому, что его ранняя гибель не выглядит самоубийством. И все-таки я верю в судьбу, в фатум. А вы?!

– Я не задумывалась над этим. Можно еще вопрос, Артур? Вы поставили точку в своей карьере всего в тридцать лет. Это выглядело как самоубийство.

– Нет! – Артур покачал темной курчавой головой. – Я же сказал, что танец – это искусство, а не спорт. К тому же я принял решение под давлением обстоятельств. Одновременно навалилось несколько чудовищных событий, их груз был непосилен. Но я не ушел из вселенной искусства. Обстоятельства лишь заставили меня взглянуть на себя со стороны и поменять вектор движения...

– Вот как? – Полина ковырнула серебряной вилкой тирамису. Ох уж эти итальянцы, которые додумались кушать пирожные при помощи вилок.

– Вы слышали о моем клубе «Омега»? Я создал авторскую школу после ухода с конкурсов!

– Вы и раньше давали уроки танца.

– Верно! Но одно дело давать уроки частным образом и совсем другое – создать школу, разработать образовательную программу, собрать коллектив педагогов... Чудовищные, кошмарные обстоятельства заставили меня задуматься, ответить на вопрос, кто я, ради чего живу, в чем моя миссия.

– Разве не в том, чтобы стоять на чемпионском пьедестале?

– Только мраморную статую красит пьедестал. А человека красят его деяния! Вот я и задумался над тем, в чем же должно быть мое деяние, – Артур вытер салфеткой губы, – Еще кофе, Поля, а? Я не хотел быть жертвой обстоятельств. Я хотел управлять событиями своей жизни, а они, как выяснилось, определяются нашими мыслями. И все-таки... Звезды над нами сходятся и расходятся. Фатум сильнее нас.

Один из официантов, а может быть, администраторов кафе в белоснежном фартуке прошел через зал и нажал кнопку большого черного квадрата, висящего на одной из стен. Квадрат

ожил, и на нем вспыхнула картинка конкурсного паркета. Это была прямая трансляция, права на которую выкупило Лондонское телевидение. На большом экране продолжалась ожесточенная борьба за кубок с химерами, следить за которой теперь можно было, не выходя из кафе.

– Артур, вы сказали, что спортивные танцы – это искусство. Сфера прекрасного.

– Именно! А все прекрасное недолговечно, и самая недолговечная красота – это танец и цветы, – Артур протянул руку к вазочке с чайными розами и, взяв ее в длинные, как у настоящего аристократа пальцы, вдохнул аромат. – И мне хотелось присоединить к красоте более прочные качества.

– Например?

– Образование. Я решил освоить методику преподавания. Одно дело частные уроки и совсем другое – авторская школа. Я начал свое образование как настоящего педагога лишь в тридцать лет, но, как говорил, кажется, Эзоп, не надо стыдиться обучению в зрелом возрасте, лучше научиться поздно, чем никогда. И поэтому я ушел так рано с конкурсного паркета, новая сфера деятельности требовала полной самоотдачи.

– Так вы решили стать педагогом?

– Педагогом с большой буквы! Способным передавать свой опыт другим учителям, а не только ученикам. Я первым создал обучающий видеокурс, он вышел на видеокассетах – помните, были такие кассеты, с пленкой? Потом я решил свой опыт изложить в книгах. К тому времени, когда вышла моя первая книга, школа бального танца «Омега» уже была знаменита на всю страну. Конечно, мне очень помог в самореализации мой наставник Мирослав Нагорный. Он ведь тоже вынужден был решать сложную для себя задачу, куда идти после завершения конкурсной карьеры. И ведь он успешно решил эту задачу, создав абсолютно уникальный проект «Русский вальс» и став председателем Лиги спортивного танца в Международном олимпийском комитете! О, я восхищаюсь импресарио Нагорным!

– «Русский вальс» – это сложный просветительский проект, культурная миссия России за рубежом. Прежде всего на европейских площадках. Чтобы тянуть на себе этот груз, стать продюсером и послом доброй воли, нужны талант, характер, энергия, интеллект. Уверен, что никто, кроме Нагорного, не справился бы с подобной грандиозной задачей. Я восхищаюсь Мирославом, это выдающийся импресарио наших дней, его можно поставить в один ряд с Сергеем Дягилевым, подарившим Парижу «Русские сезоны»!

– А вы решили уйти в педагогику?

– Каждому свое. Мирослав – это настоящий буйвол, он пашет двадцать четыре часа в сутки, он тянет на себе груз, мне непосильный. Ему приходится общаться со спонсорами, доставать деньги, вести бесконечные переговоры... Ему, конечно, очень помогала в раскрутке «Вальса» молодая жена Дарья, настоящая рабочая лошадка... – лицо Артура исказилось в болезненной гримасе. – А мое призвание – создавать методики преподавания. Вообще, я считаю образование величайшей социальной миссией, ведь только благодаря ему люди быстрее думают и правильнее действуют.

– И ради своих методик вы решили больше не выступать?

– Орлу трудно добиться успеха в курятнике. Он несет слишком мало яиц! – Артур усмехнулся. – Дело в том, что на паркете ты всегда исполнитель. И если ты по своей натуре лидер, то душа будет просить чего-то большего.

– И в чем же, если не секрет, конкурентное преимущество «Омеги»?

– Мы учим не технике, а воспитываем характер. Кредо нашей школы держится на трех китах. Воспитание любознательности и страсти к познанию мира, это раз. Воспитание настойчивости в достижении цели, воли и духа, не признающего поражения, это два. И наконец, поощрение стремления к творчеству, к созданию собственного и качественно нового продукта. Это самое сложное, и это три.

Полина задумалась над только что услышанным. В самом деле, может, мы недооцениваем роль образования в современном мире? И не потеряем ли мы способность к обучению и к самообразованию в современном высокотехнологичном мире? Мы живем в век космических скоростей, чудесных технологий, создания виртуального мира – интернета. Но каким должно быть образование в цифровую эпоху?

Какую роль в наше время и в будущем будет играть Учитель?

В середине XX столетия появились американские публикации о том, что, дескать, вредно человеку всю жизнь сидеть на одном месте, однообразная работа отупляет, а потому надо менять каждые пять лет профессию, место работы. Но типичный выпускник школы начала XXI века, еще не приобретя ни одной специальности, уже стремится поменять работу, активно начиная рассылать резюме по всевозможным компаниям. Желание как можно больше заработать превалирует над желанием учиться, приобретать знания. В самом деле, зачем эти знания нужны, когда можно все найти в интернете? Набрал в поисковой системе то, что тебя интересует, – и вперед, бери из «внешней памяти» все, что тебе понравится. Зачем учиться?! Мучить свои мозги нагрузкой, когда есть электронные планшеты, смартфоны, айподы? Там же готовая информация... Но разве обучение – это всего лишь набивание своей головы знаниями?

Ведь если эти знания не приобретать, то и мышление не развивается. Вот в чем парадокс! Кто-то из психологов обещал, что XXI век будет веком человека, креативно мыслящего, творческого. Ничего подобного! На смену человеку мыслящему, человеку разумному приходит биоробот, опирающийся на готовые программы, но он не в состоянии создать ни одной программы самостоятельно!

– Танец как искусство... – Полина отодвинула на край стола блюдце, где недавно красовалась горка тирамису, медленно подбирала точную формулировку своих мыслей. – Искусство – это абсолютная иллюзия. Кто-то из великих сказал: «Искусству – искусственное, а жизни – жизненное». Вам никогда не хотелось вернуться в реальность?

– Я никогда не покидал мира реальности! Тех, кто выбирает мир искусства, отказавшись от реальности, ждет катастрофа. – брови Артура взлетели над его темными, глубокими карими глазами. – Невозможно стать успешным в танцевальном спорте, если человек ради танцевального мира покидает реальность, понимаете? Все, кого вы здесь видите на Блэкпуле, очень успешны, и все они живут в двух мирах одновременно. Можно быть снобом и чемпионом. Но нельзя быть чемпионом и мизантропом. Это так же верно, как и то, что не бывает кофе капучино без молочной пенки.

Кара-Мурза отставил допитую чашку кофе в сторону и начал вспоминать, как он с партнершей буквально жил в самолете. Бешеный ритм жизни требовался, чтобы войти в пятерку лучших танцевальных пар мира. Перелеты стоили огромных денег, не говоря уж о гостиницах и хлебе насущном, о костюмах с узорами из хрустальных камней Swarovski, которые стоили баснословных денег. Эти деньги нужно было где-то находить, зарабатывать.

– Однажды я посчитал, сколько же денег я истратил за свою танцевальную карьеру. Оказалось, миллион долларов! Ничего себе! Я рассказал об этом друзьям. «Ну ты и болван! – сказали они мне. – Ведешь себя как попрыгунья стрекоза. Протанцовываешь такие огромные деньжищи! Лучше бы ты их копил, был бы сейчас как работяга муравей – миллионером!»

– И что же вы ответили друзьям?

– О, человеческие заблуждения! Если я сумел на соревнования и поездки истратить целый миллион долларов, значит, я умудрился эти деньги где-то и заработать? Где же? Ведь я не Генри Форд, у меня не было, как и у любого танцора, какого-то производственного бизнеса. Я давал уроки танцев, готовил будущих чемпионов. И только лишь преподавательская деятельность и дала мне этот миллион! Однако вот главный нюанс этого рецепта. Почему те же самые уроки танцев не сделали других педагогов миллионерами? Более того. Я знаю огромное количество педагогов, едва сводящих концы с концами, учителей, не способных набрать

группу учеников. Я знаю и учителей, от которых ученики уходят, как песок сквозь пальцы. Ведь в танце никого нельзя удержать насильно. Это вам не школьный аттестат, ради которого дети выдерживают все что угодно.

– У вас была какая-то особая методика преподавания?

– Да. Я ее создавал годами. Вначале ты приобретаешь знания, умения, навыки. А потом передаешь их ученикам. И эти знания уже начинают работать на тебя! С лихвой. Не жалеете ресурсов на свое обучение! В этом секрет успеха.

– Для того чтобы танцевать на престижных турнирах, требуются большие деньги, а для того, чтобы их заработать, необходим статус чемпиона? Замкнутый круг!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.